

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2020

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, personality psychology, history of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal "Psychology. Pedagogy. Education" publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts;

To promote the integration of academic and university science;

Stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolev, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелобина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко доктор психологических наук, ИП РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D., профессор, университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Дени, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

CONTENT

From the editor8

Thematic reports

Inna R. Altunina

Motivation problems in foreign personality theories..... 12

Eugenia E. Krieger, Galina A. Mishina

The phenomenon of «substitute perception»: philosophical and psychological justification..... 29

Empirical research

Elena P. Belinskaya, Ekaterina A. Rudik

Attitudes to radicalism and preferences of film genres in youth 41

Oksana V. Gavrichenko, Irina G. Zotova, Vitaly K. Shabelnikov

Attitudes towards marriage in married and divorced women..... 53

Azat R. Kudashev, Oleg V. Kropovnikskii

Types of leaders: coping strategies and socio-psychological characteristics.....70

Cléopâtre Athanassiou-Popesco, Natalia Yu. Fedunina,

Fariza Ts. Musaeva

Work with chronic traumatization by the method of children's psychodrama. Analysis of the case..... 85

Nadezhda V. Mazurova, Anna A. Frolova

Features of the socialization of teenage orphans..... 102

Marina M. Mishina, Ksenia A. Vorobyeva

Psychological characteristics of teenagers prone to deviant behavior. On the example of Russian and Uzbek teenagers.....117

Alexander V. Bulgakov

Humanity in the organization: in the context of the principle of cultural mediation.....140

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора..... 8

Тематические сообщения

И.Р. Алтунина

Проблемы мотивации в зарубежных теориях личности.....12

Е.Э. Кригер, Г.А. Мишина

Феномен «замещающего восприятия»: философско-психологическое обоснование..... 29

Эмпирические исследования

Е.П. Белинская, Е.А. Рудик

Радикалистские установки и предпочтения жанров киноискусства в юношеском возрасте.....41

О.В. Гавриченко, И.Г. Зотова, В.К. Шабельников

Отношение к браку у замужних и разведенных женщин.....53

А.Р. Кудашев, О.В. Кроповицкий

Типы руководителей: копинг-стратегии и социально-психологические характеристики.....70

К. Атанасиу-Попеско, Н.Ю. Федунина, Ф.Ц. Мусаева

Работа с хронической травматизацией методом детской психодрамы: анализ случая..... 85

Н.В. Мазурова, А.А. Фролова

Особенности социализации подростков-сирот.....102

М.М. Мишина, К.А. Воробьева

Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению: на примере российских и узбекских подростков.....117

А.В. Булгаков

Человечность в организации: в контексте принципа культурного опосредования.....140

От редактора

Представляем последний номер этого сложного високосного года, который, однако, принес нам много новых тем для изучения и осмысления. Думаю, что материалы, посвященные психологическим проблемам, связанным с локдауном и карантином по COVID-19, найдут отражение на страницах журнала в новом году.

В этом номере представлены статьи, посвященные важным современным проблемам теории и практики, прежде всего сравнительному анализу концепций мотивации (И.Р. Алтунина) и обоснованию терапевтической модели «замещающего восприятия» (Е.Э. Кригер и Г.А. Мишина). Необходимо подчеркнуть, что статья Е.Э. Кригер и Г.А. Мишиной является продолжением работ Е.Э. Кригер, посвященных системно-феноменологическому подходу.

В контексте современных радикалистских и террористических установок большой интерес представляет статья Е.П. Белинской и Е.А. Рудик, в которой рассматривается связь между радикалистской мотивацией, поведением и предпочтениями определенных кино жанров. Представляется важным и сделанный авторами вывод об отсутствии связи между эстетическими предпочтениями и установками деструктивного поведения.

Актуальную проблему об отношении к браку у замужних и разведенных женщин поднимают в своей статье О.В. Гавриченко и И.Г. Зотова. Полученные ими материалы подтверждают наличие постоянных и изменчивых стереотипов в восприятии брачных отношений у современных женщин, а также сочетание новых тенденций на эгалитарность и прагматизм с установкой на семью как защиту и поддержку, характерные для транзитивного общества.

Не менее значимый вопрос о важных для современного руководителя качествах поднят в статье А.Р. Кудашева и О.В. Кроповницкого. Полученные данные позволили авторам создать типологию, в которой связываются копинг-стратегии и локус контроля.

Психологические характеристики детей с различными формами депривации, а также способы коммуникации и помощи таким детям рассматриваются в двух статьях. Это работа, направленных на анализ роли прихода в коррекции хронической депривации (К. Атанассиу-Попеско, Н.Ю. Федунина, Ф.Ц. Мусаева) и сравнительный анализ социализации детей сирот и их сверстников, проживающих в семьях (Н.В. Мазурова, А.А. Фролова). Эти статьи показывают важность для современной психологии как изучения закономерностей, так и отдельных случаев, что помогает выстроить целостную картину индивидуальных стратегий социализации современных детей и подростков.

Специфика трудностей социализации подростков из разных культур представлена в исследовании М.М. Мишиной и К.А. Воробьевой. Особенно важным представляется положение авторов о том, что девиантное поведение может быть связано как с деструктивными, так и с инновационными аспектами развития.

Эмпирический материал, представленный в работе А.В. Булгакова, показывает роль крайне актуального сегодня качества гуманного отношения к окружающим в деятельности организации.

From the editor

Introducing the latest issue of this challenging leap year, which, however, has brought us many new topics to explore and reflect. I think that materials devoted to the psychological problems associated with the lockdown and quarantine for COVID-19 will be reflected on the pages of our journal in the new year.

This issue contains articles devoted to important modern problems of theory and practice, primarily a comparative analysis of the concepts of motivation (I.R. Altunina) and the justification of the therapeutic model of “substitutional perception” (E.E. Krieger and G.A. Mishina). It should be emphasized that the article by E.E. Krieger and G.A. Mishina is a continuation of the works of E.E. Krieger devoted to the system-phenomenological approach.

In the context of modern radicalistic and terrorist attitudes, is of a great importance the article by E.P. Belinskaya and E.A. Rudik, which examines the relationship between radicalistic motivation, behavior and preferences in certain genres of cinema. The conclusion made by the authors about the absence of a connection between aesthetic preferences and attitudes of destructive behavior is also significant.

The actual problem of the attitude towards marriage among married and divorced women is raised in his article by O.V. Gavrichenko and I.G. Zotova. The materials which they received confirm the presence of constant and changeable stereotypes in the perception of marriage relations among modern women, as well as a combination of new trends towards egalitarianism and pragmatism with the orientation towards the family as protection and support, typical for a transitional society.

An equally significant question about the qualities important for a modern leader is raised in the article by A.R. Kudasheva and O.V. Kropovnitsky. The data obtained allowed the authors to create a typology in which coping strategies and locus of control are linked.

The psychological characteristics of children with various forms of deprivation, as well as ways of communicating and helping such children are discussed in two articles. This is a work aimed at analyzing the role of psycho-drama in the correction of chronic deprivation (K. Atanassiu-Popesco, N.Yu. Fedunina, F.Ts. Musayeva) and a comparative analysis of the socialization of orphans and their peers living in families (N.V. Mazurova, A.A. Frolova). These articles show the importance for modern psychology of both the study of patterns and individual cases, which helps to build a holistic picture of the individual strategies of socialization of modern children and adolescents.

The specificity of the difficulties of socialization of adolescents from different cultures is presented in the study of M.M. Mishina and K.A. Vorobyova. The authors' position that deviant behavior can be

associated with both destructive and innovative aspects of development is especially important.

The empirical material presented in the work of A.V. Bulgakov, shows the role of the extremely relevant quality of humane attitude towards others in the activities of the organization.

Тематические сообщения

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-12-28

Проблемы мотивации в зарубежных теориях личности

Инна Р. Алтунина

*Московский институт психоанализа
Москва, Россия, inna-altunina@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются зарубежные авторские психологические теории личности с точки зрения постановки и решения в них вопросов, относящихся к области мотивации поведения человека. Представлены в основном такие теории, которые обычно присутствуют как в монографиях, посвященных теоретическим вопросам психологии личности, так и в книгах, чье назначение состоит в том, чтобы осветить мотивационную проблематику. Раскрываются и обсуждаются положения этих теорий, относящиеся к тематике мотивации. Особое внимание обращено на отсутствие четких научных критериев отнесения той или иной теории к личностной или мотивационной проблематике, хотя фактически мотивация – это только частный аспект психологии личности. В заключение делается вывод о том, что в современных теориях личности вопросы мотивации поведения человека раскрыты достаточно полно и разносторонне, однако до сих пор не существует единой, целостной психологической теории мотивации и четкого разделения теорий на личностные и мотивационные. Это же утверждается и относительно тех психологических теорий личности, которые значительно отличаются друг от друга по терминологии, рассматриваемым в них проблемам и предлагаемым ими научным решениям.

Ключевые слова: мотивация, личность, теории личности

Для цитирования: Алтунина И.Р. Проблемы мотивации в зарубежных теориях личности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С 12–28. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-12-28

Motivation problems in foreign personality theories

Inna R. Altunina

*Moscow Institute of Psychoanalysis
Moscow, Russia, inna-altunina@rambler.ru*

Abstract. Foreign author's psychological theories of personality from the point of view of formulating and solving issues related to the field of motivation of human behavior are examined in the article. The theories are mainly presented, which are usually considered both in monographs devoted to theoretical issues of personality psychology, and in books, the purpose of which is to illuminate motivational issues. The provisions of these theories related to the topic of motivation are revealed and discussed. Particular attention is paid to the lack of clear scientific criteria for classifying a particular theory as a personal or motivational problem, although in fact motivation is only a particular aspect of personality psychology. In conclusion, the point is made that in modern theories of personality, the issues of motivation of human behavior are disclosed quite fully and versatile, however, there is still no unified, holistic psychological theory of motivation and a clear division of the theory into personal and motivational. The same is stated with regard to psychological theories of personality, which differ significantly from each other in terms of terminology, problems considered in them and scientific solutions offered to them.

Keywords: motivation, personality, personality theory

For citation: Altunina, I.R. (2020), "Motivation problems in foreign personality theories", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no. 4, pp. 12–28, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-12-28

Введение

В современной зарубежной психологии одной из наиболее активно разрабатываемых проблематик является психология личности и мотивации ее поведения. Одних только теорий личности создано уже более четырех десятков, и почти в каждой из них ставятся и решаются вопросы мотивации. На русский язык за последние годы было переведено немало книг, в которых представлены обзоры соответствующих теорий [Первин, Джон 2001; Франкл 2004; Холл, Линдсей 2000; Хьел, Зиглер 2003], но все эти теории имеют один общий недостаток. Он заключается в том, что проблемы личности и мотивации в них четко между собой не разграничены и, как правило, обсуждаются в совокупности.

В основе этого могут лежать несколько причин. Во-

первых, тем, что в состав личности входят психологические образования, объясняющие поведение человека. Во-вторых, такие мотивационные факторы, как потребности, мотивы, цели, интересы и другие, одновременно выступают и как свойства (черты) личности, и как мотивы поведения. В-третьих, понятие «личность» традиционно служит психологам основой для истолкования действий и поступков людей.

Поэтому в психологии не существует четкого разделения теорий личности и теорий мотивации. Зачастую к тем и другим относят одни и те же теории, например, теории А. Маслоу, Г. Маррея, К. Левина [Маслоу 2012; Хьел, Зиглер 2003; Левин 2011] можно встретить как в изданиях по теориям личности, так и по теориям мотивации.

Однако в связи с тем, что в современной психологии проблемы личности и мотивации уже четко разделены, имеется необходимость провести такое же разграничение и внутри существующих теорий с помощью выделения и отдельного обсуждения мотивационной проблематики в том ее виде, в каком она раскрыта в существующих психологических теориях личности.

Наша статья решает эту задачу и восполняет дефицит информации на данную тему. В ней представлен анализ многих теорий личности, созданных за рубежом, но с акцентом на имеющуюся в них мотивационную проблематику. Соответственно, при описании теорий личности они в статье излагаются не полностью, а только те их составляющие, которые имеют отношение к мотивационной проблематике. (Фамилии авторов соответствующих теорий выделяются петитом, а далее рассматриваются отдельные положения разработанных ими теорий, объясняющие поведение человека или его мотивации.)

Среди многих вопросов, которые ставятся и решаются в современных зарубежных теориях личности, есть два, напрямую связанных с мотивацией. Это, прежде всего, структура личности. Она дает представление о системе устойчивых психологических образований, характерных для человека и управляющих его поведением. Это также способ объяснения поведения человека, его мотивация, представленная в рамках данной научной теории.

Структура личности в различных научных теориях

В состав личности, по Джемсу [Первин, Джон 2001] входят такие устойчивые психологические образования, как ценности, мораль, жизненные цели, мотивы поведения, чувства, отношения, привычки и воля. Все перечисленные психологические свойства человека как личности также используются в научных объяснени-

ях поведения людей с позиций данной научной теории. Их, следовательно, можно отнести к мотивационным понятиям¹.

Структура личности, по Маслоу [Маслоу 2012], представляет собой иерархизированную систему потребностей, в которой предпочтение в плане их возникновения, актуализации и значения для характеристики человека как личности отдается потребностям более высокого уровня. Они же характеризуют достигнутый уровень психологического развития человека. Отсюда следует, что потребности человека и их иерархия являются главными мотивационными факторами, управляющими поведением людей согласно данной теории.

Одной из важнейших характеристик человека как личности по теории Роджерса [Холл, Линдсей 2000], является Я-концепция, сформировавшаяся на основе жизненного опыта человека. Она представляет собой динамичную, изменяющуюся часть самосознания человека. Жизненный опыт человека также является важной составляющей его личности. Уникальный для каждого человека опыт содержит в себе все, что происходило раньше или происходит с ним сейчас и вокруг него. Согласно теории Роджерса, Я-концепция – это главное, чем мотивируется поведение человека и от чего зависят совершаемые им действия и поступки. Приобретаемый жизненный опыт, с одной стороны, изменяет и обогащает его Я-концепцию, а с другой стороны, соответствующим образом меняет его поведение в обществе.

Главное в личности, по В. Франклу [Франкл 2004], это смысл жизни, а также связанный с ним мотив смыслообразования, выражающий стремление человека к осознанию и пониманию (осмыслению) своей жизни, приданию ей определенного, ценного для него как личности смысла («воля или стремление к смыслу» – в интерпретации самого Франкла). Данный мотив поведения не сводится к имеющимся у человека потребностям, не выводится из них непосредственно. Он сознательно и целенаправленно определяется для себя самим человеком, и данный процесс происходит непрерывно в течение жизни. Из этого следует, что для того, чтобы понять и предсказать поведение человека, надо знать, какой смысл для него имеет собственное существование и роль, какую соответствующая та или иная форма поведения играет в практической реализации смысла жизни конкретного человека.

Экзистенциальные теории личности. В этих теориях подход к личности осуществляется не с психологической, а с философской точки зрения. Понятие личности раскрывается их авторами через

¹ Это замечание относится ко всем рассматриваемым далее теориям личности и поэтому повторяться не будет.

понятия, заимствованные из экзистенциальной философии, включая такие, например, как «модусы существования», «свобода», «ответственность», «становление», «трансценденция», «пространственность», «темпоральность» и другие. Такое представление о личности, с одной стороны, затрудняет поиск точного психологического объяснения тех или иных конкретных действий и поступков человека, с другой стороны, указывает на недостаточность исключительно психологического понимания личности, но на необходимость междисциплинарного подхода при изучении мотивации и поведения человека с учетом сложившихся в философии идей и традиций. Базисом для создания всеобъемлющей, системной теории мотивации поведения человека должны послужить исследования не только в области психологии – она должна стать результатом интеграции представлений о человеке, разрабатываемых разными науками, включая философию.

Согласно учению Э. Фромма [Фромм 1990], структура личности представляет собой взаимосвязанную совокупность черт социального характера, то есть такого характера, который формируется под влиянием общества и реализуется в разнообразных социальных действиях и поступках человека. У него, утверждает Фромм, имеются специфические, отличающие его от животных экзистенциальные потребности. Одна из них – потребность в установлении благоприятных взаимоотношений с людьми. Другая – желание человека совершенствовать себя как личность, подняться над пассивным и случайным повседневным существованием, переместиться «в царство целеустремленности и свободы». Третья – потребность в самоукоренении. Она направлена на то, чтобы сделать для человека окружающий мир своим домом, установить тесные связи с другими людьми. Четвертая – обретение человеком чувства самоидентичности. Такое стремление, в свою очередь, базируется на желании человека понять и осознать себя как отдельно существующую, самостоятельную, своеобразную и уникальную личность. Пятая – потребность в обладании системой ценностей, которая позволяет человеку иметь собственное мнение, ориентироваться в мире, предлагать личные, продуманные и взвешенные оценки всему, что происходит в этом мире. Согласно учению Фромма, поведение человека в обществе мотивируются всеми перечисленными выше потребностями. В отличие от А. Маслоу, у которого потребности человека выступают как иерархизированные, для Э. Фромма все экзистенциальные потребности имеют равное значение и все их для нормального, благополучного существования человека в современном обществе необходимо удовлетворять.

Структура личности по Фрейду [Фрейджер, Фейдимен 2004]

включает в себя три части: бессознательное (Ид), самосознание (Эго) и сверхсознание (Супер-эго). В состав бессознательного входят два основных инстинкта: инстинкт жизни (Эрос) и инстинкт смерти (Танатос). Кроме них в состав личности также включаются защитные психологические механизмы. Мотивация поведения человека согласно такому представлению о личности является многоуровневой и системной. Главный мотивирующий фактор – это бессознательное (Ид). Оно присутствует всегда и везде и управляет практически всеми формами поведения человека. На втором месте по активности участия в мотивации поведения находится сверхсознание (Супер-эго). На третьем месте стоит Эго. Его задача заключается в том, чтобы непротиворечивым образом, с использованием разнообразных психологических защитных механизмов, объединить мотивационные тенденции, действующие со стороны Ид, Эго и Супер-эго.

Личность, по Юнгу [Юнг 1998], имеет следующие составляющие: эго, персона, тень, анима (у мужчин), анимус (у женщин) и самость. Все они являются архетипами. Эго – это своеобразный центр сознания личности и, вместе с тем, один из главных архетипов. Персона – внешнее проявление того, чем на самом является человек, или то, что он сознательно предъясвляет окружающему миру. В состав персоны входят социально приемлемые, положительные черты характера, социальные роли и одобряемые в обществе формы поведения. Персона – это «я для других», или маска, за которой человек может скрывать свое истинное лицо. Тень представляет собой архетипическое образование, включающее часть психики человека, подавленную его сознанием. В тени наличествует то, что психологически несовместимо с персоной, противоречит принятым человеком социальным, моральным и этическим нормам. (Тень включает в себя то, что фактически совпадает с бессознательным у З. Фрейда.) Анима или анимус – это архетипические структуры, которые выступают как составные части персоны и по-разному представлены в психологии и поведении мужчин и женщин. Анима или анимус, в конечном счете, интегрируются в персоне человека, определяя те жизненные роли, которые он берет на себя. Самость – главный архетип, определяющий психологический строй и целостность данной личности. Он обеспечивает единство сознания и бессознательного. У большинства людей эта часть их психологии не развита, и они о ней почти ничего не знают.

Непосредственно под сознанием в структуре личности располагается бессознательное, состоящее из тех психологических образований, которые связаны с приобретенным в процессе жизни опытом человека. Этот уровень недостаточно глубокий и потенциально доступен осознанию. В нем находятся комплексы, которые в

сознании человека проявляются в виде доминирующих идей. Бессознательное, в свою очередь, делится на личное и коллективное. В личном бессознательном представлены переживания, когда-то находившиеся в сознании человека, но со временем вытесненные из него, подавленные, забытые или игнорируемые. Многие из них являются слишком слабыми для того, чтобы стать осознанными.

Ниже уровня личного бессознательного базируется коллективное бессознательное, содержащее аккумулярованный тысячелетиями обобщенный опыт прошлых поколений людей. Коллективное бессознательное является глубинной основой личности человека. Это продукт родовой истории человека, своеобразное духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся, по мнению К. Юнга, в структуре мозга каждого индивидуума. Коллективное бессознательное состоит из влиятельных и устойчивых психических образов, или архетипов. Они представляют собой врожденные идеи или воспоминания, которые предрасполагают людей воспринимать, переживать и определенным образом реагировать на события в их жизни. Каждый архетип связан с тенденцией человека специфическим способом выражать свои чувства в отношении соответствующего события, объекта или ситуации. Сознание и бессознательное в структуре личности не конфликтуют между собой, а дополняют друг друга, образуя некоторого рода единство. Ведущие комплексы берут на себя функцию контроля над личностью человека, определяя его психологию и поведение.

Таким образом, Юнг не только среди психоаналитиков, но также и психологов разработал самую сложную, многокомпонентную и системную теорию личности и мотивации поведения человека, и согласно ей поведением человека управляют все, перечисленные выше психологические образования. Однако многие вопросы, связанные с мотивацией поведения человека, в теории Юнга до сих пор остаются без четких, удовлетворительных ответов. Среди них следующие:

1. Отсутствие точного, операционализованного и верифицированного определения перечисленных выше психологических образований (в данном случае и далее под операционализацией и верификацией будет пониматься наличие валидных и надежных психодиагностических методик, позволяющих изучать и точно оценивать соответствующие явления).

2. Неясность того, как эти психологические образования связаны друг с другом, какой конкретный вклад каждое из них вносит в реальную мотивацию поведения человека.

В состав личности, по А. Адлеру [Адлер 2011], входят такие психологические свойства, как комплекс неполноценности,

компенсация, индивидуальная творческая сила (творческое Я), целостность, жизненные цели, целеустремленность, стиль жизни, социальные интересы, стремление к превосходству и фиктивный финализм. Переходя от структуры личности к мотивации ее поведения, можно констатировать следующее. Некоторые из используемых в теории Адлера понятий, такие, например, как стиль жизни, социальные интересы, комплекс неполноценности являются операционализированными и верифицированными. Следовательно, для их изучения и оценки можно разрабатывать и использовать соответствующие, валидные и надежные психодиагностические методики. Другие понятия этим требованиям не соответствуют. Пользуясь ими, о мотивации поведения человека можно рассуждать в общем плане на уровне теории и строить предположения, не проверяемые опытным или экспериментальным путем.

Личность, по К. Хорни [Холл, Линдсей 2000], включает перманентное, ставшее чертой характера человека, состояние тревоги, сопровождающееся хроническим беспокойством, постоянной неудовлетворенностью человека собой и стремлением от нее избавиться, а также индивидуальные и межличностные защитные стратегии поведения, связанные с решением этой задачи. Хотя тревога и тревожность являются в психологии операционализированными и верифицированными понятиями, но в теоретическом плане не вполне удовлетворительной выглядит попытка сведения всей мотивации поведения человека только к состоянию тревоги. Поэтому теория личности Хорни не может быть признана полноценной теорией личности и мотивации. Она представляет собой только один, частный аспект в мотивации поведения человека, зависящий от ситуационного или личностного тревожного состояния.

В структуру личности Г. Салливана [Холл, Линдсей 2000] прежде всего входят различные потребности. Они, согласно данной теории, порождаются дисбалансом между человеком и средой. Потребности, свою очередь, имеют циклический характер. Они возникают периодически, выстраиваются по степени своей значимости и напряженности в иерархические ряды. Среди них особо выделяется так называемая «межличностная потребность», которая определяется как потребность в добрых отношениях человека с окружающими людьми.

Помимо потребностей, в структуре личности имеются динамизмы (по-другому – черты личности, или привычки). Существуют две группы динамизмов. Первая относится к отдельным участкам тела человека, включая рот, анус, гениталии, а вторая содержит в себе три вида динамизмов: рассогласовывающие, изолирующие и

согласовывающие. Рассогласовывающие динамизмы относятся к деструктивным способам поведения, связанным, например, с озлобленностью; изолирующие динамизмы включают образцы поведения, не связанные с межличностными отношениями; согласовывающие динамизмы представляют собой полезные образцы поведения человека. В качестве центрального динамизма, обеспечивающего нормальное существование и развитие человеческой личности, выступает Я-система. Она возникает, формируется и развивается в процессе общения человека с другими людьми, является наиболее устойчивой частью его личности и может играть в его жизни как положительную, так и отрицательную роль.

В состав личности, по Салливану, также входят знания различных уровней: прототаксический, паратаксический и синтаксический. Прототаксический уровень представляет собой знания, связанные с ранними, примитивными переживаниями младенца. У взрослых людей – это кратковременные ощущения, образы, чувства, настроения и впечатления. Паратаксический уровень представляет знания, касающиеся причинно-следственных связей и отношений. Они являются случайными, неточными, искаженными, предшествуют возникновению строгой и последовательной логики мышления. Синтаксический уровень знаний – это высший уровень, связанный с логикой, характерной для взрослого, интеллектуально развитого человека.

Человека как личность, по Салливану, также характеризуют персонификации - мысленные образы себя и других людей, которые у данного человека формируются, начиная с детства. Они могут быть адекватными или неадекватными. Персонификации могут со временем закрепляться в сознании человека форме стереотипов и оказывать влияние на его межличностные отношения. Наконец, существенную роль в представлении человека как личности, согласно теории Салливана, играют его взаимоотношения с другими людьми, которые складываются на разных этапах индивидуального развития, включая детство и взрослость.

Переходя к характеристике мотивационной проблематики в теории личности Салливана, мы сталкиваемся с попыткой включить в нее как можно больше разнообразных личностных психологических образований и, следовательно, использовать все личностные понятия для объяснения поведения человека. С одной стороны, такое стремление можно оценить как заслуживающее поддержки, так как реальная мотивация поведения человека действительно чрезвычайно сложна и зависит от всех личностных особенностей человека. Однако полноценная реализация этой идеи предполагает, во-первых, наличие точных научных определений, операционализацию и верификацию всех личностных понятий,

во-вторых, существование общей мотивационной теории, объединяющей психологические понятия, использованные в теории личности Салливана. В ней, к сожалению, недостает ни того, ни другого. Анализ теории личности Салливана показывает, кроме того, что в ней заимствованы и эклектически используются термины из самых разных областей психологии: общей, социальной, возрастной и дифференциальной, которые по своему объему и содержанию друг с другом не соотнесены.

Личность в теории Э. Эриксона [Эриксон 2006] главным образом представляется через понятие идентичность. Она, в свою очередь, раскрывается с помощью терминов, используемых для описания восьми стадий психосоциального развития, через которые последовательно проходит человек в течение его жизни. Это, например, полоролевая идентификация, жизненное самоопределение, экспериментирование и другие. Общую, единую теорию мотивации поведения человека на базе теории личности Эриксона разработать трудно, так как на разных стадиях личностного развития этот процесс в его теории представляется и описывается по-разному.

Основу личности в теории Г. Маррея [Хьел, Зиглер 2003] составляют потребности, способности и достижения человека. Потребности, в свою очередь, делятся на первичные и вторичные, висцерогенные и психогенные, открытые и скрытые, фокальные и диффузные, реактивные и проактивные, процессуальные и результативные (эффектные). В структуре личности также выделяются осознаваемые и неосознаваемые психологические образования. Маррей известен в психологии тем, что еще в первые десятилетия XX века (тридцатые годы) представил и описал систему потребностей человека, впервые включив в нее социальные потребности. Будучи сторонником психоанализа, он большое внимание уделял бессознательному в личности человека и в связи с этим предложил тест для опытного изучения бессознательного в личности человека – Тематический Апперцептивный Тест (ТАТ). Поведения человека, по Маррею, является двояко мотивированным: со стороны сознания и бессознательного. Главными мотивационными образованиями, управляющими поведением людей, выступают потребности.

Основными составляющими личности, по Г. Оллпорту [Оллпорт 1998], являются осознание и ощущение человеком собственного тела, чувство самоидентичности, самоуважение, то, что человек считает своим, принадлежащим ему, рациональное понимание себя. Все это, вместе взятое, объединяется понятием «черты личности». Система черт, имеющихся у данного человека и характеризующих его как личность, представляет общую характеристику его личности.

Двумя основными составляющими таким образом понимаемой личности являются «личностные диспозиции» и «проприум». Третья, дополнительная составляющая – сама осознающая себя личность, или то, что обозначается термином «самоидентичность».

Проприум включает в себя больше, чем просто представление человека о себе. Он выступает как своеобразный целостный субъект познания и чувственных переживаний. В состав проприума входят ценности, идеалы, нормы морали, идентификация, самооценка, самосознание, самоуважение и многое другое. Личностные диспозиции представляют собой трехуровневое, иерархизированное образование. В соответствующую структуру личности входят «кардинальные диспозиции», «центральные диспозиции» и «вторичные диспозиции». Все диспозиции можно разделить на мотивационные (побуждающие) и инструментальные (стилистические).

Если рассматривать теорию личности Оллпорта как теорию мотивации, то в ее адрес можно высказать примерно такие же замечания, которые выше были сформулированы относительно теории личности Г. Салливана. Правда, если теория личности Салливана, как показала история психологии, не получила широкого признания и дальнейшего развития в области мотивации, то теория Оллпорта оказала существенное влияние на целое современное направление в изучении личности и мотивации, получившее название «факторно-аналитический подход к изучению личности». Его представителями являются Р. Кеттелл и Г. Айзенк, чьи теории личности обсуждаются далее.

Структура личности, по Р. Кеттеллу [Кеттелл 2007], включает систему факторов – базисных черт личности, выявленных методом факторного анализа. Это 16 «глубинных» факторов, которые соответствуют 171 так называемым «поверхностным» чертам личности, предварительно определенным идеографическим способом через анализ языка при исключении синонимов из названий различных черт личности. Все черты личности делятся на общие и индивидуально своеобразные (уникальные), базисные и поверхностные, темпераментальные и мотивационные, динамические черты и черты – способности. Кроме того, черты личности могут быть положительными и отрицательными, нормальными и аномальными. Некоторые черты личности не имеют подходящих для них названий в повседневном языке и обозначаются как аттитюды, эрги и семы.

Использование представлений Кеттелла о личности в психологическом учении о мотивации поведения человека сталкивается со следующими трудностями, а именно, факторы, которые выделены методом факторного анализа, не имеют точной

и однозначной психологической интерпретации. Их сложно соотносить с такими, принятыми в психологии мотивации понятиями, как потребность, мотив, цель, инстинкт и многие другие. На основе выделенных факторов трудно предсказывать или прогнозировать поведение человека.

Личность по Г. Айзенку [Холл, Линдсей 2000] также представляет собой сложную, взаимосвязанную систему черт личности. Существуют три основных типа личностей, и, соответственно, три измерения, ориентируясь на которые, человека можно отнести к тому или иному типу. Параметры, в соответствие с которыми личность относится к определенному типу, представлены следующими полярно организованными «суперчертами»: интроверсией – экстраверсией, нейротизмом (эмоциональной неуравновешенностью) и психотизмом (эмоциональной уравновешенностью). Поведения каждого такого типа личности и его мотивация в теории Айзенка представляются и описываются по-разному, но близко к тому, как это делается в теории Кеттелла.

В состав теории личности, разработанной А. Бандурой [Бандура 2002], входят когнитивные образования такие, например, как образы, ожидания и ценности. Важной составляющей личности являются потребности человека, которые определяют набор вариантов поведения, способных, по его мнению, привести к достижению поставленной цели. Среди основных человеческих потребностей, определяющих социальное поведение людей, находятся потребности в признании, получении высокого социального статуса, защите, власти, независимости, любви (привязанности) и физическом комфорте.

Все психологические образования, которые в своей теории выделяет и приписывает человеку как личности Бандура, имеют значение для понимания и объяснения поведения человека. Но они лишь частично представляют мотивацию человека, поскольку в данной теории не учитываются многие другие личностные образования, от которых может зависеть его поведение, в частности те, которые вошли в состав других, рассмотренных выше теорий личности.

Структуру личности по Дж. Келли [Келли 2000] представляют личностные конструкты. Они фактически заменяют в его теории все свойства личности, встречающиеся в других теориях. Личностные конструкты существуют в виде системы, которая находится в процессе развития, происходящего под влиянием вновь приобретаемого человеком опыта. Помимо различий между людьми, касающихся многообразия и содержания личностных конструктов, имеются индивидуальные различия, относящиеся к

способам комбинирования личностных конструктов, их объединения в индивидуально своеобразную систему.

Поведение, мотивированное личностными конструктами – это не конкретные действия и поступки человека, а только его общая направленность на человека как главного источника или на не зависящие от данного человека обстоятельства. Поэтому эта теория личности не может претендовать на статус общей психологической теории мотивации.

Обратимся к тому, как в разных зарубежных теориях личности представлен сам процесс мотивации, то есть к способам объяснения поведения.

Способы объяснения поведения человека в различных теориях личности

Поведение человека в теории У. Джемса объясняется, исходя из его привычек. Они, в свою очередь, определяют типичные для данного человека формы поведения в различных жизненных ситуациях. В рамках данной теории поведение также можно объяснить при помощи других, перечисленных выше составляющих личности по У. Джемсу. В теории А. Маслоу объяснение поведению человека дается на основе имеющейся у него иерархизированной системы потребностей. К. Роджерс объясняет поведение людей на базе Я-концепции и жизненного опыта, но, в конечном счете, сводит его к представлению человека о себе (Я-концепции). В. Франкл объясняет поведение человека, исходя из смысла жизни. Из него выводятся или к нему сводятся практически все совершаемые человеком действия и поступки.

В экзистенциальных теориях личности утверждается, что в человеческом поведении (бытии, существовании) не существует причинно-следственных связей и отношений, подобных тем, которые существуют в неживой природе. В жизни человека имеется лишь определенная последовательность событий, а в его поведении – распределенная во времени совокупность действий. Из этой последовательности событий или совокупности действий невозможно получить представление об их причинах. Вместо каузальности – причинно-следственной обусловленности – для объяснения поведения человека здесь предлагается пользоваться понятием «мотивация», под которой понимается сложный психологический процесс, не имеющий четко определенного начала и конца и приводящий человека, в конечном счете, к совершению того или иного поступка.

Э. Фромм объясняет поведение человека двояким образом: через особенности общества, в котором человек рождается,

живет и развивается, и через социальный характер, тесным образом связанный с соответствующим обществом. Способы объяснения поведения в учении З. Фрейда основаны на трех составляющих личности: Ид, Эго и Супер-эго, а также на защитных психологических механизмах. Актуальное поведение человека по Юнгу мотивировано выделенными им структурными составляющими личности, сознанием и глубинными процессами, происходящими в бессознательном. В теории К. Хорни способы объяснения поведения почти исключительно основаны на базальном чувстве тревоги и на стремлении человека избавиться от него.

По А. Адлеру, поведение человека зависит от того, как складываются обстоятельства его жизни, которые по-разному воспринимаются и оцениваются различными людьми. У каждого человека имеется индивидуально своеобразная картина мира, и от нее зависит то, как он будет себя в том или ином конкретном случае вести. Люди, к тому же, действуют не только на базе того, как они воспринимают и понимают окружающий мир, но и на основе собственных убеждений. Все, что человек делает, формируется и направляется характерным для него стилем жизни. Он определяет, каким сторонам жизни человек будет уделять особое внимание. Стилем жизни также объясняется направленность или ориентация личности по отношению к окружающему миру.

По А. Маслоу, существуют две группы качественно различных и по-разному влияющих на поведение человека потребностей: дефицитарные потребности и потребности развития. Дефицитарные потребности представляют собой нужды человека в чем-либо конкретном – в том, чего ему недостает в данный момент времени для полноценной жизни и для сохранения достигнутого уровня развития. Удовлетворение таких потребностей не определяет психологическое развитие личности и только создает условия для него. Потребности развития, напротив, связаны с дальнейшим личностным развитием человека.

Нормальные, психически здоровые взрослые люди, по Г. Олппорту, хорошо осознают, что и по какой причине они делают. Такие люди не только сознательно реагируют на внешние воздействия, но способны порождать и использовать новые, ранее не применявшиеся ими «мотиваторы» собственного поведения, изменять окружающую среду таким образом, чтобы не они к ней приспособлялись, а она подстраивалась под них.

Согласно учению А. Бандуры, человек, оказавшись в определенной ситуации, всегда воспринимает ее под специфическим углом зрения – так, как это лично его устраивает. Активную роль в этом процессе играет мышление, в частности – способность человека оперировать символами, а также ставить и решать

задачи, планировать свое поведение, предвидеть ход событий. Поведение является результатом взаимодействия всех социальных и психологических факторов, включая познание и мышление, влияния окружающей среды и действия, предпринимаемые человеком. Существенную роль в сохранении стабильности, целенаправленности и последовательности поведения играет система «Я», под которой понимается набор когнитивных структур, характерных для данного человека. Она позволяет человеку представлять собственное поведение и оценивать его. Самоэффективность – это еще один важный психологический фактор, участвующий в мотивации поведения.

По Д. Роттеру, поведение человека определяется ожиданием того, что предпринимаемые им действия приведут к необходимому результату. Социальные подкрепления играют важную роль в управлении поведением. Его мотивация также зависит от значимости (ценности) потребности, связанной с данной формой поведения, возможности ее удовлетворения в сложившейся ситуации, и свободы выбора. Поведение человека определяется характерным для данного человека локусом контроля. По мнению Дж. Келли, поведение людей зависит от того, как они воспринимают себя и окружающий мир. Для понимания и объяснения поведения человека не обязательно знать, как на самом деле устроен мир, насколько восприятие человеком ему соответствует. Достаточно знать, как данный человек воспринимает и представляет мир и себя в этом мире. Таковы представления о мотивации, сложившиеся в когнитивной психологии личности.

Подводя итог проведенному анализу мотивационных идей, содержащихся в зарубежных теориях личности, можно констатировать, что в них достаточно полно, но фрагментарно представлена мотивация поведения человека. Если все психологические образования, выделенные и описанные в этих теориях, действительно входят в структуру личности – а в этом не приходится сомневаться, – то из представленных выше рассуждений можно сделать, как минимум, три вывода, касающиеся общепсихологических, «личностных» представлений о мотивации поведения людей:

1. Каждое из предложенных авторами теорий личности объяснений человеческого поведения, в общем правильное, но частичное, недостаточное для полного понимания мотивации поведения человека, так как в нем не учитываются многие объяснения, содержащиеся в разных теориях личности.

2. Каждое из этих объяснений, взятое в отдельности, с формально-логической точки зрения рассматриваться и как ошибочное, если при его оценке следовать известному правилу

логики рассуждений, которое заключается в следующем. Если одно и то же явление объясняется разными, альтернативными, взаимоисключающими способами, то ни одно из таких объяснений не может быть признано верным, поскольку оно опровергается другими объяснениями, также признаваемыми правильными.

3. Проблема, которая в связи с этим возникает перед разработчиками теоретических представлений о мотивации поведения человека, заключается в том, чтобы предложить его системное объяснение, соответствующее положениям разных теорий личности. Однако решить эту задачу в настоящее время не представляется возможным, так как для ее решения необходимо иметь в своем распоряжении комплексную, системную теорию личности, которой в психологии не существует до сих пор.

Литература

Адлер 2011 – *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 2011. 232 с.

Бандура 2002 – *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2002. 319 с.

Келли 2000 – *Келли Дж.* Теории личности. СПб.: Речь, 2000.

Кеттелл 2007 – *Кеттелл Р.Б.* Психология индивидуальности. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 127 с.

Левин 2011 – *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2011. 572 с.

Маслоу 2012 – *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2012. 351 с.

Оллпорт 1998 – *Оллпорт Г.* Личность в психологии. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. 345 с.

Первин, Джон 2001 – *Первин Л., Джон О.* Психология личности. Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001.

Франкл 2004 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 2004.

Фрейджер, Фейдимен 2004 – *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.

Фромм 1990 – *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: АСТ, 1990.

Холл, Линдсей 2000 – *Холл К., Линдсей Т.* Теории личности. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 719 с.

Хьел, Зиглер 2003 – *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2003.

Эриксон 2006 – *Эриксон Э.* Идентичность и кризис. М.: Флинта; МПСИ: Прогресс, 2006. 342 с.

Юнг 1998 – *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: «Университетская книга» АСТ, 1998. 716 с.

References

- Adler, A. (2011), *Praktika i teoriya individual'noi psihologii* [Practice and theory of individual psychology], Foundation for Economic Literacy, Moscow, Russia, 232 p.
- Allport, G. (1998), *Lichnost' v pshologii* [Personality in Psychology], KSP +, Moscow, Juventa, St. Petersburg, Russia, 345 p.
- Bandura, A. (2002), *Teoriya sotsial'nogo obucheniya* [Theory of social learning], Eurasia, St. Petersburg, Russia, 319 p.
- Erickson, E. (2006), *Lichnost' i krizis* [Identity and Crisis], Flinta, Moscow, Progress, MPSI, Russia, 342 p.
- Frankl, V. (2004), *Chelovek v poiske smysla* [Man in search of meaning], Progress, Moscow, Russia.
- Frager, R. and Feydimen, D. (1990), *Lichnost'. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty* [Personality. Theories, exercises, experiments], Prime-Evroznak, St. Petersburg, Russia.
- Fromm, E. (1990), *Imet' ili byt'* [To have or to be], AST, Moscow, Russia.
- Hall, K. and Lindsay, T. (2000), *Lichnostnye teorii* [Personality Theories], Eksmo-Press, Moscow, Russia, 719 p.
- Hyell, L. and Ziegler, D. (2003), *Lichnostnye teorii* [Personality Theories], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Jung, K.G. (1998), *Psihologicheskiye tipy* [Psychological types], "University Book" AST, Moscow, Russia, 716 p.
- Kelly, A.J. (2000), *Teorii lichnosti* [Theories of personality], Rech, St. Petersburg, Russia.
- Kettell, R.B. (2007), *Psihologiya lichnosti* [Psychology of personality], Prime-Evroznak, St. Petersburg, Russia, 127 p.
- Levin, K. (2001), *Dinamicheskaya pshologiya* [Dynamic Psychology], Smysl, Moscow, Russia, 572 p.
- Maslow, A. (2012), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality], Piter, St. Petersburg, Russia, 351 p.
- Pervin, L. and John, O. (2001), *Psihologiya lichnosti* [Psychology of personality. Theory and research], Aspect Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Инна Р. Алтунина, доктор психологических наук, Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Россия, Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14; inpsycho@inpsycho.ru

Information about the author

Inna R. Altunina, Dr. of Sci. (Psychology), Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 34-14, Kutuzovsky Av., Moscow, Russia, 121170; inpsycho@inpsycho.ru

Феномен «замещающего восприятия»: философско-психологическое обоснование

Евгения Э. Кригер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ekrig@yandex.ru*

Галина А. Мишина

*Институт коррекционной педагогики Российской академии образования,
Москва, Россия, mishina@ikp.email*

Аннотация. Статья посвящена философско-психологическому обоснованию феномена «замещающего восприятия». Явление «замещающее восприятие» давно используется в практиках, построенных на основе системно-феноменологического подхода, но до настоящего времени оно не находило объяснения в научной среде. Основными задачами данной работы выступили: изложение методологических оснований для объяснения феномена «замещающего восприятия», описание механизмов, его обеспечивающих, характеристика социально-психологических условий, приводящих к большей вероятности проявления данного феномена. Новизна работы обусловлена не только задачами исследования, но и подходом, который использовался для его построения. В основу подхода были положены идеи пост-классической психологии, представленные в психологии систем. Феномен «замещающего восприятия» рассматривается внутри системной регуляции, возникающей между миром клиента и заместителем, представляющим членов его семейной системы. В статье показаны механизмы возникновения феномена замещающего восприятия, описано, как эти механизмы функционируют в условиях системной детерминации и каким образом приводят к возникновению переживаний, не свойственных самому человеку, их испытывающему. Основными механизмами, обеспечивающими эту регуляцию, выступают антиципация и интуиция. В статье раскрыты условия, способствующие более вероятностному возникновению феномена «замещающего восприятия». Результаты, полученные в данной работе, позволяют подвести научные основания под феномен «замещающего восприятия» и использовать его в широкой психологической практике.

Ключевые слова: системно-феноменологический подход, заме-

щающее восприятия, помогающие практики, теория психологических систем, системная регуляция, антиципация, интуиция

Для цитирования: Кригер Е.Э., Мишина Г.А. Феномен «замещающего восприятия»: философско-психологическое обоснование // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 29–40. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-29-40

The phenomenon of «substitute perception»: philosophical and psychological justification

Eugenia E. Krieger

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ekrig@yandex.ru*

Galina A. Mishina

*Institute of Special Education of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, mishina@ikp.email*

Abstract. The article is devoted to the philosophical and psychological substantiation of the phenomenon of “substitute perception”. The phenomenon of “substitute perception” has long been used in practices based on the system-phenomenological approach, but until now it has not been explained in the scientific environment. The main objectives of this work are: to present methodological grounds for explaining the phenomenon of “substitute perception”, to describe the mechanisms that provide it, and to identify socio-psychological conditions that lead to a greater probability of manifestation of this phenomenon. The novelty of the work is represented not only by the research objectives, but also by the approach used for its construction. The approach was based on the ideas of post-classical psychology presented in systems psychology. The phenomenon of “substitute perception” is considered within the system regulation that occurs between the world of the client and the substitute representing its members of the family system. The article shows the mechanisms of the phenomenon of substitution perception, describes how these mechanisms function in conditions of systemic determination and lead to the emergence of experiences that are not peculiar to the person experiencing them. The main mechanisms that provide this regulation are anticipation and intuition. The article reveals the conditions that contribute to a more likely occurrence of the phenomenon of “substitute perception”. The results obtained in this work allow us to draw scientific grounds for the phenomenon of “substitute perception” and use it in a wide psychological practice.

Keywords: systemic-phenomenological approach, substitute per-

ception, helping practice, theory of psychological systems, system regulation, anticipation, intuition

For citation: Kriger, E.E. and Mishina, G.A. (2020), "The phenomenon of "substitute perception": philosophical and psychological justification", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 29–40, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-29-40

Стремление построить целостную картину мира с учетом связей, отношений и структурных элементов, входящих в состав разного уровня систем, привлекло внимание науки к использованию системной методологии исследования явлений. В подобных исследованиях недостаточно лишь причинного понимания явлений, необходим более широкий контекст видения, включающий информацию о том, как преобразуется система, как возникает ее самоорганизация. Такое знание имеет особое значение в психологических практиках, где решить проблему на уровне индивида без исследования системного контекста отношений, в которые он включен, становится невозможным. Человек – элемент отдельно взятой системы – семейной, общественной, производственной. Поэтому работа с ним требует изменения не только самого человека, но и всего его мира как элемента психологической системы, а, следовательно, создания психологических практик, основанных на системном подходе.

В настоящее время время большую популярность в психотерапевтической практике приобретает системно-феноменологический подход и созданные на его основе инструменты (Б. Хеллингер [Хеллингер 2005] (работа системной совести), М.В. фон Кибед [Фон Кибед, Шпаррер 2014] (использование грамматики языка в системно-смысловом контексте для поиска решения и выхода из проблемы), Ф. Рупперт [Рупперт, 2014] (работа с травмированными раннедетскими привязанностями в построении новой идентичности) и др.). Все это самостоятельные авторские школы, применяющие в качестве инструмента практической работы расстановки для исследования системных явлений в разных измерениях – социальном, контекстном, личностном.

В практиках, созданных на основе системно-феноменологического подхода, используется понятие «замещающего восприятия». Работа, проводящаяся с помощью расстановок не одно десятилетие, уже давно зарекомендовала себя, и было получено множество положительных результатов. Однако многие феномены и механизмы, на основе которых построена практика, не получили специального научного объяснения и имеют иногда эзотерическое толкование. В этой связи хотелось бы специально остановиться на одном из таких феноменов, которым является замещающее восприятие.

Явление «замещающего восприятия» имеет место в системных расстановках. Расстановки мы будем рассматривать как инструмент, с чьей помощью обеспечивается доступ к аспектам сознания, которые не попадают в фокус видимого. Процесс осуществляется при работе с семейной системой путем разрешения противоречия/конфликта, возникающего во внутренней реальности клиента, через заместителей. Заместители – это люди, кто берет на себя роли членов социальной системы, начиная от самой малой, которой является семья, до больших социальных систем, в качестве их выступают организации, общество, система образования и т.п. В расстановке под запрос клиента заместители располагаются тем или иным образом по отношению друг к другу и начинают переживать чувства, не являющиеся в такой конфигурации системы их собственными чувствами, а относящиеся к происходящему в клиентской системе. Такое явление вызывает ощущение мистики и поэтому требует специального объяснения, поскольку в практике множество проведенных расстановок подтверждают его наличие.

Объяснить данный феномен с точки зрения классической психологии действительно невозможно, здесь необходима специальная методология. На самом деле, если рассмотреть описанное явление сквозь призму психолого-философского знания, то ему находится вполне закономерное объяснение. Для этого стоит обратиться к пост-классической психологии, или теории психологических систем, которая представлена в трудах В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцевой, Э.В. Галажинского и их последователей [Клочко, Галажинский 1999].

Теория психологических систем строится на основе принципа системной детерминации. Эта теория отказывается от понимания психики как отражения объективной реальности в пользу рассмотрения психики как порождающей реальность в процессе взаимодействия субъекта с объектами окружающего мира. Через такое взаимодействие образуется психологическая система, которой является мир человека. При системной детерминации в наблюдаемых явлениях мир не делится на субъективный и объективный. Субъективная и объективная реальности не противопоставляются одна другой, не рассматривается примат одной реальности над другой, потому что при их взаимодействии возникает новая реальность – мир человека.

По мнению авторов теории психологических систем, «...системная детерминация предполагает, что во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная, т.е. характеризующая всю систему, продуктом функционирования которой она является, «удвоенная», поскольку является качественно новым образова-

нием, не сводимым ни к субъективному, ни к объективному» [Клочко, Галажинский 1999, с.66]. Через эту удвоенную реальность у человека появляется возможность воздействовать на самого себя и реализовывать свои возможности. При системной детерминации возникает порождающий эффект взаимодействия. Как указывает В.Е. Клочко, «...существуют такие качества явлений, которые возникают в системе, порождаются системой и обеспечивают ей возможность самодетерминации, самоорганизации» [Клочко, Галажинский 1999, с. 66]. Расширение системы происходит за счет взаимодействия с внешним. И только становясь внутренним содержанием психологической системы, внешнее действительно становится внешним для восприятия человека, его сознания, его Я. Понятием, которое объединяет эту одновременно объективную и субъективную реальность, выступает мир человека. В теории психологических систем мир человека понимается как переходный слой между объективной и субъективной реальностью.

Противоположности внешнего и внутреннего, существующие между духом и материей, субъективным и объективным, соединяются в нем в системном единстве. В силу чего, как отмечают авторы, «мир человека» оказывается частью самого человека, его продолжением, его истинным телом, самым человеческим в самом человеке. Мир человека стимулирует создание образа жизни человека. В разрешении противоречия между образом жизни и образом мира проходит вся жизнь человека. Мир человека рассматривается в единстве как с субъективным временем, так и в единстве с параметрами пространства. В цепочке этих связей сам человек может быть понят как уникальная психологическая система, как хронотоп, превращающий объективную реальность в предметный мир, наполненный смыслами и переживаемый человеком в его данности (здесь и сейчас).

Для нашей работы теория психологических систем предлагает одно важное методологическое положение, согласно которому саморегуляция личности происходит не на уровне отдельно взятого индивида, а на уровне всей системы в целом. Явление «заместительского восприятия» может быть объяснено прежде всего через рассмотрение клиента и расстановки как единой системы клиент – заместители. Внутри этой системы возникает особая системная реальность, в ее качестве выступает мир человека. Она, эта системная реальность, соединяет клиента и расстановку, что приводит к возникновению новой сверхчувственной реальности, которая не отображается органами чувств, а затрагивает прежде всего работу мышления. Кроме того, эта реальность является системной, поскольку характеризует всю систему, чьим продуктом она является. Мир человека, возникающий между клиентом и

расстановкой, обладает порождающим эффектом, имеющим место в процессе взаимодействия. Система клиент-расстановка расширяется за счет взаимодействия с внешним, где внешним по отношению к клиенту выступает расстановка с заместителями, а внешним по отношению к заместителям, участвующим в расстановке, выступает клиент. Внешнее за счет мира человека одновременно делается внутренним и клиента, и заместителей. Тем самым мы имеем дело с удвоенной реальностью мира клиента и мира расстановки.

Эта возникающая реальность обладает самодетерминацией и самоорганизацией, она становится способной одновременно изменять самого клиента и заместителей в расстановке. Она порождает то, что принадлежит обоим элементам системы клиент – заместители. И через такую удвоенную реальность возникает психическая регуляция не только у клиента как отдельного индивида, но и у всей системы в целом. Мир человека создает возможность для порождения общих смыслов через совместное действие, тем самым обеспечивая всю регуляцию системы в целом. Здесь же рождается единство пространственно-временных параметров, где существуют уже не отвлеченные субъекты (клиент и заместители), не сами по себе, а соединенные в единое целое через мир человека и возникшие в нем отношения.

Работа с клиентом в расстановке начинается из точки боли, того места, которое является эмоционально заряженным, наиболее значимым и имеющим ценность для жизни. Эта часть экстернализируется в расстановку. А заместители оказываются включенными в данный смысловой контекст и переживают его как свой собственный. Тем самым мир человека наполняется резонирующими переживаниями, возникающими здесь и сейчас, но в то же время создающими новые смыслы и значения.

О бесконечности временных границ сознания человека вели речь многие философы – М.К. Мамардашвили [Мамардашвили 1995], С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн 2002]. Возможность временной бесконечности затрагивает и хронотоп, соединяющий клиента и расстановку. Посредством его появляется возможность перемещения во времени и на расстоянии. Отсюда в расстановках встречается обращение к связям с людьми, которых уже нет в живых, но их опыт оказывает на нас существенное действие. И этот опыт может быть прожит через заместителей, при условии, если он будет проявлен в расстановке.

Механизмами, вызывающими дифференциацию восприятия заместителей, выступают антиципация и интуиция. Именно они обеспечивают отражение на субъективном уровне объективных процессов, возникающих в расстановке, через мир человека при

восприятию его заместителями клиента. Указанные процессы выполняют регулятивную функцию, особенно в управлении различными энергетическими уровнями взаимодействия заместителей с клиентами, фиксируя, куда направлена энергия, где возникает большее напряжение, на чем акцентируется внимание. Заместители отражают силу, интенсивность, направленность в определенные сферы энергии, возникающей как внутри расстановки, так и исходящей от самого клиента. Движения и действия заместителей в расстановке не реактивны, они целенаправлены и меняются в соответствии с изменениями, наблюдаемыми у самого клиента через расстановку. А заместители через мир человека отражают эти изменения и движутся в соответствии с их динамикой, через системную регуляцию происходящего.

Целенаправленность движения заместителей задается движением самой жизни. «Расстановки служат жизни», как утверждал их основатель. Они намеренно используются для исследования того момента, где это движение остановилось, замерло и попало в предельность. Условиями работы заместительского восприятия является то, что заместители добровольно соглашаются и сознательно принимают цели, связанные с психотерапевтической работой именно в таком методе, с этим клиентом, по его запросу. Он сам попадает в резонансное состояние с переживаниями клиента, причем такие переживания часто имеют смысл для личной истории самого клиента. Заместители отражают вербальную и невербальную связь, идущую от клиента через его слова, паузы, дыхание, микродвижения.

Продвижение в расстановке обеспечивается через соотнесение персонального движения заместителя с общим движением, рождающимся у клиента и всей расстановки. Заместители опираются прежде всего на чувства, возникающие в той точке, где они оказались. А также на собственный прошлый опыт поведения в подобных ситуациях, они выдвигают гипотезы о наступлении будущих событий расстановки и активности клиента. Так осуществляется преднастройка – подготовка к определенным способам действия, направленности движения, приводящих с наибольшей вероятностью к достижению целей клиента. Заместители через телесные ощущения и собственный прошлый опыт сопоставляют информацию, идущую изнутри, с внешним контекстом и на основании этого сопоставления строят предположения о предстоящих событиях, приписывая каждому из предположений ту или иную степень достоверности. Заместители предвидят наиболее вероятные возможности дальнейшего развития событий, включая наиболее вероятные результаты собственных действий.

Антиципация (в данном контексте) – это опережающий способ отражения, возникающий при системной регуляции мира человека, позволяющий извлекать из области бессознательного трансгенерационный опыт печальных событий через другого субъекта, включенного в мир человека. Антиципацию используют заместители для нейтрализации своего негативного состояния. В работах Б.Ф. Ломова и Е.Н. Суркова были показаны уровни антиципации: субсенсорный, сенсомоторный, перцептивный, уровень представлений, вербально-логический. Антиципация затрагивает все уровни – от бессознательного до вербально-логического [Ломов, Сурков 1980].

Одним из проявлений антиципации является интуиция. Интуиция (позднелат. *intuitio* – «созерцание» – пристально смотрю) – способность, свойство человека понимать и проникать в смысл событий, ситуаций посредством инсайта, озарения, единомоментного подсознательного вывода, основанного на воображении, эмпатии и предшествующем опыте.

Интуиция по-разному описана в исследованиях. Так К. Юнг относил интуицию к бессознательному, но несмотря на это интуиция является аналитическим процессом, неподвластным человеку. Интуиция имеет дело, по мнению Юнга, с коллективным бессознательным и архетипическими программами [Юнг 2010]. Человек сравнивает события внешнего мира с внутренним, и, когда эти стороны диссоциируют, вперед выступает интуиция. Интуиция может касаться эмоциональной сферы, телесных переживаний и мышления. Интуиция опыта возникает у людей, имеющих больший опыт по сравнению с другими. Именно этот аспект отражается в расстановках: более опытные заместители часто дают наиболее точную информацию.

Здесь имеет смысл особо выделить некоторый технологический момент. Расстановщик не всегда слушает внутренний голос заместителя и не обязательно работает со всем, что тем будет предложено. Прежде всего следует обращать внимание на то, из сообщенного заместителем, что вызывает резонанс у клиента. Работа строится с тем, что вызывает наибольший эмоциональный отклик.

Чтобы заместительское восприятие имело достоверность, необходимо наличие специальных условий, приводящих к его возникновению. К этим условиям мы можем отнести:

1. Укорененность индивидуального бессознательного в коллективное бессознательное.
2. Наличие сурового, тяжелого, печального опыта в истории рода субъекта.
3. Наличие схожего персонального и системного опыта заместителей.

4. Наличие схожего персонального и системного опыта у расстановщика.

5. Зрелость заместителей и работа их через универсальные общечеловеческие ценности.

Остановимся на рассмотрении каждого условия в отдельности.

Укорененность индивидуального бессознательного в коллективное бессознательное. Большой резонанс в терапевтической работе возникает у клиентов с наименьшей степенью осознанности собственной жизни. Поэтому любые пробужденные чувства могут быть интенсивными. Значительная часть клиентов имеет сложные отношения с родителями, каждого человека коснулось трагическое историческое прошлое. Поэтому настроиться на эмоциональное переживание истории войн, коллективизации, перестройки человеку, чье индивидуальное бессознательное вплетено в коллективное бессознательное, достаточно легко. Любая расстановка вызовет резонансный отклик на переживания заместителей.

Наличие сурового, тяжелого, печального опыта в истории рода субъекта. Заместители достаточно легко входят в системную регуляцию, если личный опыт клиента или его семьи был эмоционально заряжен. *Суровый опыт*, как правило, закаляет, формирует жизнестойкость, способность выдерживать трудности, он основан на жизненных испытаниях. Примерами сурового опыта могут служить отстаивание своей чести, переживание предательства, измены, потеря работы, социальная изоляция и т.п. *Тяжелый опыт* связан с выживанием, переживанием ситуации угрозы для своей жизни и жизни близких. Такой опыт может нести в себе страдания голода, жизни в детском доме, бедствий во время восстановления хозяйства после разрухи, вызванной военными событиями и т.п. *Печальный опыт* предполагает разные утраты – близких, потерю имущества, потерю части себя (сексуальное насилие, увечье) и т.п. Любой из названных видов опыта связан с тягостными переживаниями. Их не такое большое количество, поэтому попасть в резонанс этих переживаний опять-таки несложно.

Наличие схожего персонального и системного опыта заместителей или расстановщика. Обычно если клиент, расстановщик и заместители переживали схожий отягощенный опыт, то он проявляется в первую очередь. Это обусловлено системной регуляцией. Прежде всего, удвоенная реальность мира человека возникает на основе эмоциональной вовлеченности. Ее вызывают эмоции, порождаемые переживаниями событий из жизни и имеющие отношение ко всем участникам расстановки – клиенту, заместителям и ведущему. Это интенсивнее вовлекает людей в контекст происходящего и в ходе работы активизирует чувства ее участников из их схожего опыта.

Зрелость заместителей и работа их через универсальные общечеловеческие ценности. Как правило, опытные заместители, имеющие глубокую личностную проработанность, осознанность и вовлеченность, чья картина мира выстроена на основе универсальных общечеловеческих ценностей, гораздо лучше прогнозируют развитие ситуации расстановки. Такое становится возможным за счет личностной зрелости заместителей, расширенности их сознания и внутренней устойчивости. Они работают не на волне поднимающегося эмоционального пафоса, а основываясь на готовности опираться на собственные ресурсы, устанавливая единую совместность с клиентом. Таким образом, мы можем резюмировать сказанное.

Феномен «замещающего восприятия» возник в психологических практиках, использующих системно-феноменологический подход для исследования запроса клиента. До настоящего времени этот феномен не находил своего объяснения в научных исследованиях, что вызывало сомнение и дискуссию относительно его природы в научно-практическом сообществе и тем самым требовало специального исследования накопленных в практике фактов.

На сегодняшний день имеются все необходимые теоретико-методологические основания для объяснения феномена «замещающего восприятия». Дать объяснение этому явлению становится возможным с опорой на теорию психологических систем, разрабатываемую в современной психологии и использующую такие понятия, как «мир человека», «системная регуляция», «системная детерминация» и т.п. С точки зрения теории психологических систем, человек рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, включающая в себя мир человека. Мир человека – это то внечувственное пространство, которое возникает между человеком и объективным миром посредством ценностно-смысловой сферы конкретного человека. Мир человека объединяет в себе объективный и субъективный мир в единое целое, тем самым саморегуляция человека происходит не на уровне отдельного индивида, а на уровне всей системы человек – объективный мир через удвоенную реальность – мир человека.

Замещающее восприятие – это явление, возникающее у заместителей, участвующих в расстановке, используемой как инструмент системно-феноменологического направления в психотерапевтической практике. Здесь сам заместитель, с точки зрения теории психологических систем, является той самой объективной реальностью по отношению к клиенту, создающей вместе с ним мир клиента. Замещающее восприятие является системно детерминированным миром клиента, поскольку входит с ним в системные отношения на основе исходящего из точки боли запроса клиента, имеющего интенсивные переживания, возникающие на

основе ценности жизни. Клиент и заместитель через совместное взаимодействие, сопровождаемое фасилитатором, создают общее пространство, включающее как мир клиента, так и мир заместителя. Тем самым психическая регуляция в созданном таким образом мире осуществляется через замещающее восприятие не на уровне отдельно взятого индивида, а на уровне целостной системы клиент-заместитель. Поэтому саморегуляция одновременно касается двух субъектов.

В процесс саморегуляции включены такие механизмы, как антиципация и интуиция. Они обеспечивают опережающее отражение заместителем мира клиента, затрагивая все уровни регуляции – от бессознательного до вербально-логического, включая в работу интуицию, позволяющую извлекать из подсознания необходимую информацию и находить нужное решение. Верный результат расстановки зависит не только от интервенций, предпринятых фасилитатором на основе резонанса состояния клиента и информации заместителя, но и от условий, обеспечивающих эффективность работы замещающего восприятия.

Предложенные в данной статье материалы позволяют дать научное объяснение феномену замещающего восприятия и открывают новые возможности для его свободного использования в практике психологов.

Литература

- Ключко, Галажинский 1999 – *Ключко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 154 с.
- Ломов, Сурков 1980 – *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1973. 125 с.
- Мамардашвили 1995 – *Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (психология топологии пути). М.: Ad Marginem, 1995. 548 с.
- Рубинштейн 2002 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб: Питер, 2002. 720 с.
- Рупперт 2014 – *Рупперт Ф.* Симбиоз и автономность. Расстановка при травме. Симбиотическая травма и любовь по ту сторону семейных переплетений. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 272 с.
- Фон Кибед, Шпаррер 2014 – *Фон Кибед М., Шпаррер И.* Совсем наоборот. Работа с тетралеммой и другие формы структурных расстановок. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 256 с.
- Хеллингер 2005 – *Хеллингер Б.* Источнику не нужно спрашивать пути. М.: Институт консультирования и системных решений, 2005. 308 с.
- Юнг 2010 – *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.

References

- Fon Kibed, M. and Shparrer, I. (2014), *Sovsem naoborot. Rabota s tetralemмой i drugie formy strukturnykh rasstanovok* [Quite the opposite. Working with the tetralemma and other forms of structural arrangements], Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenij, Moscow, Russia, 256 p.
- Hellinger, B. (2005), *Istochniku ne nuzhno sprashivat' puti* [The source doesn't need to ask for paths. Moscow: Institute of consulting and system solutions], Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenij, Moscow, Russia, 308 p.
- Klochko, V.E. and Galazhinskii, E.V. (1999), *Samorealizatsiya lichnosti: sistemnyi vzglyad* [Self-realization of the individual: a systematic view], in Zalevskogo, G.V. (ed.), Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia, 154 p.
- Lomov, B.F. and Surkov, E.N. (1973), *Antitsipatsiya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in the structure of activity], Nauka, Moscow, Russia, 125 p.
- Mamardashvili, M.K. (1995), *Leksii o Pruste (psikhologiya topologii puti)* [Lecture on Proust (psychology of path topology)], Ad Marginem, Moscow, Russia, 548 p.
- Rubinshtein, S.L. (2002), *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General psychology], Izdatel'stvo Piter, Saint Petersburg, Russia, 720 p.
- Ruppert, F. (2014), *Rasstanovka pri travme. Simbioticheskaja travma i ljubov' po tu storonu semejnykh perepletений* [Symbiosis and autonomy. Placement in case of injury. Symbiotic trauma and love beyond family entanglements], Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenij, Moscow, Russia, 272 p.
- Yung, K.G. (2010), *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious], Kogito-Tsentr, Moscow, Russia, 352 p.

Информация об авторах

Евгения Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; ekrig@yandex.ru

Галина А. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, Москва, Россия; 119121, Россия, Москва, Погодинская ул., 8, корп. 1; mishina@ikp.email

Information about the authors

Evgenia E. Krieger, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ekrig@yandex.ru

Galina A. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Institute of Special Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 8, k.1, Pogodinskaya Str., Moscow, Russia, 119121; mishina@ikp.email

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-41-52

Радикалистские установки и предпочтения жанров киноискусства в юношеском возрасте

Елена П. Белинская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru*

Екатерина А. Рудик

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, Katja_rudikk@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи радикалистских установок и потребительских предпочтений в сфере кинопродукции на выборке юношеского возраста. Аттитюды к радикализму операционализировались через показатели по шкалам относительной депривации, социального доминирования и авторитаризма. В качестве предпочитаемых жанров кино рассматривались фильмы ужасов, мелодрамы и артхаус. Одним из этапов исследования была попытка определения возможности организованного влияния на радикалистские установки через просмотр респондентами трейлеров фильмов предпочитаемого и не предпочитаемого жанров. Показано, что исходно выбор киножанров мелодрамы и артхауса не связан ни с одним из предполагаемых компонентов радикалистских установок, а склонность к просмотру фильмов ужасов сопряжена с низкой выраженностью поведенческого компонента радикалистских установок. При организации воздействия путем просмотра трейлеров выяснилось, что респонденты, любители мелодрам и артхауса, практически не подвержены влиянию кинопродукции на свои социально-политические установки, в то время как у любителей фильмов ужасов усиливался аффективный компонент их радикалистских установок, но только при условии совпадения жанра просматриваемого трейлера с предпочитаемым. Тем самым полученные результаты не позволяют однозначно

утверждать о наличии взаимосвязи между потребительскими предпочтениями жанров кино и радикалистскими установками в юношеском возрасте и в целом свидетельствуют о крайне неопределенной связи эстетических пристрастий и установок социально-политического спектра.

Ключевые слова: радикализм, радикалистские установки, юношеский возраст, потребительские предпочтения

Для цитирования: Белинская Е.П., Рудик Е.А. Радикалистские установки и предпочтения жанров киноискусства в юношеском возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 41–52. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-41-52

Attitudes to radicalism and preferences of film genres in youth

Elena P. Belinskaya

*Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru*

Ekaterina A. Rudik

*Moscow State Lomonosov University,
Moscow, Russia, Katja_rudikk@mail.ru*

Abstract. The results of an empirical study of the relationship between radical attitudes and consumer preferences in the field of film production in a sample of young people are presented in the article. Attitudes to radicalism were operationalized through indicators on the scales of relative deprivation, social dominance, and authoritarianism. Horror, melodrama, and arthouse films were considered the preferred film genres. One of the stages of the study was an attempt to determine the possibility of organized influence on radical attitudes through viewing movie trailers of preferred and non-preferred genres by respondents. It is shown that initially the choice of genres of melodrama and arthouse cinema is not associated with any of the supposed components of radical attitudes, and the propensity to watch horror films is associated with a low intensity of the behavioral component of radical attitudes. When organizing the impact by watching trailers, it was found that respondents who prefer the genres of melodrama and arthouse cinema are almost not affected by their socio-political attitudes by consuming film products, while the affective component of their radical attitudes increased among fans of horror films, but only if the genre of the viewed trailer coincided with the preferred one.

Thus, the results obtained do not allow us to unambiguously assert that there is a relationship between consumer preferences in film genres and radical attitudes in youth. In general, they indicate an extremely vague relationship between aesthetic preferences and attitudes of the socio-political spectrum.

Keywords: radicalism, radical attitudes, youth, consumer preferences

For citation: Belinskaya, E.P. and Rudik, E.A. (2020), "Attitudes to radicalism and preferences of film genres in youth", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no 4, pp. 41–52, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-41-52

Введение

Вопреки существующим традициям осмысления радикализм продолжает трактоваться исследователями достаточно многозначно. Во многом это связано со сложностью самого феномена, содержательное пространство которого сегодня более чем обширно – от политических действий, направленных на революционные изменения социальных институтов [Осипов 2018], до нонконформизма, от массовых протестных акций любого оттенка политического спектра до специфики индивидуального когнитивного стиля [Самойлов, Насиров 2016], от понимания радикализма как определенного аффективного состояния до возведения его в ранг высшего транспсихического образования [Емелин, Тхостов 2019]. К разнообразию этих трактовок добавляется практически неизбежный оценочный смысл, заложенный в самом термине и связанном с ним понятии социальных изменений, и потому неслучайно сегодня представители социогуманитарного знания все чаще отмечают концептуальную двусмысленность представлений о радикализме, меняющихся в зависимости от социально-исторического и гносеологического контекстов [Cross, Snow 2012].

На подобном фоне психологическое понимание радикализма является фактически общепринятым – это понимание его как определенного способа мышления («черно-белого», однозначного и быстрого) и связанных с ним ценностей (справедливости и изменений), вызывающих готовность к экстремальным социальным действиям. Наиболее комплексно оно представлено в модели когнитивных компонентов радикальных установок и готовности к экстремальному поведению [Рассказова и др. 2019]. Авторы выделяют несколько собственно когнитивных компонентов радикализма («черно-белое» мышление, быстрое принятие решений, интолерантность к иным позициям, уверенность в своих суждениях), эмпирически доказывая их связь с экстремальными

действиями, но одновременно отмечая опосредующую роль определенных ценностных ориентаций при их реализации. Это позволяет понимать радикализм как «личностный стиль, проявляющийся во взаимодействии с другими людьми в том, что в определенных социальных ситуациях лишь один вариант (действия, поведения, развития событий) рассматривается как правильный и приемлемый, и человек готов отстаивать его любой ценой, в том числе агрессивно и с применением экстремальных действий» [Рассказова и др. 2019, с. 2].

С нашей точки зрения, именно акцент на специфике межличностного взаимодействия позволяет дополнить эту модель социально-психологическим содержанием, которое отражало бы особенности проявления радикализма в ин-групповом и аут-групповом взаимодействии. Можно предположить, что нетерпимость к иным точкам зрения, влекущая как возможные следствия агрессивные действия по отношению к аут-группам, основана на остром переживании несправедливости и обиды. Представляется, что это тождественно чувству относительной депривации. Напомним, что, согласно эмпирическим исследованиям относительной депривации, данное переживание может возникать как у отдельных людей, так и у социальных групп, причем вне зависимости от их социального статуса, и вызывается оно уверенностью в том, что они имеют меньше, чем заслуживают [Callan et al. 2011]. Поэтому мы предлагаем рассматривать высокий уровень относительной депривации как аффективный компонент выраженных радикалистских установок. Далее, рассматривая возможные особенности ин-группового взаимодействия при радикализме, нам представляется конструктивным обратиться к концепции социального доминирования и ее эмпирическим воплощениям [Ho et al. 2012]. Согласно данной концепции, установки взаимодействия определены отношением человека к социальному доминированию – поддержкой и одобрением позиций, которые утверждают необходимость жесткой внутригрупповой и социальной иерархии; что позволяет рассматривать низкий уровень ориентации на социальное доминирование как выраженность когнитивного компонента радикалистских установок. Также, говоря об особенностях личностных проявлений в ин- и аут-групповом взаимодействии в случае наличия радикалистских установок, следует обратить внимание на их возможную связь с уровнем авторитаризма: использование известной F-шкалы и сегодня остается константой при исследовании социально-политических установок, показывая, в частности, позитивную связь авторитаризма и социального доминирования [Feather, McKee 2012]. А потому вполне допустимо рассматривать низкий

уровень авторитаризма как выраженный поведенческий компонент радикалистских установок.

Основой нашего эмпирического исследования выступила связь радикалистских установок и потребительского поведения в юношеском возрасте. Отметим, что в целом взаимосвязь аттитюдов и потребительского поведения является достаточно распространенным сюжетом исследований [Фоломеева 2012], однако связь социально-политических установок, к которым может быть отнесен радикализм, с характером потребительской активности далеко не однозначна и мало исследована [Mothersbaugh, Hawkins 2016]. При этом, как отмечается, юношеский и молодежный возраст особенно интересны для изучения радикалистских аттитюдов в силу активного формирования на этом этапе социализации правосознания, попыток социальной и политической самореализации, повышенной потребности в группах социальной идентификации, максимализма суждений и поведения [Лощаков 2015]. Подчеркнем, что значительная часть потребительских предпочтений данной возрастной группы связана с медиа-продукцией и, в частности, с кино [Босов 2016].

Цель исследования

Изучение взаимосвязи радикалистских установок и потребительских предпочтений в сфере киноискусства в юношеском возрасте.

Гипотезы исследования

Общей гипотезой исследования выступила идея о связи между выраженностью радикалистских установок и предпочтениями жанров кинопродукции в юношеском возрасте. Частной гипотезой было предположение, что просмотр трейлера, соответствующего потребительским предпочтениям жанров кинопродукции, усиливает радикалистские установки.

Методы

Процедура исследования. На первом этапе выяснялись предпочтения респондентами различных жанров кино. В дальнейшем в исследовании принимали участие только те респонденты, чьи предпочтения однозначно свидетельствовали о выборе фильмов ужасов, мелодрам или артхауса (других вариантов однозначных жанровых предпочтений выделить не удалось). На этом же этапе респондентами заполнялись методики: краткая версия шкалы относительной депривации [Callan et al. 2011], краткая версия шкалы социального доминирования [Гулевич и др. 2018], шкала авторитаризма [Денисова 2012]. На втором этапе (через 2 недели) предпринималась попытка влияния на установки к радикализму

через показ трейлеров еще не вышедших в прокат фильмов различных жанров. В соответствии с их жанровыми предпочтениями респонденты разделялись на три группы, затем каждая группа была разделена еще на 2 для демонстрации любителям каждого жанра трейлера с наиболее и наименее предпочитаемым ими жанром. Трейлеры были отобраны с помощью согласованных оценок трех экспертов. После просмотра трейлеров респонденты заполняли те же методики, что и на первом этапе.

Описание выборки

В первом этапе исследования приняли участие 320 респондентов юношеского возраста (медиана возраста = 21,2). Ко второму этапу их число сократилось до 168 человек (медиана возраста = 21,0).

Результаты исследования

На первом этапе исследования проводилась оценка взаимосвязи предпочтений жанров кино и различных компонентов радикалистских установок с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена и коэффициента корреляции τ -Кендалла. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляционные связи потребительских предпочтений жанров кино и составляющих радикалистских установок

		Жанры кино	Относительная депривация	Ориентация на доминирование	Авторитаризм
Коэффициент τ -Кендалла	Жанры кино	1	0,048	0,049	0,133*
	Относительная депривация	0,048	1	0,049	-0,021
	Ориентация на социальное доминирование	0,049	0,049	1	0,273**
	Авторитаризм	0,133*	-0,021	0,273**	1
Коэффициент Спирмена	Жанры кино	1	0,059	0,06	0,140*
	Относительная депривация	0,059	1	0,068	-0,025
	Ориентация на социальное доминирование	0,06	0,068	1	0,328**
	Авторитаризм	0,140*	-0,025	0,328**	1

Примечания. * Корреляция значима на уровне $p=0,05$. ** Корреляция значима на уровне $p=0,01$.

Результаты свидетельствуют о наличии единственной значимой взаимосвязи: респонденты с высокими показателями по шкале авторитаризма предпочитают жанр фильма ужасов (то есть низкая выраженность поведенческого компонента радикалистских установок связана с предпочтениями данного жанра кино). Одновременно было выяснено, что для всей выборки результаты по шкале авторитаризма положительно коррелируют ($p=0,001$) с баллами по шкале ориентации на социальное доминирование, что подтверждает результаты других исследований [Feather, McKee 2012]. Других статистически значимых связей между переменными при анализе результатов первого этапа исследования обнаружено не было. Иными словами, предпочтения киножанров мелодрамы и артхауса не связаны ни с одним из предполагаемых компонентов радикалистских установок, а потому общая гипотеза исследования подтверждается лишь частично.

На втором этапе исследования после просмотра трейлеров группами респондентов, сформированными в соответствии с жанровыми предпочтениями, были получены следующие результаты.

Прежде всего, выяснялось, влияет ли сам факт просмотра трейлеров определенного жанра (артхаус, ужасы, мелодрама) на различные компоненты радикалистских установок. Проверка проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 2

Влияние просмотра трейлера определенного жанра
на составляющие радикалистских установок
(по U-критерию Манна-Уитни)

	Уровень значимости влияния жанра артхауса	Уровень значимости влияния жанра мелодрамы	Уровень значимости влияния жанра ужасов
Относительная депривация	$p=0,799$	$p=0,701$	$p=0,577$
Ориентация на социальное доминирование	$p=0,063$	$p=0,177$	$p=0,47$
Авторитаризм	$p=0,41$	$p=0,176$	$p=0,576$

Можно видеть, что просмотр трейлеров определенных жанров сам по себе, в отрыве от потребительских предпочтений, не оказывает статистически значимого влияния на появление различий в тех или иных компонентах радикалистских установок. Представляется, что данный факт свидетельствует в целом о неоднозначном влиянии кинопродукции на социально-политические аттитуды в юношеском возрасте.

Далее рассмотрим данные о влиянии просмотра трейлеров в зависимости от наличия/отсутствия связи между кинопредпочтениями и радикалистскими установками. Для двух подвыборок, не имеющих этой связи (любители мелодрамы и любители артхауса), были получены следующие результаты.

Таблица 3

Уровни статистической значимости различий при сравнении результатов первого и второго этапа исследования по Т-критерию Вилкоксона у любителей жанров артхауса и мелодрамы

	Артхаус	Мелодрама
Относительная депривация	$p=0,103$	$p=0,144$
Ориентация на социальное доминирование	$p=0,505$	$p=0,08$
Авторитаризм	$p=0,1$	$p=0,786$

Можно видеть, что проверка на смещения показывает отсутствие различий между показателями по вышеперечисленным шкалам по итогам как первого, так и второго этапа исследования у этих групп респондентов: просмотр ими трейлеров фильмов, вне зависимости от того, были они выбраны, исходя из предпочтений респондентов, или нет, не оказывает статистически значимого влияния на их показатели по шкалам, операционально отражающим радикалистские установки. Иными словами, можно утверждать, что респонденты, предпочитающие жанры мелодрамы и артхауса, не только устойчивы в своих пристрастиях, но и практически не подвержены влиянию кинопродукции на свои социально-политические установки.

Иная картина наблюдалась у группы, предпочитающей жанр фильма ужасов. Для проверки предположения о данном влиянии также использовался Т-критерий Вилкоксона; полученные результаты отражены в таблице 4.

Таблица 4

Уровни статистической значимости различий при сравнении результатов первого и второго этапа исследования по Т-критерию Вилкоксона у любителей жанра фильма ужасов

Относительная депривация	$p=0,02^*$
Ориентация на социальное доминирование	$p=0,135$
Авторитаризм	$p=0,527$

Примечания. * Корреляция значима на уровне $p=0,05$.

Можно видеть, что любители фильмов ужасов при просмотре трейлера предпочитаемого жанра увеличивают свои показатели по шкале относительной депривации, то есть испытывают более выраженные переживания обиды и чувства социальной несправедливости, что отражает усиление аффективного компонента их радикалистских установок. Причем просмотр этой группой трейлеров других жанров аналогичного влияния не имеет. Иными словами, из всех трех участвовавших во втором этапе исследования групп респондентов любители фильмов ужасов оказались в наибольшей степени подвержены возможному влиянию кинопродукции с точки зрения усиления своих радикалистских установок, но только при условии совпадения жанра просматриваемого трейлера с исходно предпочитаемым. Данный факт может объясняться как характеристиками самого влияющего стимула (ситуативное эмоциональное воздействие трейлера фильма ужасов очевидно сильнее, нежели трейлеров мелодрамы и артхауса), так и особенностями этой группы респондентов, для которой исходно была характерна низкая выраженность одного из компонентов радикалистских установок. Тем самым частная гипотеза исследования также подтвердилась лишь частично.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование не позволяет однозначно утверждать о наличии взаимосвязи между потребительскими предпочтениями жанров кино и радикалистскими установками в юношеском возрасте. Эта взаимосвязь наблюдается только у любителей фильмов ужасов и то лишь частично: предпочтение данного жанра кинопродукции связано с низкой выраженностью поведенческого компонента аттитюдов к радикализму.

Влияние кинопросмотров трейлеров различных жанров на радикалистские установки также отмечается лишь частично: так любители мелодрам и артхауса не меняют выраженность своих радикалистских аттитюдов в зависимости от жанра просматриваемых трейлеров, в то время как любители фильмов ужасов после просмотра трейлера этого жанра усиливают аффективный компонент своего уровня радикализма.

В целом проведенное исследование свидетельствует о крайне неопределенной связи эстетических пристрастий и установок социально-политического спектра.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-01222 «Когнитивно-личностные факторы радикалистских установок и форм поведения».

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-013-01222 “Cognitive-personal factors of radical attitudes and forms of behavior”.

Литература

Босов 2016 – *Босов Д.В.* Мэйнстрим-кинематограф как фактор формирования потребительских ориентаций студенческой молодежи. Автореф-т канд. дисс. СПбГУ, 2016.

Гулевич и др. 2018 – *Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е.* Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 407–426.

Денисова 2012 – *Денисова Д.М.* Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // Труды СПИИРАН. 2012. Вып. 2(21). С. 228–236.

Емелин, Тхостов 2019 – *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Современный радикализм: феноменология, происхождение, механизмы // Вопросы философии. 2019. №7. С. 89–97.

Лощаков 2015 – *Лощаков Д.Г.* Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник экономической безопасности. 2015. №6. С. 35–39.

Осипов 2018 – *Осипов В.Г.* Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации // Социологический альманах. 2018. Вып. 9. С. 51–61.

Рассказова и др. 2019 – *Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Когнитивные компоненты радикальных установок и готовности к экстремальному поведению: разработка рабочей модели // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 63. С. 2–19.

Самойлов, Насиров 2016 – *Самойлов С.Ф., Насиров М.Н.* К проблеме различения понятий социального и политического радикализма // Общество: политика, экономика, право. 2016. №2. С. 13–17.

Фоломеева 2012 – *Фоломеева Т.В.* Социально-психологический подход к исследованию потребительского поведения // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2012. №1. С. 145–154.

Callan et al. 2011 – *Callan M.J., Shead N.W., Olson J.M.* Personal relative deprivation, delay discounting and gambling // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101(5). P. 955–973.

Cross, Snow 2012 – *Cross R., Snow D.A.* Radicalism within the Context of Social Movements: Processes and Types // *Journal of Strategic Security*. 2012. Vol. 4. no 4. P. 115–130.

Feather, McKee 2012 – *Feather N.T., McKee I.R.* Values, right-wing authoritarianism, social dominance orientation, and ambivalent attitudes toward women // *Journal of Applied Social Psychology*. 2012. no 42. P. 2479–2504.

Ho et al. 2012 – *Ho A.K., Sidanius J., Pratto F.* Social dominance orientation: Revisiting the structure and function of a variable predicting social and political attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. no 38. P. 583–606.

Mothersbaugh, Hawkins 2016 – *Mothersbaugh D., Hawkins D.* Consumer Behavior: Building Marketing Strategy. 13th Edition. NY.: McGraw-Hill Higher Education, 2016. 816 p.

References

Bosov, D.V. (2016), “Mainstream cinema as a factor in the formation of consumer orientations of students”, Abstract of Ph.D. dissertation, SPbGU, Saint Petersburg, Russia.

Gulevich, O.A., Agadullina, E.R. and Khukhlaev, O.E. (2018), “Approval of the group hierarchy: Russian version of the scale for measuring orientation to social dominance”, *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol.15, no 3, pp. 407–426.

Denisova, D.M. (2012), “Scale F as a tool for studying the authoritarian potential of the individual”, *Trudy SPIIRAN*, vol. 2(21), pp. 228–236.

Emelin, V.A. and Thostov, A.Sh. (2019), “Modern radicalism: phenomenology, origin, mechanisms”, *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 89–97.

Loshakov, D.G. (2015), “Radicalization of youth in modern Russian society and its factors”, *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, no. 6, pp. 35–39.

Osipov, V.G. (2018), “Radicalism, extremism and terrorism. On the methodology of problematization”, *Sociologicheskij al'manah*, vol. 9, pp. 51–61.

Rasskazova, E.I., Emelin, V.A. and Thostov, A.Sh. (2019), “Cognitive components of radical attitudes and readiness for extreme behavior: development of a working model”, *Psihologicheskie issledovaniya*, vol. 12, no. 63, pp. 2–19.

Samoylov, S.F. and Nasirov, M.N. (2016), “On the problem of distinguishing the concepts of social and political radicalism”, *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*, no. 2, pp. 13–17.

Folomeeva, T.V. (2012), "Socio-psychological approach to consumer behavior research", *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, no. 1, pp. 145–154.

Callan, M.J., Shead, N.W. and Olson, J.M. (2011), "Personal relative deprivation, delay discounting and gambling", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 101(5), pp. 955–973.

Cross, R. and Snow, D.A. (2012), "Radicalism within the Context of Social Movements: Processes and Types", *Journal of Strategic Security*, vol. 4, no. 4, pp. 115–130.

Feather, N.T. and McKee, I.R. (2012), "Values, right-wing authoritarianism, social dominance orientation, and ambivalent attitudes toward women", *Journal of Applied Social Psychology*, no. 42, pp. 2479–2504.

Ho, A.K., Sidanius, J. and Pratto, F. (2012), "Social dominance orientation: Revisiting the structure and function of a variable predicting social and political attitudes", *Personality and Social Psychology Bulletin*, no. 38, pp. 583–606.

Mothersbaugh, D. and Hawkins, D. (2016), "Consumer Behavior: Building Marketing Strategy", 13th ed, McGraw-Hill Higher Education, NY, USA, 816 p.

Информация об авторах

Елена П. Белинская, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; elena_belinskaya@list.ru

Екатерина А. Рудик, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11; Katja_rudikk@mail.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; elena_belinskaya@list.ru

Ekaterina A. Rudik, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; Katja_rudikk@mail.ru

Отношение к браку у замужних и разведенных женщин

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Ирина Г. Зотова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zotova.ig@gmail.com*

Виталий К. Шабельников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, shabelnikov@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты отношения к браку у женщин с различным брачным статусом в условиях транзитивного общества, главными характеристиками которого являются динамичность социальных процессов, многообразие позиций, систем ценностей, неопределенность норм. В работе анализируется специфика мотивации и супружеских установок, а также особенности взаимосвязи между актуальными установками на брак и психологическим благополучием участниц исследования в разном возрасте. Результаты исследования демонстрируют сохранение у женщин базовой установки на значимость и ценность супружеских отношений. Мотивы эмоционального и социально-культурного характера являются доминирующими для респондентов данной выборки. Установка женщин на эгалитарные отношения в браке подтверждает приоритет индивидуальных желаний в супружестве и укрепление позиций партнерского типа взаимодействия в современном браке. Исследование связи психологического благополучия и установок на брак подтверждает общую тенденцию прагматичного отношения к супружеству и стремление откладывать рождение детей на более поздний срок. Перспектива материнства для разведенных женщин в разном возрасте соотносится с ограничением жизненных перспектив, невозможностью контролировать свою жизнь и снижением возможностей для развития.

Ключевые слова: отношение к браку, супружество, транзитивность, брачный статус, брачная мотивация, установки, психологическое благополучие

Для цитирования: Гавриченко О.В., Зотова И.Г., Шабельников В.К. Отношение к браку у замужних и разведенных женщин // Вестник РГГУ.

Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 53–69.
DOI:10.28995/2073-6398-2020-4-53-69

Attitudes towards marriage in married and divorced women

Oksana V. Gavrichenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Oksana-danshina@rambler.ru*

Irina G. Zotova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zotova.ig@gmail.com*

Vitaly K. Shabelnikov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, shabelnikov@rambler.ru*

Abstract. The psychological aspects of attitudes to marriage in women with different marital status in a transitive society, the main characteristics of which are the dynamism of social processes, diversity of positions, value systems, uncertainty of norms, are presented in the article. The work analyzes the specifics of motivation and marital attitudes, as well as peculiarities of interrelation between current attitudes toward marriage and psychological well-being of the study participants at different ages. The results of the study demonstrate that women retain a basic attitude toward the importance and value of marital relations. Emotional and socio-cultural motivations are dominant for respondents in this sample. The attitude of women to egalitarian relations in marriage confirms the priority of individual desires in marriage and strengthening the position of partner type interaction in modern marriage. The study on the relationship between psychological well-being and attitudes toward marriage confirms the general trend of pragmatic attitudes toward marriage and the desire to postpone the birth of children to a later date. The prospect of motherhood for divorced women at different ages is associated with limited life prospects, inability to control their lives and reduced opportunities for development.

Keywords: attitude towards marriage, marriage, transitivity, marital status, marital motivation, attitudes, psychological well-being

For citation: Gavrichenko, O.V., Zotova, I.G. and Shabelnikov, V.R. (2020), "Attitudes towards marriage in married and divorced women", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 53-69, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-53-69

Введение

Проблема дестабилизации института брака является одной из

самых обсуждаемых в науке и обществе. По мнению большинства исследователей, современный брак уже несколько десятилетий находится в кризисе: сокращается количество регистрируемых браков, увеличивается количество разводов и рожденных вне брака детей, усугубляется ориентация на бездетные семьи, брак все чаще откладывается на период позднего деторождения, появляются новые формы партнерства (гражданский, гостевой, открытый, однополый брак и т.д.) [Варга, Будинайте 2012; Гурко 2011].

Подобное сегодняшнее состояние брака обычно связывается со спецификой современного транзитивного общества, характеристиками которого являются динамичность социальных процессов, множественность позиций и систем ценностей [Дубовская 2014]. Традиционные представления об организации супружеских отношений необратимо уходят в прошлое. На смену институциональным формам регуляции брачных процессов приходят социально-психологические, этические и моральные механизмы [Эйдемиллер и др. 2007]. Л.Б. Шнейдер отмечает: «современная семья строится вокруг супружеских отношений, а не в угоду кровным; растёт тенденция членов семьи к индивидуализации; возникают альтернативные формы брачно-семейных отношений; брак освобождается от религиозных, национальных, социально-демографических предрассудков» [Шнейдер 2000, с.53].

Актуальной задачей брака, в первую очередь, становится удовлетворение психологических потребностей супругов [Гурко 2016, Андреева 2009], «романтическая любовная нотка в браке становится... краеугольным камнем нашего отношения к семейной жизни» [Аронс 1995, с. 59]. Наблюдается приоритет индивидуальных желаний и мотивов в супружестве: «люди стараются и в браке сохранять свои идентичности и следуют своим личным интересам и целям. Если им это не удаётся, они ищут новые отношения, в которых смогут удовлетворять свои личностные потребности, и легко идут на развод и при наличии детей. Человек становится творцом своей биографии в отношении образования, профессиональной карьеры, брака, сексуальной ориентации, выбора иметь или не иметь детей и т.д.» [Beck, Beck-Gernsheim 2002].

Т.Д. Марцинковская и Н.И. Юрченко рассматривают транзитивность в качестве сложной жизненной ситуации, включающей стратегии совладания и механизмы психологической защиты [Марцинковская, Юрченко 2016]. В условиях, когда не существует универсальной модели брака, а социальные и групповые ожидания не являются ориентиром, людям приходится выбирать собственный сценарий супружества «в условиях постоянного изменения социальных представлений, ценностей, неопределенности норм и установок» [Марцинковская 2015].

В целом, развитие семьи и брака в нашей стране соответствует общемировым тенденциям, связанным с переходом от индустриальных к постиндустриальным обществам. Однако результаты ряда социологических исследований свидетельствуют, что традиционная модель брачных отношений в России сохраняет свою устойчивость в сознании людей, семейные ценности не утратили для них своей значимости [Прохоренко 2017]. На текущий момент вопрос интерпретации описанных изменений брака остается открытым, поэтому нам представляется важным исследовать психологические аспекты отношения к браку у женщин разного возраста с учетом специфики их брачного статуса.

Целью нашего исследования стало сравнительное изучение отношения к браку у замужних и разведенных женщин.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Общая гипотеза исследования состоит в том, что существуют определенные особенности в отношении к браку (официальный, фактический, повторный брак) у замужних и разведенных женщин.

Частные гипотезы.

1. Возможны отличия в мотивационном компоненте у женщин, состоящих в официальном, фактическом и повторном браке.

2. Предполагаются особенности в установках на брак у замужних (официальный, фактический и повторный брак) и разведенных женщин.

3. Вероятно, существует специфика взаимосвязи между установками на брак и психологическим благополучием у замужних и разведенных женщин.

Цель, объект и сформулированные гипотезы позволили определить *задачи* исследования.

1. Дифференцировать мотивы вступления в брак (официальный, фактический, повторный брак) у замужних и разведенных женщин, определить доминирующие мотивы вступления в брак.

2. Выявить специфику брачных установок (официальный, фактический, повторный брак) у замужних и разведенных женщин.

3. Рассмотреть особенности взаимосвязи психологического благополучия и актуальных установок на брак у замужних и разведенных женщин.

В исследовании использовались следующие *методики*: анкета «Мотивы вступления в брак», опросник «Измерение установок в супружеской паре» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) [Лидерс 2006] и методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко) [Фесенко 2005].

Выборка: в исследовании участвовали 94 женщины в возрасте от 21 до 44 лет: 26 разведенных и 68 замужних женщин (официальный, фактический, повторный брак).

Участники выборки были разделены на 2 возрастные группы: 1-я группа (от 21 до 31 года) и 2-я группа (от 32 лет до 44 лет).

В каждой возрастной группе были выделены подгруппы по критерию брачного статуса: 1) замужние женщины; 2) разведенные женщины.

Так как отношение к браку у женщин, объединенных в группу «замужние» (официальный, повторный, фактический брак), может существенно отличаться, по большинству аспектов исследования дополнительно был проведен сравнительный анализ данных, полученных у респондентов внутри этой подгруппы.

Особенности мотивационного компонента отношения к браку у замужних и разведенных женщин

Анализ данных, полученных по анкете «Мотивы вступления в брак», позволил выявить следующее распределение мотивов вступления в брак по степени их значимости для респондентов, состоящих в официальном, фактическом или повторном браке из 1-й возрастной группы – от 21 до 31 года (Диаграмма 1).

Мотивы «любовь и привязанность к партнеру», а также «желание родить ребенка в полной семье» являются двумя доминирующими мотивами вступления в брак для замужних женщин. Любовь ставят на первое место женщины, чей брачный статус уже юридически оформлен – официальный (16%) и повторный брак (15%). Для участниц исследования, состоящих в фактическом браке, желание родить ребенка в полной семье является более значимым мотивом (14%), он в большей степени побуждает к вступлению в брак, чем любовь и привязанность к партнеру (13%).

Вступление в брак для получения психологической поддержки считают актуальным женщины в официальном браке (11%). Для респондентов в фактическом браке более предпочтительным является мотив продолжения рода (12%), что соотносится с задачей развития в этом возрасте. Для женщин, уже имеющих опыт развода и нового брака, в равной степени значимы оба указанных мотива (по 11%).

Особенности мотивационного компонента отношения к браку у замужних женщин выражаются в том, что женщины из 1-й возрастной группы – от 21 до 32 лет, состоящие в фактическом браке, чаще женщин в официальных отношениях, относятся к браку как способу повысить свой социальный статус (ср. знач. официальный/фактический брак: 1,3/2; $U=58$; $p=0,027$). Для женщин, состоящих в фактических отношениях, вступление в брак может быть связано с ожиданием большей определенности и стабильности их социального положения, желанием в большей степени соответствовать принятым в обществе моральным и правовым нормам.

Диаграмма 1

Мотивы вступления в брак у женщин, состоящих в официальном, фактическом и повторном браке (1-я возрастная группа – от 21 до 31 года), %.

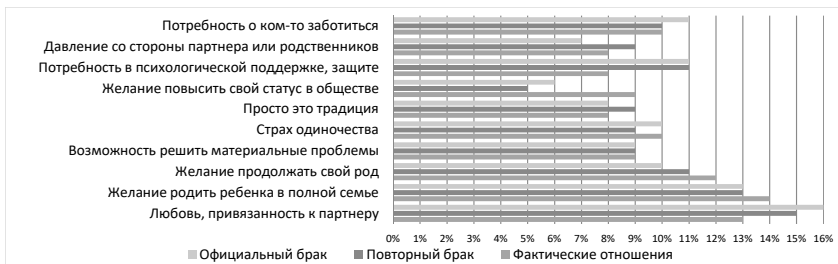
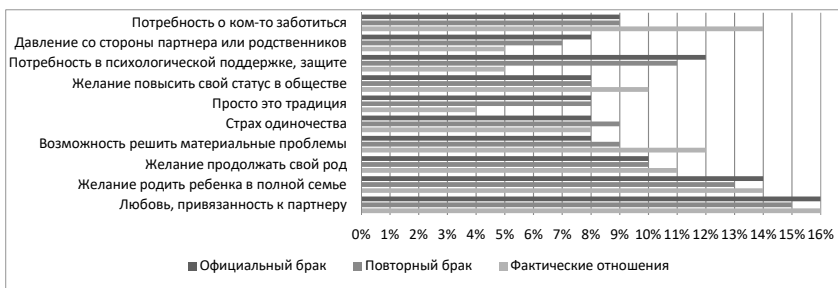

Диаграмма 2

Мотивы вступления в брак у женщин, состоящих в официальном, фактическом и повторном браке (2-я возрастная группа – от 32 до 44 лет), %.

На Диаграмме 2 отражено распределение мотивов вступления в брак по степени их значимости для респондентов, состоящих в официальном, фактическом или повторном браке из 2-й возрастной группы – от 32 до 44 лет.

Для брачной мотивации женщин из 2-й возрастной группы – от 32 до 44 лет – характерно сближение доминирующих мотивов у респондентов, состоящих в официальном, фактическом и повторном браке.

Иерархию брачной мотивации для всех замужних женщин в этой возрастной группе возглавляет мотив вступления в брак по любви (официальный, фактический – 16%, повторный брак 15%), затем следует желание родить ребенка в полной семье (14% – официальный и фактический брак, 13% – повторный).

Потребность о ком-то заботиться входит в число доминирующих мотивов для вступления в брак у женщин, состоящих в фактическом

браке, у них он статистически значимо выше, чем у респондентов в официальном браке (ср. знач. официальный/фактический брак: 1,91/3,33; $U=8,5$; $p=0,03$).

Вступление в брак для получения психологической поддержки в большей степени мотивирует женщин в официально оформленных брачных отношениях (12% – официальный и 11% повторный брак). Женщины, состоящие в фактических брачных отношениях, более актуальной причиной для вступления в брак считают возможность решить материальные проблемы (12%).

Доминирующие мотивы вступления в брак у *разведенных* женщин в обеих возрастных группах во многом совпадают с мотивами *замужних* женщин.

Данные, представленные на Диаграмме 3, демонстрируют, что в 1-й возрастной группе – от 21 до 31 года - первые два доминирующих мотива вступления в брак у замужних и разведенных женщин совпадают: «любовь, привязанность к партнеру» (15% и 14%); «желание родить ребенка в полной семье» (14%, и 13%). Различается третий по значимости мотив: для замужних женщин это «желание продолжить свой род» (12%), а для разведенных – «потребность в психологической поддержке, защите» (12%).

Диаграмма 3

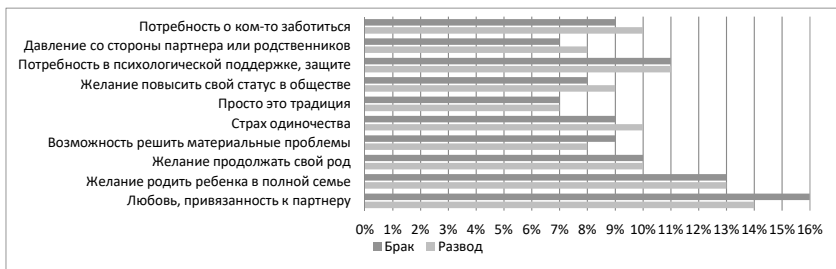
Мотивы вступления в брак у замужних и разведенных
молодых женщин
(1-я возрастная группа – от 21 до 31 года), %

Данные, представленные на Диаграмме 4, демонстрируют, что у замужних и разведенных женщин во 2-й возрастной подгруппе – от 32 до 44 лет – совпадают все три доминирующих мотива вступления в брак: «любовь, привязанность к партнеру» (16 и 14%); «желание родить ребенка в полной семье» (по 13%) и мотив «потребность в психологической поддержке, защите» (по 11%).

Диаграмма 4

Мотивы вступления в брак у замужних и разведенных
молодых женщин
(2-я возрастная группа – от 32 до 44 лет)

Специфика установок на брак у замужних и разведенных женщин

Для изучения особенностей установок на брак использовался опросник «Измерение установок в супружеской паре» (Ю.Е. Аleshina, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская).

В ходе исследования были обнаружены общие тенденции в установках на брак у замужних и разведенных женщин из обеих возрастных групп (см. табл. 1): стремление к эгалитарным партнерским отношениям, недооценка значимости сексуальной сферы брачных отношений, а также проявление бережливости в финансовых вопросах.

Попарный сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни, проведенный для оценки значимости различий установок на брак у женщин, состоящих в официальном, фактическом и повторном браке, из 1-й возрастной группы – от 21 до 32 лет - показал отличия в установках: «отношение к разводу» (официальный/повторный брак: $U=20/P=0,039$; официальный/фактический брак: $U=38,5/P=0,006$), «отношение к романтической любви» (официальный/повторный брак: $U=14,5/P=0,014$; официальный/фактический брак: $U=37/P=0,005$), «отношение к за-претности сексуальной темы» (официальный/фактический брак: $U=46,5/P=0,017$). Таким образом, женщины из 1-й возрастной группы - от 21 до 32 лет, состоящие в фактическом и повторном браке, лояльнее относятся к разводу, меньше верят в идеалы романтической любви и свободнее говорят о сексе, чем женщины, состоящие в официальном браке. Можно предположить, что возможность разрушения долгосрочных планов, беспокойство о детях, необходимость участвовать в имущественных спорах, вероятно, чаще побуждает женщин в официальном браке избегать радикальных решений его судьбы; отказ от обсуждения сексуальной темы позволяет избежать дискомфорта, а большая приверженность идеалам романтической

любви придает содержательный смысл брачным отношениям в длительной перспективе.

Сравнительный анализ установок на брак у замужних и разведенных женщин из этой же возрастной группы показал статистически значимые различия в их установках: «отношение к людям» (замужние/разведенные: $U=123,5/P=0,033$), «отношение к разводу» (замужние/разведенные: $U=120,5/P=0,026$), «отношение к запретности сексуальной темы» (замужние/разведенные: $U=125/P=0,036$). Разведенные женщины терпимее относятся к разводу, свободнее говорят на сексуальные темы, и их показатели оптимистичного отношения к окружающим людям выше, чем у замужних женщин. Вероятно, опыт переживания развода у женщин обуславливает более лояльное к нему отношение, они оптимистичнее относятся к людям, что свидетельствует об их способности благополучно существовать в социуме и без партнера.

Таблица 1

Особенности брачных установок у женщин (ср. значение)

Брачные установки	Возрастные группы							
	до 31 года				от 32			
	Офиц	Факт	Повтор	Раз-д	Офиц	Факт	Повтор	Раз-д
Отношение к людям	2,36	2,00	2,45	2,67	2,08	2,17	2,41	2,23
	2,27				2,19			
Ориентация на долг	2,35	2,15	2,60	2,23	2,26	2,17	2,22	2,25
	2,33				2,24			
Отношение к детям	2,44	2,03	2,15	2,00	2,20	1,83	2,06	2,59
	2,28				2,14			
Автономия-зависимость	2,64	2,20	2,40	2,23	2,25	2,33	2,41	2,50
	2,48				2,29			
Отношение к разводу (обр. шкала)	2,36	1,88	1,85	1,79	2,17	2,17	2,00	2,23
	2,15				2,14			
Отношение к любви романт. типа	2,13	1,48	1,35	1,77	1,94	2,08	2,06	1,93
	1,89				2,01			

Значение секс. сферы (обр. шкала)	2,84	2,63	3,10	2,71	2,68	2,08	2,69	2,55
	2,81				2,56			
Отношение к запретности секс. темы	2,10	1,53	1,70	1,48	1,85	1,75	1,59	1,79
	1,88				1,86			
Патриарх./эгалитарность	2,89	2,93	3,25	3,29	3,05	2,67	3,03	2,75
	2,95				2,85			
Отношение к деньгам	2,69	2,80	2,70	2,65	2,59	2,33	2,47	2,64
	2,72				2,46			

Особенности взаимосвязи установок на брак и психологического благополучия у замужних и разведенных женщин

Для диагностики общего уровня психологического благополучия в исследовании применялась методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

Уровень психологического благополучия респондентов находился в пределах нормативных значений (средний уровень по выборке равен 366 баллам). Показатели психологического благополучия распределялись в диапазоне от 280 до 464 баллов. У всех женщин из 1-й возрастной группы – от 21 до 31 года – показатель психологического благополучия находился на среднем уровне, у разведенных женщин и женщин, состоящих в повторном браке, во 2-й группе – от 32 до 44 лет – этот показатель находился на верхней границе нормы.

Для анализа специфики взаимосвязи установок к браку и психологического благополучия был проведен корреляционный анализ методом ранговых корреляций Спирмена по каждой из возрастных групп выборки.

Было обнаружено, что в возрасте от 21 до 31 года существует взаимосвязь между психологическим благополучием и установками на брак у замужних и разведенных женщин, определяющими отношение к детям, романтической любви и запретности сексуальной темы¹:

1. Установка на запрет открыто говорить с партнером о сексе обратно взаимосвязана с общим показателем психологического благополучия (замужние женщины $r=0,381^*$) и коррелирует с различными его аспектами у замужних и разведенных женщин: у замужних она связана с переживанием отстраненности, фрустра-

¹ Здесь и далее: *корреляция значима на уровне 0,05; **корреляция значима на уровне 0,01.

ции («позитивные отношения», $r=0,357^*$) и критичного отношения к себе («самопринятие», $r=0,359^*$). Вероятно, в этом отражена связь с уязвимостью и угрозой для самооценки его участников, поэтому зачастую женщины стараются избегать обсуждения данной темы из страха отвержения или нежелания задеть партнера. У разведенных женщин запрет на обсуждение сексуальной сферы может быть связан со скукой, потерей интереса к обсуждению интимной темы в данный момент их жизни («личностный рост», $r=0,694^*$).

2. Приверженность идеалам романтической любви как для замужних, так и для разведенных женщин связана с замедлением стремления к новому опыту и собственному развитию («личностный рост» замужние: $r=0,388^*$; разведенные: $r=0,715^{**}$). Эта корреляционная связь может свидетельствовать о том, что приверженность идеалам романтической любви соотносится для женщин с затуханием намерения выстроить реальные отношения с партнером.

3. Перспектива материнства воспринимается разведенными женщинами в данной возрастной группе как фактор, снижающий темпы их личностного развития («личностный рост», $r=0,682^*$). Можно предположить, что рождение ребенка воспринимается разведенными женщинами как обстоятельство, препятствующее их контролю над собственной жизнью, затрудняющее возможность самостоятельно выбирать вид деятельности и вести привычный образ жизни.

В возрасте от 32 до 44 лет обнаружена взаимосвязь между психологическим благополучием и установками на брак у замужних и разведенных женщин, определяющими роль женщины в семье (патриархальность/эгалитарность), отношение к разводу, детям, деньгам, запретность сексуальной темы:

1. Для замужних женщин установка на запрет открыто говорить с партнером о сексуальных темах обратно взаимосвязана с общим показателем психологического благополучия ($r=0,592^{**}$) и почти со всеми его аспектами («позитивные отношения», $r=0,475^{**}$; «управление средой», $r=0,354^*$; «личностный рост», $r=0,628^{**}$; «цели в жизни», $r=0,361^*$; «самопринятие», $r=0,514^{**}$; «баланс аффекта», $r=0,511^{**}$; «осмысленность жизни», $r=0,430^*$; «человек как открытая система», $r=0,591^{**}$), кроме «автономии».

2. Преобладание эгалитарных представлений о своей роли в семье как у замужних, так и у разведенных женщин связано с переживанием психологического благополучия (замужние: $r=0,458^{**}$, разведенные: $r=0,683^{**}$), проактивности («цели в жизни»: замужние $r=0,416^*$, разведенные $r=0,543^*$), уверенности в собственных силах («баланс аффекта»: замужние $r=0,384^*$; разведенные $r=0,719^{**}$), способности ощущать присутствие в жизни смысла («осмысленность жизни»: замужние $r=0,496^{**}$; разведенные $r=0,568^*$) и поддерживать целостный, реалистичный взгляд на мир («человек как открытая

система» замужние $r=0,594^{**}$; разведенные $r=0,564^*$). Для замужних женщин эгалитарные установки связаны с пониманием, что они способны влиять на обстоятельства («управление средой», $r=0,517^{**}$), а также проявлять большую гибкость в отношениях с другими людьми («позитивные отношения», $r=0,440^*$). Для разведенных женщин равноправные отношения в семье дополнительно связаны с возрастанием их независимости («автономия», $r=0,537$), со способностью развиваться («личный рост», $r=0,569$) и принимать свои недостатки («самопринятие», $r=0,764^{**}$). Стремление к равноправной форме брачных отношений закономерно связано с общей тенденцией возрастания социальной роли современной женщины. Обретенная женщинами экономическая независимость, возможность профессионального и личного роста способствуют пересмотру традиционного распределения позиций в семье в направлении большей эгалитаризации.

3. Отношение к разводу у женщин из этой возрастной группы связано со снижением уровня психологического благополучия (замужние $r=0,416^*$, разведенные $r=0,614^*$), веры в свои возможности («баланс аффекта»: замужние $r=0,450^{**}$; разведенные $r=0,628^*$), а также способности влиять на обстоятельства («управление средой»: замужние $r=0,434^*$; разведенные $r=0,563^*$). Замужние женщины сильнее зависят от оценок окружающих («автономия», $r=0,347^*$) и становятся самокритичными («самопринятие» $r=0,349^*$) в связи с вероятной утратой значимого для них социального статуса замужней женщины. У разведенных женщин отношение к разводу связано со скукой и отсутствием видимых и привлекательных жизненных перспектив («осмысленность жизни» $r=0,537^*$).

4. У замужних женщин между отношением к деньгам и аспектами психологического благополучия существует прямая связь: женщины более разумно управляют финансами, когда больше развиваются и самореализуются («личный рост», $r=0,525^{**}$). У разведенных женщин взаимосвязь обратная: они скорее склонны бережливо относиться к деньгам, если переживают кризисный период жизни («человек как открытая система», $r=0,538^*$).

5. Замужние и разведенные женщины в этом возрасте по-разному относятся к перспективе рождения ребенка. Можно предположить, что для замужних женщин, имеющих возможность разделить родительские обязанности с партнером, рассчитывать на его физическую и материальную помощь, это событие связано с возрастанием самопринятия («самопринятие», $r=0,422^*$). У разведенных женщин заботы, обусловленные одиноким материнством, коррелируют со снижением психологического благополучия ($r=0,676^{**}$), сопряжены с переживанием утраты свободы («автономия», $r=0,761^{**}$), неудовлетворенности и дефицитом контроля («баланс аффекта»,

$r=0,659^*$), отсутствием ясных перспектив и личностного развития («личностный рост», $r=0,594^*$), самокритичностью («самопринятие», $r=0,762^{**}$).

Проведенное исследование показало, что выдвинутые гипотезы частично подтверждены и уточнены.

Выводы:

1. *Мотивационный компонент отношения к браку у замужних (официальный, повторный и фактический брак) женщин имеет возрастную и содержательную специфику.*

Принимая решение о вступлении в брак, замужние и разведенные женщины из обеих возрастных групп руководствуются мотивами эмоционального и социально-культурного характера: основываются на любви и привязанности к партнеру, потребности в психологической поддержке и желании родить ребенка в полной семье.

Женщины в 1-й возрастной группе – от 21 до 32 лет, состоящие в фактическом браке, чаще женщин в официальном браке воспринимают вступление в брак как обстоятельство, повышающее социальный статус. Для женщин из 2-й возрастной группы – от 32 до 44 лет, состоящих в фактических отношениях, удовлетворение потребности в заботе о другом близком человеке становится более значимым мотивом для вступления в брак, по сравнению с респондентами в официальном браке.

2. *Установки на брак у женщин могут отличаться в зависимости от их актуального брачного статуса.*

Замужние и разведенные женщины из обеих возрастных групп стремятся к равноправным (эгалитарным) партнерским отношениям в браке; при этом они недооценивают значимость сексуальной сферы брачных отношений и стремятся проявлять бережливость в финансовых вопросах.

Особенности установок к браку у замужних женщин выражаются в том, что респонденты, состоящие в фактическом и повторном браке из 1-й возрастной группы – от 21 до 32 лет – более лояльно относятся к разводу, меньше верят в идеалы романтической любви и свободнее говорят с партнером на сексуальные темы, чем женщины, состоящие в официальном браке.

Разведенные женщины из 1-й возрастной группы – от 21 до 32 лет, по сравнению с замужними женщинами этой же группы, более лояльно относятся к разводу, у них выше показатели оптимистичного отношения к окружающим людям, а также они более открыто готовы обсуждать с другими людьми сексуальные темы.

3. *Характер взаимосвязи между установками на брак и психологическим благополучием имеет специфику у замужних и разведенных женщин, а также изменяется с возрастом.*

Трудности в обсуждении сексуальных сторон жизни отрицательно сказываются на уровне психологического благополучия женщин из 1-й возрастной группы – от 21 до 32 лет: у замужних участниц это связано с фрустрацией и снижением самопринятия, а у разведенных – с переживанием скуки и потери интереса к интимной теме в данный момент жизни. Значимость идеалов романтической любви для замужних и разведенных женщин в этом возрасте обусловлена снижением стремления к личностному росту и выстраиванию реальных отношений с партнёром. Перспектива материнства для разведенных женщин из этой возрастной группы соотносится с ограничением жизненных перспектив и снижением возможностей для развития.

Для женщин из 2-й возрастной группы – от 32 до 44 лет – эгалитарные представления о распределении ролей в семье связаны с переживанием психологического благополучия, проактивности, осмысленности жизни. Для замужних женщин это соотносится с возможностью лучше контролировать свою жизнь, проявлять большую гибкость в общении с людьми, а у разведенных женщин больше проявляется независимость, самопринятие и стремление к развитию.

Установка на возможность развода у женщин из данной возрастной группы связана со снижением уровня психологического благополучия, способности влиять на обстоятельства. У замужних женщин возрастает зависимость от оценок окружающих, снижается самооценка; разведенные женщины сталкиваются с ощущением бессмысленности жизни.

Перспектива рождения ребенка для разведенных женщин в возрасте от 32 до 44 лет означает снижение психологического благополучия и самопринятия, сопряжена с переживанием зависимости, отсутствием перспектив и невозможностью контролировать свою жизнь. В то же время у замужних женщин возможность рождения ребенка связана с возрастанием самопринятия.

В этом возрасте запрет на обсуждение сексуальных аспектов отношений снижает психологическое благополучие замужних женщин и коррелирует со всеми его аспектами, кроме «автономии».

Замужние женщины из 2-й возрастной группы – от 32 до 44 лет – более экономно распоряжаются финансами, когда испытывают чувство реализации своего потенциала. У разведенных женщин взаимосвязь обратная: они склонны бережно относиться к деньгам, если переживают кризисный период в жизни.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феномено-логия и закономерности»

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project No. 20-013-00075 «Person in everyday life: psychological phenomenology and determinates»

Литература

Андреева 2009 – *Андреева Т.В.* Социально-психологические проблемы стабильности и успешности брачно-семейных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1. С. 129–140.

Аронс 1995 – *Аронс К.* Развод: крах или новая жизнь? М.: МИРТ, 1995. 440 с.

Варга, Будинайте 2012 – *Варга А.Я., Будинайте Г.Л.* Современный брак: новые тенденции. // Системная психотерапия супружеских пар / Науч. ред. и сост. А.Я. Варга. М.: «Когито-Центр», 2012. С. 2–13.

Гурко 2011 – *Гурко Т.А.* Институт семьи в постиндустриальных обществах [Электронный ресурс] // Ценности и смыслы. 2011. № 4(13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-semi-v-postindustrialnyh-obschestvah> (дата обращения 04 окт. 2020).

Гурко 2016 – *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи [Электронный ресурс]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4928> (дата обращения 04 окт. 2020).

Дубовская 2014 – *Дубовская Е.М.* Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018-dubovskaya36.html> (дата обращения 26 сент. 2020).

Лидерс 2006 – *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 432 с.

Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html> (дата обращения 26 сент. 2020).

Марцинковская, Юрченко 2016 – *Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И.* Проблема совладания в транзитивном обществе [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 9. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n49/1332-martsinkovskaya49.html> (дата обращения: 07 окт. 2020).

Прохоренко 2017 – *Прохоренко Ю.И.* Институт брака: проблемы трансформации // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8. № 4. С. 334–338.

Фесенко 2005 – *Фесенко П.П.* Методика исследования психологического благополучия личности // Психологическая диагностика. 2005. №3. С. 95–129.

Эйдемиллер и др. 2007 – *Эйдемиллер Э.Г., Александрова Н.В., Юстицкий В.* Семейная психотерапия. Хрестоматия. СПб.: Издательство «Речь», 2007. 400 с.

Шнейдер 2000 – *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений: курс лекций. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 501 с.

Beck, Beck-Gernsheim 2002 – *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization: institutionalized individualism and its social and political consequences. London: Sage, 2002.

References

Andreeva, T.V. (2009), “Social-psychological problems of stability and success of marriage and family relations”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, no. 1, pp. 129–140.

Arons, K. (1995), *Razvod: krah ili novaya zhizn'?* [Divorce: collapse or new life?], MIRT, Moscow, Russia.

Beck, U. and Beck-Gernsheim, E. (2002), *Individualization: institutionalized individualism and its social and political consequences*, Sage, London, UK.

Dubovskaya, E.M. (2014), “The transitivity of society as a factor of personal socialization”, *Psychological studies*, vol. 7, no. 36, p. 7, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018-dubovskaya36.html> (Accessed 26 Sept 2020).

Ejdemiller, E.G., Aleksandrova, N.V. and Yustickis, V. (2007), *Semejnaya psihoterapiya. Hrestomatiya* [Family psychotherapy. Christomathy], Izdatel'stvo «Rech'», St. Petersburg, Russia.

Fesenko, P.P. (2005), “Methodology of psychological well-being research”, *Psihologicheskaya diagnostika*, no. 3, pp. 95–129.

Gurko, T.A. (2011), “Institute of family in post-industrial societies”, *Cennosti i smysly* [Electronic], no. 4(13), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-semi-v-postindustrialnyh-obschestvah> (Accessed 04 Oct 2020).

Gurko, T.A. (2016), *Teoreticheskie podhody k izucheniyu sem'i. Elektronnoe izdanie* [Theoretical approaches to family studies. Electronic edition], 2nd ed., Institut sociologii RAN, Moscow, Russia, available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4928> (Accessed 04 Oct 2020).

Liderc, A.G. (2006), *Psihologicheskoe obsledovanie sem'i: uchebnoe posobie-praktikum dlya studentov fakul'tetov psihologii vysshih uchebnyh zavedenij* [Psychological examination of the family: a training manual for students of psychology departments of higher education institutions], Izdatel'skij centr «Akademiya», Moscow, Russia.

Martsinkovskaya, T.D. (2015), “Modern psychology – challenges of transitivity”, *Psychological studies* [Electronic], vol. 8, no. 42, p. 1, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html> (Accessed 26 Sept 2020).

Marcinkovskaya, T.D. and Yurchenko, N.I. (2016), "The problem of co-ownership in a transit society", *Psichologicheskie issledovaniya* [Electro-nic], vol. 9, no. 49, p. 9, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2016_v9n49/1332-martsinkovskaya49.html (Accessed 07 Oct 2020).

Prokhorenko, Y.I. (2017), "Marriage Institute: problems of transformation", *Uchenye zametki TOGU*, vol. 8, no. 4, pp. 334–338.

Shnejder, L.B. (2000), *Psihologiya semejnyh otnoshenij: kurs lekcij* [Psychology of family relations: lecture course], EKSMO-Press, Moscow, Russia.

Varga, A.Y. and Budinajte, G.L. (2012), "Modern marriage: new trends", in Varga, A.Y. (ed.), *Sistemnaya psihoterapiya supruzheskih par* [Systemic Psychotherapy for Couples], "Kogito-Centr", Moscow, Russia.

Информация об авторах

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993 Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; Oksana-danshina@rambler.ru

Ирина Г. Зотова, магистр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993 Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; zotova.ig@gmail.com.

Виталий К. Шабельников, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993 Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; shabelnikov@rambler.ru

Information about the authors

Oksana V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Oksana-danshina@rambler.ru

Irina G. Zotova, Master (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zotova.ig@gmail.com.

Vitaly K. Shabelnikov, Dr. of Sci. (Psychology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; shabelnikov@rambler.ru

Типы руководителей: копинг-стратегии и социально-психологические характеристики

Азат Р. Кудашев

*Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
Уфа, Россия, kafmen-bagsu@yandex.ru*

Олег В. Кроповницкий

*Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
Уфа, Россия, olegkrop@mail.ru*

Аннотация. В статье осуществлен теоретико-эмпирический анализ понятий копинг-стратегия, локус контроля (интернальность-экстернальность), мотивация достижения. Рассмотрены различные точки зрения на копинг-стратегии, а также на мотивацию достижения, социальный интеллект и интернальность как профессионально важные характеристики личности руководителей реального сектора экономики. Выявлена структура взаимосвязей социально-психологических характеристик и копинг-стратегий руководителей. Исследовано соотношение копинг-стратегий и локус контроля, мотивации достижения. Результаты проведенного исследования взаимосвязи копинг-стратегий, локуса контроля, мотивации достижения и социально-психологических характеристик у руководителей позволили сделать следующие выводы. 1. Было определено два типа руководителей: «Интернальный» и «Экстернальный». 2. Оба типа характеризуются специфической конфигурацией копинг-стратегий. 3. Каждый тип включает в себя несколько подтипов. В результате образуется двухуровневая типология. На втором уровне располагаются 5 типов управленцев, которые формируются на основе взаимосвязей социально-психологических свойств и наиболее часто используемых копинг-стратегий. 4. Все типы характеризуются присущими только им особенностями копинг-поведения. Максимальные различия в характере использования выявлены в таких стратегиях, как Конфронтативный копинг, Положительная переоценка, Самоконтроль, Дистанцирование и Эмоционально-ориентированный копинг. Все типы руководителей в наибольшей степени предпочитают такие стратегии, как

Проблемно-ориентированный копинг и Планирование решения проблемы. 5. Наибольший вклад в психологическую характеристику типов внесли такие качества, как агрессивность, дружелюбие, доминирование, альтруизм и авторитарность. Кроме того, уровень интернальности (в т.ч. общая и относительно собственных неудач и достижений), личностные особенности (смелость, подозрительность, высокая нормативность поведения, доминантность).

Ключевые слова: копинг-стратегия, мотивация достижения, интернальность, экстернальность, локус контроля, ответственность, социальный интеллект, руководители, доминирование, альтруизм, агрессивность, дружелюбие, авторитарность

Для цитирования: Кудашев А.Р., Кроповницкий О.В. Типы руководителей: копинг-стратегии и социально-психологические характеристики // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 70–84. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-70-84

Types of leaders: coping strategies and socio-psychological characteristics

Azat R. Kudashev

*Bashkir Academy of Public Administration and Management under
the Head of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia, kafmen-bagsu@yandex.ru*

Oleg V. Kropovnitkii

*Bashkir Academy of Public Administration and Management under
the Head of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia, olegkrop@mail.ru*

Abstract. The theoretical and empirical analysis of the concepts of coping strategy, locus of control (internality-externality) and achievement motivation is provided in the article. Various points of view on coping strategies, as well as on achievement motivation, social intelligence and internality as professionally important personality characteristics of leaders of the real sector of the economy are considered. The structure of the relationship of socio-psychological characteristics and coping strategies of leaders is revealed. The correlation of coping strategies and locus of control, achievement motivation is investigated. The results of the study of the relationship of coping strategies, locus of control, achievement motivation and socio-psychological characteristics among managers allowed us to draw the following conclusions. 1. Two types of leaders were obtained: “Internal” and “External”. 2. Each type

of leader has his own combination of coping strategies. 3. Within each of the two types of leaders, subtypes are distinguished. As a result, we get a two-level typology, the second level of which includes five types of leaders, depending on their socio-psychological characteristics and preferred coping strategies. 4. All types are characterized only by their inherent features of coping behavior. The greatest differences in usage patterns were found in strategies such as Confrontational Coping, Positive Reappraisal, Self-Control, Distance, and Emotional Coping. All types of executives have the greatest preference for strategies such as Problem Coping and Problem Solving Planning. 5. The greatest contribution to the psychological characteristics of types was made by such qualities as aggressiveness, friendliness, dominance, altruism and authoritarianism. In addition, the level of internality (including general and relative to one's own failures and achievements), personality traits (courage, suspicion, high normative behavior, dominance).

Keywords: coping strategy, achievement motivation, internality, externality, locus of control, responsibility, social intelligence, leaders, dominance, altruism, aggressiveness, friendliness, authoritarianism

For citation: Kudashev, A.R. and Kropovnitkii, O.V. (2020), "Types of leaders: coping strategies and socio-psychological characteristics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 70–84, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-70-84

Введение

Попытка разработки общей структуры личности руководителя была предпринята отечественными психологами В.Ф. Рубахиным и А.В. Филипповым [Рубахин, Филиппов 1973]. Эта структура включала в себя три уровня: психофизиологический, психологический и социальный. Позже А.Л. Журавлев включил в неё социально-психологический уровень, определив его как промежуточное звено между психологическим и социальным уровнями [Журавлев 1983].

Наряду с общей структурой личности была сформулирована и специальная, состоящая из 5 подструктур, играющих важную роль в управленческой деятельности руководителя: организаторские способности, профессиональная компетентность, коммуникативные и нравственные качества [Журавлев 1983, Журавлев 2004, Ковалев 1978, Смоловик 1979].

Одним из важных профессиональных критериев эффективности современного руководителя, свидетельствующем об уровне мастерства, является профессиональная компетентность. Она включает в себя умения, навыки, знания и опыт руководителя в урегулировании проблем, связанных с функционированием

организации. Показателем уровня профессиональной компетентности является эффективность и адекватность решений, которые принимает и реализует руководитель [Мескон и др. 2007].

А.Т. Ковалев считает, что профессиональная ответственность является частью структуры профессиональных качеств руководителя и должна быть включена в его профессиональную подготовку [Ковалев 1978].

Социально-психологический портрет руководителя, по мнению большинства специалистов, кроме перечисленных качеств включает в себя следующие: высокий уровень интеллекта и стремление к получению новых знаний; креативность и развитое воображение; энергичность и волевую саморегуляцию [Зомбарт 2003].

Копинг может быть понят в качестве фактора психологического комфорта и психического благополучия [Заика, Разуваева 2007]. Его основное предназначение заключается в приспособлении человека к окружающей среде и сохранении гомеостаза [Никольская 2007, Орёл 2007], при этом копинг способствует контролю над ситуацией, ослабляя или смягчая ее негативное воздействие [Муздыбаев 1998].

В зарубежной психологии в настоящее время оформились три ведущих направления в изучении копинг-поведения: 1) ситуационный или динамический подход (процесс преодоления характеризуется развивающимся динамическим процессом когнитивного оценивания, переоценивания и эмоциональной переработки); 2) диспозиционный подход (существует взаимосвязь устойчивых индивидуальных личностных особенностей и способов копинга); 3) интегративный подход (предметом исследования является поиск личностных черт, связанных с выбором способов совладания со стрессом и преодоления трудных жизненных ситуаций, на выбор того или иного копинг-поведения влияют как личностные особенности, так и характер ситуации) [Крюкова 2004].

Цель настоящего исследования заключается в создании типологии руководителей на основе выделенных социально-психологических характеристик и копинг-стратегий.

Научная новизна: предложено новое понимание типологии руководителей, сформированной на основе соотношения их социально-психологических характеристик и предпочитаемых ими копинг-стратегий.

Гипотеза: соотношение копинг-стратегий и социально-психологических характеристик руководителей позволяет выделить типы руководителей.

Выборка: в исследовании принимали участие в период с июня по ноябрь 2017 года слушатели Президентской программы «Стратегический менеджмент» при Башкирской академии

государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан в количестве 96 человек: 58 мужчин и 38 женщин, средний возраст по выборке составил 34,8 года.

Методики исследования:

1. Методика WCQ (Ways of Coping Questionnaire), или «Опросник способов совладания» [Крюкова 2010]. Методика является первым стандартизированным опросником в сфере измерения копинга и выявляет две основные стратегии совладания – эмоционально-фокусированный и проблемно-фокусированный копинг в стрессовых ситуациях (например, потеря работы, болезнь, боль и т.д.).

2. Методика многомерного измерения копинга CISS (Coping Inventory for Stressful Situations) в переводе Т.Л. Крюковой называется – «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [Крюкова 2010]. Считается, что опросник надежно измеряет три основных стиля совладающего поведения: стиль, ориентированный на решение задачи, проблемы (проблемно-ориентированный стиль или копинг), эмоционально-ориентированный стиль и копинг, ориентированный на избегание (данные нами сокращения – ПОК, ЭОК и КОИ).

3. Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (УСК) (адаптирована Бажиным Е.Ф., Голынкиной С.А., Эткингом А.М.) [Райгородский 2001]. Методика УСК включает в себя 44 вопроса, по ответам на которые делается вывод о степени выраженности у испытуемого следующих диагностических показателей, или шкал: 1. Ио – шкала общей интернальности. 2. Ид – шкала интернальности в области достижений. 3. Ин – шкала интернальности в области неудач. 4. Ис – шкала интернальности в семейных отношениях. 5. Ип – шкала интернальности в производственных отношениях. 6. Им – шкала интернальности в области межличностных отношений. 7. Из – шкала интернальности в отношении здоровья и болезни.

4. Мотивация успеха и боязнь неудачи. Опросник Реана А.А. [Практическая психодиагностика 2001] включает в себя 21 вопрос и измеряет уровень мотивации успеха и боязни неудачи. Определяет ведущую мотивацию: либо на достижение результата, либо на избегание ошибок и неудач.

5. 16-ти факторный личностный опросник Реймонда Кэттелла. Используемая в исследовании форма С опросника Кэттелла состоит из 105 вопросов. В результате обработки полученных ответов извлекаются оценки 17-ти полярных факторов личности, в том числе фактора самооценки, который дает информацию об ее адекватности.

6. Лири интерперсональный диагноз (Leary Interpersonal Diagnosis) – личностный опросник. Согласно «ключу» определяются

первичные оценки по 16-ти характеристикам, формирующим 8 октантов, так называемых дискограмм, отражающих тот или иной вариант межличностных отношений: 1. Властный – лидирующий; 2. Независимый – доминирующий; 3. Прямолинейный – агрессивный; 4. Неверчивый – скептический; 5. Покорный – застенчивый; 6. Зависимый – послушный; 7. Сотрудничающий – конвенциальный; 8. Ответственный – великодушный.

7. Методика исследования социального интеллекта Е.С. Михайловой, являющаяся российской адаптацией теста Дж. Гилфорда и М. О'Салливена, который разрабатывался в 60–70-е годы XX в. В основе теста лежит знаменитая модель интеллекта Дж. Гилфорда, представляющая набор интеллектуальных способностей человека в виде куба. В методику вошло четыре субтеста: 1. «Истории с завершением». 2. «Группы экспрессии». 3. «Вербальная экспрессия». 4. «Истории с дополнением».

Выделение типов руководителей было осуществлено на основе результатов кластерного анализа методом К-средних.

В таблице 1 представлены основные характеристики, которые внесли наибольший вклад в формирование кластеров (типов).

Таблица 1

Характеристики, внесшие наибольший вклад в формирование типов руководителей (при $p \leq 0,001$)

N n/n	Характеристика	F	N n/n	Характеристика	F
1	Ио	113,8*	6	Им	10,5**
2	Ип	43,9*	7	G	8,7**
3	Ин	35,3*	8	эмоционально-ориентированный копинг – ЭОК	8,7**
4	Ид	34,8*	9	Из	6,4**
5	Ис	30,2*			

Примечание: * - значимое влияние при $p \leq 0,001$

Характеристики, внесшие наибольший вклад в формирование кластеров (типов руководителей) (при $p \leq 0,001$): Ио (шкала общей интернальности) – $F=113,8$; Ип (шкала интернальности в производственных отношениях) – $F=43,9$; Ин (шкала интернальности в области неудач) – $F=35,3$; Ид (шкала интернальности в области достижений) – $F=34,8$; Ис (шкала интернальности в семейных отношениях) – $F=30,2$; Им (шкала интернальности в межличностных отношениях) – $F=10,5$ (при $p \leq 0,01$); G (подверженность чувствам – высокая нормативность поведения) – $F=8,7$ (при

$p \leq 0,01$); ЭОК (эмоционально-ориентированный копинг) – $F=8,7$ (при $p \leq 0,01$); Из (шкала интернальности в отношении здоровья и болезни) – $F=6,4$ (при $p \leq 0,01$).

Кроме того, нами были выявлены значимые различия между кластерами (типами руководителей) по другим характеристикам, оказывающим меньшее влияние на формирование кластеров (на более низком уровне значимости). К таким характеристикам относятся: F (рассудительность – безрассудство) – $F=5,7$ (при $p \leq 0,021$); O (спокойствие – тревожность) – $F=5,5$ (при $p \leq 0,023$); Зависимый – $F=6,2$ (при $p \leq 0,016$); Положительная переоценка – $F=3,5$ (при $p \leq 0,067$); Проблемно-ориентированный копинг (ПОК) – $F=3,5$ (при $p \leq 0,067$); Вербальная экспрессия – $F=4,1$ (при $p \leq 0,047$).

Универсальными характеристиками, свойственными всем типам руководителей, являются конфронтативный копинг, B (интеллект), I (жесткость – чувствительность), A (замкнутость – общительность), $Q4$ (расслабленность – эмоциональная напряженность). Наиболее характерными для названных типов оказались: наличие контроля над своими эмоциями (в целом – подавление эмоционально-чувственной сферы), высокий уровень недоверия и предусмотрительности в поведении. Почтительность по отношению к руководству и властность по отношению к подчиненным. При этом, высокий уровень общительности, активности и вовлеченности в решение сложных ситуаций.

Ниже представлено психологическое содержание выявленных типов руководителей.

Тип 1. «Экстернальный». Этот тип оказался наиболее распространенным, в него вошли 62,5% испытуемых. Характерный представитель этого типа (образует центр кластера) – руководитель среднего звена, мужчина, 36 лет, стаж руководящей работы – 8 лет, 22 человека в подчинении.

Названный тип руководителя чаще всего использует в своем копинг-поведении такие копинг-стратегии, как «Проблемно-ориентированный копинг», «Планирование решения проблемы» и «Самоконтроль». По своим характеристикам это образованный, стремящийся к власти, доминирующий, с высоким уровнем общей энергии руководитель. При этом он может проявлять отзывчивость, деликатность, сострадать, симпатизировать, заботиться, успокаивать и подбадривать своих подчиненных. Он полагает, что на нем лежит ответственность за его отношения с другими людьми в целом и с родственниками, в частности. Причину успешности в своей деятельности видит в собственных усилиях. При этом свое здоровье и рабочие отношения считает следствием влияния других людей и обстоятельств. Ему присуща завышенная самооценка, которая сочетается с открытостью и добросердечием. Он общителен и разговорчив.

Тип 2. «Интернальный». Этот тип оказался наименее распространенным, в него вошли 37,5% испытуемых. Характерный представитель этого типа (образует центр кластера) – руководитель среднего звена, мужчина (62%) или женщина (38%), 35 лет, стаж работы на руководящей должности – 8 лет, 33 человека в подчинении.

Названный тип руководителя чаще всего использует в своем копинг-поведении такие копинг-стратегии, как «Положительная переоценка», «Планирование решения проблемы» и «Проблемно-ориентированный копинг». Доминирующий, высокообразованный, деятельный, авторитетный, властный лидер. Для него характерно сильное стремление к позиции ведущего, а не ведомого как в общении, так и в управлении. Он полагает, что сам несет ответственность как за свои победы, так и за свои поражения. Принимает на себя ответственность за характер и результаты родственных и деловых отношений. От экстернального типа отличается большей степенью внутреннего локуса контроля. Для него характерно развитое воображение, ориентация на собственное восприятие окружающего мира, значительный творческий потенциал, осознанное следование социальным нормам и правилам поведения, упорство на пути к цели, пунктуальность и бизнес-ориентированность. Для руководителя этого типа характерны активная деятельность, смелость в социальных проявлениях, решительность действий при взаимодействии с новыми партнерами и в незнакомых обстоятельствах. Отличается готовностью рисковать, ощущением внутренней свободы.

Представленные результаты исследования коррелируют с данными, полученными Е.В. Битюцкой [Битюцкая 2018]. Она также описывает два типа совладания с трудными ситуациями, определяющими направленность: 1) на контактирование с трудностью и 2) на ее избегание. В свое время Likert R. [Likert 1961] выделял два типа руководителей: «руководитель, ориентированный на работу, – руководитель, ориентированный на человека». Согласно результатам нашего исследования, особенностью интернального типа руководителя, по сравнению с экстернальным, является бóльшая направленность в сторону проблемно-ориентированного копинга. Кроме того, особенностью экстернального типа руководителя, по сравнению с интернальным, является бóльшая направленность в сторону эмоционально-ориентированного копинга. В связи с этим можно сделать вывод о том, что, в соответствии с типологией Лайкерта, интернальный тип руководителя в большей степени ориентирован на работу, чем экстернальный. В свою очередь, экстернальный тип руководителя в большей степени ориентирован на человека, чем интернальный.

Обобщая и сводя воедино характеристики всех выделенных пяти типов руководителей, мы получаем следующую структуру (см. Табл. 2):

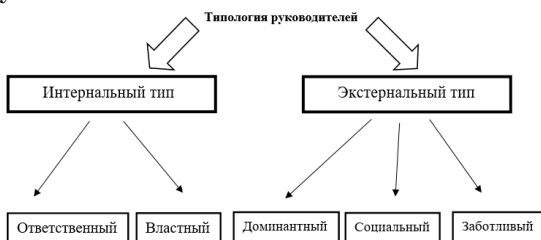
Таблица 2

Структура социально-психологических характеристик
руководителей

Тип руководи- теля	Кол- во, в %	Пол	Возраст, лет	Стаж работы на руково- дящей долж- ности, лет	Кол-во подчи- ненных	Особен- ности копинг- стратегий
1. Экстер- нальный	62,5	м	36	8	22	ПП, ПОК, С
	<p>Образованный, стремящийся к власти, доминирующий, с высоким уровнем общей энергии руководитель. При этом он может проявлять отзывчивость, деликатность, сострадать, симпатизировать, заботиться, успокаивать и подбадривать своих подчиненных. Он считает, что на нем лежит ответственность за его отношения с другими людьми в целом и с родственниками, в частности. Причину успешности в своей деятельности видит в собственных усилиях. При этом свое здоровье и рабочие отношения считает следствием влияния других людей и обстоятельств. Ему присуща завышенная самооценка, которая сочетается с открытостью и добросердечием. Он общителен и разговорчив. Статистически значимо чаще по сравнению с интернальным типом использует проблемно-ориентированный копинг и положительную переоценку. Он добросовестен, ответственный, стабилен, уравновешен, настойчив, склонен к морализированию, разумен, совестлив. Жизнерадостен, импульсивен, социальные контакты для него имеют высокую эмоциональную значимость. Лучше интернального типа понимает характер и оттенки человеческих взаимоотношений. Умеет найти соответствующий тон общения с разными собеседниками в различных ситуациях, владеет большим репертуаром ролевого поведения.</p>					
2. Интер- нальный	37,5	мужчина (62%) или женщина (38%)	35	8	33	ПРП, ПП, ПОК
	<p>Доминирующий, высокообразованный, деятельный, авторитет-ный, властный лидер. Для него характерно сильное стремление к позиции ведущего, а не ведомого как в общении, так и в управлении. Он полагает, что сам несет ответственность как за свои победы, так и за свои поражения. Принимает на себя ответственность за характер и результаты родственных и деловых отношений. От экстернального типа отличается большей степенью внутреннего локус контроля. Для него характерно развитое воображение, ориентация на собственное восприятие окружающего мира, значительный творческий потенциал, осознанное следование социальным нормам и правилам поведения, упорство на пути к цели, пунктуальность и бизнес-ориентированность. Статистически значимо чаще, по сравнению с экстернальным типом, использует эмоционально-ориентированный копинг, он более тревожен и зависим.</p>					

Примечание: ПП – положительная переоценка, ПОК – проблемно-ориентированный копинг, С – самоконтроль, ПРП – планирование решения проблемы.

Внутри каждого из двух типов руководителей выделяются подтипы. В итоге мы получаем двухуровневую типологию, включающую в себя 5 типов:

Обобщая и сводя воедино характеристики всех выделенных пяти типов руководителей, мы получаем следующую структуру (см. Табл. 3):

Таблица 3

Структура социально-психологических характеристик
руководителей

Тип руководителя	Кол-во, в %	Пол	Возраст, лет	стаж работы на руководящей должности, лет	Кол-во подчиненных	Особенности копинг-стратегий
1.Экстернально-доминантный	29,3	м	35	6	18	КК, Д
	Доминирующий, высокообразованный, деятельный, авторитетный, властный лидер. Убежден, что сам несет ответственность как за свои победы, так и за свои поражения. Принимает на себя ответственность за характер и результаты родственных и деловых отношений. При этом свое здоровье и рабочие отношения считает следствием влияния других людей и обстоятельств. Ему присуща завышенная самооценка, которая сочетается с открытостью и добросердечием. Он общителен и разговорчив.					
2.Экстернально-социальный	17,4	мужчина (46,2%) или женщина (53,8%)	36	7	23	ЭОК, КОИ
	Ответственный в отношениях с людьми, может проявлять отзывчивость, деликатность, сострадать, симпатизировать, заботиться, успокаивать и подбадривать своих подчиненных. Ориентирован на принятие и социальное одобрение. Предпочитает сотрудничество, готов договариваться и быть гибким в процессе решения конфликтных и проблемных ситуаций. Принимает на себя ответственность за характер и результаты родственных и деловых отношений. Для него характерно развитое воображение, ориентация на собственное восприятие окружающего мира, значительный творческий потенциал. Для руководителя этого типа характерны активная деятельность, смелость в социальных проявлениях, решительность действий при взаимодействии с новыми партнерами и в незнакомых обстоятельствах. Отличается готовностью рисковать, ощущением внутренней свободы.					

3. Экстер-нально-за-ботливый	15,8	м	37	9	27	Д, КК
	Образованный, стремящийся к власти, доминирующий, с высоким уровнем общей энергии руководитель. При этом он может проявлять отзывчивость, деликатность, сострадать, симпатизировать, заботиться, успокаивать и подбадривать своих подчиненных. Он считает, что на нем лежит ответственность за его отношения с другими людьми в целом и с родственниками, в частности. Причину успешности в своей деятельности видит в собственных усилиях. При этом свое здоровье и рабочие отношения считает следствием влияния других людей и обстоятельств.					
4. Ин-тернально-власт-ный	22,7	мужчина (55,6%) или женщина (44,4%)	36	10	46	КК, КОИ
	Тип сильной личности, которая лидирует во всех видах групповой деятельности, не умеет принимать советы других. Данный тип руководителя независимый, требовательный, прямолинейный, откровенный, строгий и резкий в оценке других, жесткий по отношению к окружающим. Обладает высокой степенью общей интернальности по сравнению с другими типами. Проявляет независимость в мышлении и поступках, свой способ мышления считает обязательным для других людей. Способен на рискованные поступки, лабилен, отсутствует скованность, зажатость. Характеризуется эгоцентричностью, подозрителен, сконцентрирован на собственных интересах.					
5. Интер-нально-от-ветствен-ный	14,8	мужчина (50%) или женщина (50%)	34	9	24	КК, КОИ
	Высокий уровень доминирования свидетельствует о выраженном стремлении человека к лидерству в общении, к захвату власти. Обладает диктаторским, властным, деспотическим характером. При этом может подбадривать и успокаивать окружающих, быть бескорыстным и отзывчивым. Данный тип руководителя обладает максимальным уровнем общей интернальности, а также самым высоким средним уровнем интернальности по сравнению с другими типами. Для него характерно осознанное следование социальным нормам и правилам поведения, упорство на пути к цели, пунктуальность и бизнес-ориентированность. Для руководителя этого типа характерны активная деятельность, смелость в социальных проявлениях, решительность действий при взаимодействии с новыми партнерами и в незнакомых обстоятельствах. Отличается готовностью рисковать, ощущением внутренней свободы, что объединяет его со вторым типом.					

Примечание: КК – конфронтативный копинг, Д – дистанцирование, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, КОИ – копинг, ориентированный на избегание.

Выводы

1. Были выявлены типы руководителей, характеризующиеся специфической конфигурацией копинг-стратегий и социально-психологических свойств. Каждый тип получил название и

психологическое содержание. Большинство руководителей определяются по типу «Экстернальный», наименьшее их количество – по типу «Интернальный».

2. Каждый тип руководителей обладает своим сочетанием копинг-стратегий. В наибольшей степени наблюдаются различия по таким копинг-стратегиям, как Положительная переоценка, Эмоционально-ориентированный копинг и Проблемно-ориентированный копинг. Общими и наиболее предпочитаемыми всеми типами руководителей являются копинг-стратегии Планирование решения проблемы, Проблемно-ориентированный копинг, Самоконтроль и Поиск социальной поддержки.

3. Каждый тип включает в себя несколько подтипов. В результате образуется двухуровневая типология. На втором уровне располагаются 5 типов управленцев, которые формируются на основе взаимосвязей социально-психологических свойств и наиболее часто используемых копинг-стратегий. Каждый тип получил название и психологическое содержание. Большинство руководителей определяются по типу «Экстернально-доминантный», наименьшее – по типу «Интернально-ответственный». Дополнительно были выявлены такие типы, как «Экстернально-социальный», «Экстернально-заботливый» и «Интернально-властный».

4. Все типы характеризуются только им присущими особенностями копинг-поведения. Максимальные различия в характере использования выявлены в таких стратегиях, как Конфронтативный копинг, Положительная переоценка, Самоконтроль, Дистанцирование и Эмоционально-ориентированный копинг. Все типы руководителей в наибольшей степени предпочитают такие стратегии, как Проблемно-ориентированный копинг и Планирование решения проблемы.

5. Наибольший вклад в психологическую характеристику типов внесли такие качества, как агрессивность, дружелюбие, доминирование, альтруизм и авторитарность. Кроме них следует отметить уровень интернальности (в т.ч. общая и относительно собственных неудач и достижений) и личностные особенности (смелость, подозрительность, высокая нормативность поведения, доминантность).

Литература

Битюцкая 2018 – *Битюцкая Е.В.* Типы ориентаций в трудных ситуациях // Вопросы психологи. 2018. №5. С. 41–53.

Журавлев 1983 – *Журавлев А.Л.* Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 57–67.

Журавлев 2004 – *Журавлев А.Л.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Институт психологии РАН, 2004. 476 с.

Заика, Разуваева 2007 – *Заика Л.Л., Разуваева Т.Н.* Некоторые проблемы совладающего поведения в психологической науке // Психология совладающего поведения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 33–35.

Зомбарт 2003 – *Зомбарт В.* Социология. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2003. 144 с.

Ковалев 1978 – *Ковалев А.Г.* Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1978. 279 с.

Крюкова 2010 – *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Изд. 2-е. Кострома: Авантитул, 2010. 64 с.

Крюкова 2004 – *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.

Мескон и др. 2007 – *Мескон М., Альберт М, Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.: Вильямс, 2007. 672 с.

Муздыбаев 1998 – *Муздыбаев К.* Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 100–111.

Никольская 2007 – *Никольская И.М.* Совладающее поведение в защитной системе человека // Психология совладающего поведения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 52–54.

Орёл 2007 – *Орёл В.Е.* Психическое выгорание и стратегии совладающего поведения в контексте теории сохранения ресурсов // Психология совладающего поведения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 54–56.

Практическая психодиагностика 2001 – *Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред.-сост. Райгородский Д.Я.* Самара: БАХРАХ-М, 2001. 672 с.

Рубахин, Филиппов 1973 – *Рубахин В.Ф., Филиппов А.В.* Психологические аспекты управления. М.: Знание, 1973. 63 с.

Смоловик 1979 – *Смоловик В.В.* Педагогические аспекты управления производством. М.: Экономика, 1979. 127 с.

Likert 1961 – *Likert R.* New Pattern of Management. New York: McGraw-Hill, 1961. 279 p.

References

- Bityutskaya, E.V. (2018), "Types of orientations in difficult situations", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 41–53.
- Likert, R. (1961), *New Pattern of Management*, McGraw-Hill, New York, USA, 279 p.
- Kovalev, A.G. (1978), *Kollektiv i sotsial'no-psikhologicheskie problemy rukovodstva* [Collective and socio-psychological problems of management], 2nd. ed., Politizdat, Moscow, Russia, 279 p.
- Kryukova, T.L. (2010), *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly* [Coping Behavior Research Methods: Three Coping Scales], 2nd. ed., Avantitul, Kostroma, Russia, 64 p.
- Kryukova, T.L. (2004), *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: Monografiya*, [The psychology of coping behavior: Monograph], Avantitul, Kostroma, Russia, 344 p.
- Meskon, M., Al'bert, M. and Khedouri F. (2007), *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management], Vil'yams, Moscow, Russia, 672 p.
- Muzdybaev, K. (1998), "Coping strategy with life's difficulties", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 100–111.
- Nikol'skaya, I.M. (2007), "Coping behavior in the human defense system", in Sergienko, E.A. and Kryukova, T.L. (ed.), *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Psychology of Coping Behavior: Materials of the International Scientific and Practical Conference], KGU im. N.A. Nekrasova, Kostroma, Russia, pp. 52–54.
- Orel, V.E. (2007), "Burnout and coping strategies in the context of resource conservation theory", in Sergienko, E.A. and Kryukova T.L. (ed.), *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Psychology of Coping Behavior: Materials of the International Scientific and Practical Conference], KGU im. N.A. Nekrasova, Kostroma, Russia, pp. 54–56.
- Raigorodskii, D.Ya. (ed.) (2001), *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie* [Practical psychodiagnostics. Techniques and tests. Tutorial], BAKhRAKh-M, Samara, Russia, 672 p.
- Rubakhin, V.F. and Fillipov, L.V. (1973), *Psikhologicheskie aspekty upravleniya* [Psychological aspects of management], Znaniye, Moscow, Russia, 63 p.
- Smolovik, V.V. (1979), *Pedagogicheskie aspekty upravleniya proizvodstvom* [Pedagogical aspects of production management], Ekonomika, Moscow, Russia, 127 p.
- Zaika, L.L. and Razuvaeva, T.N. (2007), "Some problems of coping behavior in psychological science", in Sergienko, E.A. and Kryukova, T.L. (ed.),

Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [The Psychology of Coping Behavior: Materials of the International Scientific and Practical Conference], KGU im. N.A. Nekrasova, Kostroma, Russia, pp. 33–35.

Zhuravlev, A.L. (1983), “The communicative qualities of the leader’s personality and the effectiveness of team leadership”, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 4, no. 1, pp. 57–67.

Zhuravlev, A.L. (2004), *Psikhologiya upravlencheskogo vzaimodeistviya (teoreticheskie i prikladnye problemy)* [Psychology of managerial interaction (theoretical and applied problems)], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, 476 p.

Zombart, V. (2003), *Sotsiologiya* [Sociology], 2nd. ed., URSS, Moscow, Russia, 144 p.

Информация об авторах

Азат Р. Кудашев, доктор психологических наук, профессор, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия; 450057, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 40; *kafmen-bagsu@yandex.ru*

Олег В. Кроповницкий, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия; 450057, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 40; *olegkrop@mail.ru*

Information about the authors

Azat R. Kudashev, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia; bld. 40, Zaki Validi Street, Ufa, Russia, 450057; *kafmen-bagsu@yandex.ru*

Oleg V. Kropovnitskii, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia; bld. 40, Zaki Validi Street, Ufa, Russia, 450057; *olegkrop@mail.ru*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-85-101

Работа с хронической травматизацией методом детской психодрамы: анализ случая

Клеопатра Атанассиу-Попеско

*Независимый исследователь
Шенонсо, Франция, cleopopesco@gmail.com*

Наталья Ю. Федунина

*ЦСТуСК Москомспорта
Москва, Россия, Natalia_fedunina@mail.ru*

Фариза Ц. Мусаева

*Центр развития речи АиБ
Москва, Россия, fm50@list.ru*

Аннотация. В статье представлен опыт работы с хронической травматизацией в рамках детской психодрамы, которая дает возможность экстерииоризации, разыгрывания и осмысления внутренней драматургии во внешнем пространстве группового игрового взаимодействия. Прослеживается и анализируется динамика ролей и игрового поведения девочки 10 лет, имеющей коммуникативные, когнитивные и психосоматические сложности. Представлено содержание 13 психодраматических сессий. Наблюдаемая эволюция рассматривается с позиции теории Мелани Кляйн – с точки зрения развития элементов депрессивной позиции на фоне преобладания параноидно-шизоидной платформы, раскрывается микродинамика колебаний между этими двумя позициями и их следствия для переживания «я» и объекта. Постепенно в ходе работы группы происходило снижение проявлений тревоги, а также потребности в необходимой защите от опасного, внедряющегося и нападающего мира. Наблюдалось преобразование объекта безопасности, принятие состояния нехватки, смягчение контроля над объектом, принятие связей зависимости, сострадания и репарации, хотя период в 13 встреч и не был достаточен для устойчивости перечисленных изменений, что отражалось в выраженных колебаниях преобладающей позиции. Делается вывод о значимости и плодотворности своевременной психологической работы с последствиями хронической травматизации, несмотря на мнимую «нормативность» ребенка, а также на адаптивность его кажущейся нормальной части личности.

© Атанассиу-Попеско К., Федунина Н.Ю., Мусаева Ф.Ц., 2020

Ключевые слова: психодрама, Мелани Кляйн, психическая травма, психоанализ, ребенок

Для цитирования: Атанассиу-Попеско К., Федунина Н.Ю., Мусаева Ф.Ц. Работа с хронической травматизацией методом детской психодрамы. Анализ случая // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 85–101. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-85-101

Work with chronic traumatization by the method
of children's psychodrama.
Analysis of the case

Cléopâtre Athanassiou-Popesco
Independent researcher
Chenonceaux, France, cleopopesco@gmail.com

Natalia Yu. Fedunina
Center of Sport Technologies,
Moscow, Russia, natalia_fedunina@mail.ru

Fariza Ts. Musaeva
Speech Center A and B
Moscow, Russia, fm50@list.ru

Abstract. The experience of working with chronic trauma in the framework of children's psychodrama, which allows exteriorization, acting out and understanding of internal drama in the external space of group play interaction, is presented in the article. The dynamics of roles and game behavior of a 10-year-old girl with communicative, cognitive and psychosomatic difficulties is traced and analyzed. The content of 13 psychodramatic sessions is presented. The observed evolution is considered from the point of view of Melanie Klein's theory in terms of the development of elements of the depressive position against the background of the predominance of the paranoid-schizoid platform, the microdynamics of fluctuations between these two positions and their consequences for the experience of the "I" and the object. Gradually, the group's work has seen a reduction in the manifestations of anxiety and the need to protect against a dangerous, intruding and attacking world. There has been a transformation of the security object, acceptance of a state of scarcity, easing control over the object, acceptance of the connections of dependence, compassion and reparation, although the period of 13 meetings was not sufficient for permanent changes, which led to pronounced fluctuations in the prevailing position. The

conclusion is made about the importance and fruitfulness of timely psychological work with the consequences of chronic traumatization, despite the apparent “normativity” of the child, the adaptability of his seemingly normal part of the personality.

Keywords: psychodrama, Melanie Klein, mental trauma, psychoanalysis, child

For citation: Atanassiu-Popesco, K., Fedunina, N.Yu. and Musaeva, F.Ts. (2020), “Work with chronic traumatization by the method of children’s psychodrama. Analysis of the case”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogy. Education” Series*, no 4, pp. 85–101, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-85-101

Введение

Хроническая травматизация в детском возрасте – одно из самых тяжелых и чреватых последствиями состояний для психического и физического развития человека. Низкая толерантность к фрустрации, нарушения эмоциональной регуляции, дефицит адаптивных копинг стратегий – лишь несколько характеристик из внушительного списка последствий травмы для развития личности. В подобных случаях первоочередными становятся задачи самосохранения и создания системы защиты от насилия, однако установление эмоциональных связей с взрослым оказывается небезопасным, а переработка переживаемого опыта – непосильной задачей. Все это делает актуальным оказание психологической помощи детям с опытом травмы, что требует от специалиста понимания психической реальности ребенка и умения придать смысл тому «безымянному ужасу», с которым сталкиваются эти дети, когда даже рядовое событие в повседневной жизни, переживаемое сквозь призму травмы, вызывает у них «смертельный страх» и дезинтеграцию.

Психодраматическая группа может быть именно той поддерживающей средой, в которой такой сигнал SOS может быть услышан, а психическая боль контейнирована. Д. Винникотт подчеркивает, что ребенок, подросток ищет среду, которая бы сказала нет нарушению границ и законов, но сделала это не через наказание или насилие, а таким способом, который бы способствовал созданию и поддержанию чувства безопасности. Ребенок ищет среду, где могли бы быть восстановлены контейнирующие границы, и в то же время среду, что выдержит агрессию, не разрушаясь и не прибегая к насилию [Abram 1996].

В данной статье представлен опыт психодраматической групповой работы с травмой. Детская психодрама представляет собой особый, отличный от взрослой психодрамы метод работы.

Группа (5 детей) ведется двумя психологами, что, сохраняя групповой формат, дает возможность учета индивидуальных особенностей. А. Айхингер и В. Холл отмечают, что если в индивидуальной работе мы имеем дело с «внутренней группой» одного ребенка, то в группе мы имеем дело с внешней группой, где каждый ребенок обладает своими собственными тенденциями, позициями, особенностями драматургии «внутренней группы» [Айхингер, Холл 2003]. В психодраматической игре, как на сцене, могут быть отражены, поставлены драмы, происходящие во внутреннем пространстве, во внутреннем театре.

Анализ случая

В статье представлен случай девочки Маши¹. Микродинамика ролей и поднимаемых тем позволяет проанализировать тот внутренний процесс, который совершается в ходе психодраматической работы на протяжении 13 сессий. В рамках теории М. Кляйн он может рассматриваться как появление элементов депрессивной позиции, сложные многоуровневые отношения параноидно-шизоидных и депрессивных элементов, колебания между ними и их следствия для переживания «я» и объекта.

Маше 10 лет. Она учится в 3 классе общеобразовательной школы. Отец Маши страдает психиатрическим заболеванием, а также злоупотребляет алкоголем. Родители в разводе уже 4 года. По словам матери, развод был жестким, а последние годы совместной жизни прошли на фоне эмоционального и физического насилия. Маша видится с отцом в выходные, иногда остается у него на ночь. В ходе психологической работы у Маши начали устанавливаться более доверительные отношения с матерью, и девочка рассказала, что во время пребывания у отца она оказывалась свидетельницей того, что отец напивался и дрался со своей гражданской женой, а также заставлял Машу красть деньги у матери, обманывать, скрывать определенные факты. С 4 до 7 лет Маша страдала сильным заиканием и занималась с логопедом. У Маши почти нет друзей, она часто демонстрирует немотивированную агрессию, особенно в отношении мальчиков. Эта информация предоставлена матерью на родительской встрече. Отец отказался прийти.

Первые встречи можно рассматривать как ознакомительные. Маша ведет себя осторожно и прилежно, «во все глаза» смотрит на ведущего, которого выделяет как главного, позиционирует себя как взрослую, рассказывает о своем «бизнесе», давая понять, что может сама себя обеспечивать и ни в ком не нуждается. Полупешотом,

¹ Имя клиента изменено в целях конфиденциальности. Получено разрешение родителей на использование данного материала для публикации.

жестами пытается руководить группой, регулировать очередность, поддерживать дисциплину и пр. Маша исследует пространство отношений группы, предъявляя свою ложно взрослую, не зависящую от окружающих часть. И в то же время персонажи, которых она выбирает уже в этот период, свидетельствуют о существовании и другой ее части. Так, на первой игре Маша решает играть персонажа игры Майнкрафт Эндермена – Странника Края. Тот бесцельно бродит по территории и телепортируется в случайном направлении. Если в отношении его проявляется агрессия или ему смотрят в глаза, то он начинает мстить и преследовать.

Две основные характеристики, проявляющиеся здесь, – дефицит целевого поведения и персекуторное поведение. Наблюдаются две тенденции в поведении девочки: во-первых, жесткого доминирования (возможно, имитирующего поведение отца через идентификацию с ним) и вторая, более аутентичная, потерянная и хрупкая часть ее мира, не видящая целей, которая легко переполняется тревогой преследования, провоцирующей брутальную реакцию мести, защиты от вторжения.

Вторая встреча вскрывает еще несколько значимых тем. Маша рассказывает о фильме, в котором мужчина сбросил женщину с крыши, она упала и разбилась. Далее она дополняет свой рассказ еще двумя историями о падениях и связанных с ним разрушениями. Возникают темы опасности, исходящей от мужчин, падения и разрушения. Возможно, образ брошенной на землю женщины схож с тем, что Маша могла переживать в моменты насилия со стороны отца в отношении матери, а это предполагает, что она вкладывает в женскую позицию свою тревогу падения и разрушения. Такая женская позиция связывается с тем, кто не может защититься от падения фаллическим всемогуществом Эндермена. В этом эпизоде прослеживаются две противоположные фигуры: одна – всеильная и та, которой приходится иметь дело с падением в земном тяготении (которая связывается у Маши с женской позицией).

В игре Маша выбирает роль еще одного персонажа из Майнкрафта – Гаста, подчеркивая, что это не мужчина и не женщина. Маше трудно идентифицироваться ни с одним из своих родителей: с жестоким отцом или с матерью-жертвой. В Майнкрафте Гаст бесцельно летает и издаёт звуки, похожие на стон или плач, а также может ранить сам себя собственным взрывом. На этапе постройки домиков Машиному персонажу Гасту для создания дома требуется весь имеющийся строительный материал. Любая нехватка превращает имеющиеся ресурсы в ничто. Так, когда деталь, которую Маша хотела получить, оказалась занята, это полностью парализовало весь ее процесс строительства и вылилось в последующее преследование «обидчика» на протяжении всей

игры. Попытка построить дом имеет позитивную сторону: у Гасти есть место, где можно поселиться, а не жить в безграничном пространстве. Но это действие в сознании ребенка пронизано всемогуществом. Если возникают трудности (например, нехватка) в строительстве дома, их невозможно обойти или преодолеть. Пока для девочки существует только все или ничего; или всемогущее или ничто. Попытка построить дом остается в проекте эго.

На этом примере мы видим, как «я» Маши функционирует в режиме «все или ничего»: если у нее нет всего, у нее ничего нет. Этот способ восприятия своего «я», или его объекта, говорит о том, как ей трудно справиться с нехваткой: если у нее нет какой-то мелочи, остальное не имеет значения, она должна владеть всем безраздельно. В таком случае научиться переживать нехватку и терять может означать сохранение переживания непрерывности и целостности личности, несмотря на возможные испытания и отсутствие чего-то; что эго не теряет и не умаляется, когда она чем-то делится с другим или ищет иной вариант воплощения замысла.

Еще одна тема, которая проявляется в требовании обладания всеми запланированными материалами, – тема ригидности внутренней репрезентации. Маша уже сформировала замысел того, как будет выглядеть ее дом, и она не может его поменять. Более того, дом (внешний объект) должен в точности соответствовать внутренней репрезентации; связь между ними предельно конкретна и буквальна. Это похоже на то, как на параноидно-шизоидной фазе у ребенка доминирует конкретный аспект восприятия мира и себя. Работа депрессивной позиции как раз заключается не только в сепарации от внешнего объекта и возможности опоры на внутренний, но и в признании того, что интериоризованный объект не тождественен внешнему. Так рождается репрезентация объекта [Athanassiou-Popesco 2006]. В понятии репрезентации заложено качество вариативности, она не является копией, отличается от объекта и может создаваться различными средствами; она не сводится к дублированию мира. «Я», как и создание дома, усложняется, его границы проясняются. Мир депрессивной позиции, над которым предстоит потрудиться, – это мир гибкий, но прочный.

В игре группа назначила одному из терапевтов персонаж фермера, выращивающего и продающего овощи. Однако персонаж Маши (Гаст) ни за что не хотел платить. Он с наслаждением воровал сначала сами овощи, а потом и оборудование для их выращивания (теплицы и пр.). Оплата за удовлетворение потребности предполагает, что эго может начать чувствовать нехватку в чем-то и работать, чтобы справиться с этим, а затем восполнять недостаток. Заплатить здесь означало бы признать ценность другого и, как следствие, свою зависимость от другого. Только в мире, где

непрерывности «я» ничего не угрожает, можно начать возделывать свой сад, который не ставит под сомнение прочность этого мира.

Таким образом, когда ложно взрослая часть отходит на второй план, обнажается недифференцированное психическое пространство я-нарциссического, не признающего и не терпящего нехватку, переживающего отсутствие части как глобальную потерю себя самого, своей идентичности, не признающего отношений нормальной зависимости, что делает Машу уязвимой к поглощающим персекуторным тенденциям. Ей должно принадлежать все и просто так. Она ворует и не готова признавать ценность и цену отношений. Итак, в игре разворачивается драма я-нарциссического, замкнутого на себе и априори обладающего всем необходимым, отказывающегося от отношений и не признающего ценность объекта. Чтобы расти, чтобы обрести силу и возможности, нужно питаться. И, несмотря на присутствие фигуры фермера, который умеет выращивать эту эмоциональную пищу и готов накормить, персонаж Маши (Гаст) оказывается неспособен заплатить за еду, он ворует овощи, а затем и теплицы, но не использует их, выбрасывая, едва заполучив. Он оказывается бедным и голодным, потому что не может извлечь пользу, потому что ворованная еда для него – символ его независимости от объекта и всемогущества. Отметим, что эта потребность в воровстве, связанная с переживанием постоянной нехватки того, что может удовлетворить ее собственные нужды, меняет объект. Вместе с продуктами персонаж Маши ворует и инструменты, что может говорить о намерении обрести средства, однако путем кражи, а не обучения, без возможности попросить и расплатиться своим трудом и признанием ценности другого объекта.

Невозможность выдерживать нехватку наводит на мысль о наличии в психической жизни Маши двух тенденций. Одна из этих тенденций заключается в обеспечении полной независимости от потребностей и тех, кто может их удовлетворить. Это то, что соответствует первичной нарциссической тенденции: «я» не ищет свои объекты, это другие должны его искать, это им нужно. Другая тенденция соответствует более успешной адаптации к реальности, предполагает, что «я» признает свои потребности и зависимость от объекта, чтобы жить и выживать. Мы видим здесь, что Маша не платит за то, чем она обязана объекту: она не платит за еду и не использует украденную еду по назначению, делая вид, что ей не нужно есть. Это кража отношения признания, которым она обязана своим объектам. Вот почему неудивительно, что Маша бросает свою пищу, как будто украла, только чтобы избавиться от нее, а не для удовлетворения потребности, которая та связывает ее с реальностью ее тела и объекта.

К. Атанасиу-Попеско замечает, что нарциссические тормозные механизмы развития вступают в силу особенно отчетливо в ситуации угрозы [Athanasioiu-Popesco, 2015]. Ведь в ситуации угрозы во внешней реальности «я» может, если ему помогает защищающий объект, справиться с этой угрозой. Но если внешняя реальность не обеспечивает этой защиты, «я» задействует примитивные решения: оно попадает под влияние нарциссического «я» и начинает верить, что может обойтись без своих объектов, а объекты, наоборот, не могут обойтись без него. Такова всемогущая инверсия реальности. И это именно та ситуация хронической травмы, в которой пребывает Маша, когда сама связь с другим взрослым таит в себе опасность. Как мы вскоре увидим, именно на сверстников (девочек) Маша проецирует примитивный безопасный объект и требует, чтобы он обеспечивал ее безопасность.

На третью встречу Маша приходит в маске и долгое время отказывается ее снимать. В предыдущей игре она уже обозначила снижение ценности взрослого, и теперь эта линия продолжается. Основные темы на первом круге новостей у Маши касались ссоры из-за раскрытия секрета с последующим бойкотом виновницы и преследования мальчика, который в его итоге поранился до крови. Не будем забывать, что Маша должна была хранить тайну кражи, совершенной ею для отца: она воровала деньги матери. Такое эдипальное сближение не оставляет места третьей стороне, в данном случае матери, которая должна встать между дочерью и отцом. Наоборот, дочь в той ситуации отождествляла себя с отцом или мальчиком.

Наряду с темой преследования мальчика и его наказания, уже прозвучавшей на предыдущей сессии, появляется тема секрета, молчания, которое окружает травму, и отвержения, неминуемого следующего за раскрытием происшедшего. Нам кажется ценным и неслучайным, что в качестве одного из основных изменений во время промежуточной родительской встречи Машина мама обращает внимание на то, что Маша начала делиться с ней тем, что с ней происходит, в частности, во время пребывания у отца: об эпизодах драк, насилия и злоупотребления алкоголем, о чувствах ужаса, которые эти сцены вызывают. Травма зачастую происходит под знаком молчания, под знаком запрета на раскрытие секрета, на видение (с молчаливого согласия, отрицания матери) невозможности символизации этого опыта под страхом отвержения значимым другим.

Можно предположить, что в группе Маша находит контейнирование тревоги и получает развитие возможности опоры на неделинквентные объекты: в этом смысле секрет, поддерживавшийся

подчинением отцу, мог быть раскрыт благодаря связи, которую Маша устанавливает с хорошим объектом – матерью. Возможно, опираясь на отношения в группе, Маша смогла восстановить образ матери как хорошего объекта и повысить свою уверенность в помощи со стороны хороших объектов, что привело к более теплым и доверительным отношениям.

В отличие от предыдущих встреч, когда Маша использовала персонажей Майнкрафта, в этой игре она выбирает роль Котенка, который живет в своем уютном доме, не хочет, чтобы его трогали, не хочет, чтобы ему мешали и его беспокоили. Она небрежно сделала домик и отказалась от помощи терапевта. Маша сохраняет позицию независимости и отказа от принятия помощи от взрослого. Однако в этой игре она впервые выбирает не виртуального и всемогущего персонажа, но реального представителя животного мира, детеныша. Этот статус детеныша пока носит противоречивый характер. Ведь в реальном мире детеныш, оставшийся без помощи взрослого, не может выжить. Однако само появление такого персонажа стало возможным благодаря тому, что «я» приняло возможность пребывания в контейнирующем пространстве. Пусть даже этот процесс и остается хрупким. Выбор кошки опять-таки амбивалентен, потому что кошка может иметь тенденцию ни от кого не зависеть и ходить сама по себе. Неудивительно, что в игре персонаж Маши демонстрирует скорее позицию всемогущества и владения миром: она молча и властно протягивает руку к батате Мэра, требуя ее себе. Мэр отвечает, что он на страже закона и это его оружие. Она, не заплатив, берет товар у Бизнесмена и не реагирует на требования оплаты. Мы видим, что ее кошка – это тот, кто не платит признанием зависимости и необходимости работы, чтобы получить желаемое. И когда мы ставим котенка перед необходимостью платить, это уязвляет ее.

С прежней силой проявляются и персекуторные тенденции. Когда один из членов группы случайно задевает ее, Маша говорит, что будет мстить любому, кто ее обидит. Можно предположить, что при появлении триггера насилия, Маша не способна удержаться в игровом пространстве, переходя к отыгрыванию дихотомии терроризирующего-терроризируемого, выпадая из символического трехмерного пространство игры в конкретность параноидно-шизоидного проживания реальности. Фигура Закона (Отца) не может в достаточной степени защитить, не является опорой, не несет ценности регулятора, и тогда раскрывается бездна ужаса и преследования.

Можно предположить, что, не признавая границ (как это сделал бы кот), мы тем же самым лишаемся защиты представителя

Границы, Закона, Отцовской третьей стороны. Тогда мы попадаем в мир беззаконного возмездия, шизо-параноидный мир, где закон есть закон всемогущества и ужаса возмездия.

Четвертая и пятая сессии прошли под знаком персонажа Скелета. В четвертой сессии продолжается тема Отца (реального и символического). Маша рассказывает, что была у папы и делала, что хотела: ела сладкое, сколько хотела, спала, сидела в компьютере, и у нее была полная свобода. Здесь обнажается мир, в котором отсутствуют границы и ограничения, это мир одинокого индивида, где нет другого объекта. Объект создает ограничения, и это нарциссически травмирует. Маша выбрала роль Скелета, который бесцельно сражается со всеми и убивает всех. Твердость Скелета является залогом его неуязвимости. Скелет бессмертен, он может рассыпаться от ударов, а потом восстать.

В мире Скелета нет линейного времени; недифференцированность этого пространства проявляется и в отсутствии гендерной специфики: Скелет не является ни мужчиной, ни женщиной. Его все достало, и он начинает мстить. Маша предлагает для Терапевта роль Куска Мяса, который она будет пытаться: душить, мучить, рвать на части. И даже мясо здесь выступает не как объект пищи, но как объект для разрушения. Взрослый, который не в состоянии обеспечить безопасность, низводится до частично мертвого объекта, на который направляется насилие. Вполне закономерно: Маша долго отказывается подчиниться требованию терапевта (надеть знаки, обозначающие роль) и соглашается только после предложения сверстницы, как символ роли может быть закреплен. Маша небрежно делает жилище, не обозначает его границ. При этом она посягает на границы домиков других. Во время игры один из героев случайно задевает Машу батакой, что опять мгновенно переводит Машу в режим отыгрыша и оправдание персекуторной тенденцией: «А что такого! Если меня трогают, я бью, я мщу».

В пятой сессии Маша продолжает разработку роли Скелета. На этот раз это скелет-иссушитель, у него три головы. Он иссушает всех, живет в аду и всех убивает. Для ведущего Маша предложила роль старой женщины, которую Скелет будет иссушать, чтобы она долго умирала от жажды. В игре продолжается тема садистического отношения к объекту-взрослому и уничтожения всех как любой возможности контакта. Скелет обретает три головы (как символ полноты и совершенства). Он мертвый, и ему никто не нужен. Взрослый не просто не нужен ему, но зависит от Скелета, его садистических проявлений.

С шестой сессии начинает разворачиваться тема приручения. Сессия открывается описанием эмоционального события, вызвав-

шего у Маши ужас, когда она оказалась одна в классе с мальчиками. Один урок она так и просидела в ужасе с почти закрытыми глазами, на втором уроке закрыла глаза и спала на парте. На перемене девочки вернулись, и она почувствовала себя спасенной. Впервые Маша говорит о своем страхе, ужасе, замешательстве, предъявляя на первом круге новостей свою уязвимую, а не всемогущую часть. Сверстницы женского пола предстают для Маши как особый тип объекта – объект безопасности – в потенциально угрожающем пространстве. Отсутствие объекта безопасности переживается как ужас.

На этой встрече Маша начинает тему, которая будет центральной на протяжении длительного этапа – приручение. Она выбирает роль прирученной собачки. Ее Котенок из третьей сессии жил один и был самодостаточным, собачка же, по задумке Маши в шестой сессии, должна иметь хозяина и жить в его доме. Так она начинает путь к другому объекту. Но каким должен быть этот другой? Маша безапелляционно заявляет девочке из группы, что та будет ее хозяйкой. Девочка неохотно соглашается. Объект безопасности не является независимым, сепарированным, у него нет своих потребностей: он обязан защищать и быть рядом.

Но во время игры Собачке не удается обрести заботу хозяйки, занятой своими делами, однако Маша увлекается перебрасыванием «стрел» с мальчиком, они придумывали новые приемы, с увлечением и вниманием друг к другу обсуждали, как лучше приспособить багаки к полету. Стрела как то, что может уколоть и ранить, превращается в стрелу, которая связывает одного человека с другим, подобно событиям сказки о царевне-лягушке, и приводит к тому, с кем выстраиваются отношения. Интересно, что первоначально упование Маши на приручение было связано с девочкой, которую она выбрала как объект, обеспечивающий безопасность, но в итоге формирование связи происходит с мальчиком. Мальчики оказались вовсе не так опасны и страшны. Для Маши это стало знаковым моментом. Раньше она боялась, убивала. А теперь она задумалась о приручении. У дикого животного может быть много страха. Как в стихотворении В. Левина и Р. Мухи «в джунглях жизнь – не шутка: там страшно ночью, страшно днем, а в промежутках жутко». Кто защитит от опасности в мире, где закон силы первичен? Однако в этой игре Маша начинает открывать законы связи с другим объектом.

Следующую (седьмую) встречу Маша начинает с темы обиды на мальчика, которому она теперь будет мстить. Чувство безопасности от связи с другим оказывается нестойким. Ведь этот другой исчезает, он оставляет ее на целую неделю. Маша рассказывает, что, когда ее попугай вылетел из клетки, она пульнула

в него из рогатки, попугай упал, Маша засунула его в целлофановый пакет и запустила обратно в клетку. Объект, который она признает своим, должен поступить в ее полное распоряжение, он не может покинуть «клетку». Таким образом, она сохраняет склонность к контролю над объектом, несмотря на подвижки в признании некоторой зависимости от объекта и добрых чувств к нему.

Маша выбрала роль Белого Волка, живущего в тайге. Процесс одомашнивания начался на прошлой встрече, но остается нестойким. На этот раз терапевт играл роль Антиквара, у которого один из героев хотел купить древности, оружие. Маша была искренне удивлена, когда один из персонажей купил вещь 17-го века и заплатил за нее крупную сумму денег. Антиквар напоминает, что у него хранятся вещи, которые представляли ценность для своих владельцев и хранят их истории. Героиня Маши бросается к лавке. Антиквар со смехом хватается ценности, уносит их к себе, беспорядочно бросает на стол и больше не вспоминает о них. Однако затем она вдруг возвращается к прошлой игре с мальчиком – перебрасывание батак. Другая девочка, которая хотела играть с ними, почувствовала себя исключенной и заплакала на шеринге после игры. Это произвело огромное впечатление на Машу, она стала вспоминать случаи, когда чувствовала себя исключенной. Слезы другой участницы группы создали границу в безграничном пространстве я-нарциссического, обозначили мир я-реального, где есть пространство и время, связи с другими, а у действий есть последствия. И главное: где она могла апеллировать к своим способностям сострадания. Ее воспоминания о собственных страданиях служили поводом не мести, а сострадания другому.

Восьмая встреча снова начинается с темы различия между мальчиками и девочками, опасности и ненадежности мальчиков. Ее друг по прошлой игре заболел и не смог прийти. Маша рассказывает, как перекидывалась записками с девочкой на уроке, но записки не долетали до адресата. Одноклассник подобрал записку, бросил ее, попал Маше по очкам. «Было так страшно! (на лице ужас). Как бы смерть. Хорошо, что я была в очках!»

Маша говорит, что есть объекты, которых мы не можем достичь. Кто-то оказывается недоступен для нас. Мальчик, с кем она подружилась, сегодня болеет. А другой мальчик, конфликтовавший с ней, вернулся. История мальчика, швырнувшего записку ей в лицо, предстает как месть попугая, кого она хотела держать в клетке и подстрелила. Таким образом, Маша говорит не просто о мести, а о насилии, и оно сопровождается ужасом перед возможностью ответного насилия. Кроме того, продолжает развиваться тема, что происходит с другим объектом, когда его нет рядом с нами. Когда мы долго не видим человека, трудно удерживать его в голове,

он выпадает, как в прошлый раз выпала и почувствовала себя исключенной одна из участниц группы. Как можно удерживать другого в голове, в своем психическом пространстве, сохранять связь? Это вернуло Машу в шизо-параноидный мир. Но развитие депрессивной позиции происходит несмотря на сохранение этого ужасающего мира.

Маша выбирает роль Полярной белой совы, заметив, что постепенно ее герои будут смещаться к югу, в теплые страны. Когда Маша говорит про постепенное переселение к югу, на что ей нужно время, очерчиваются измерения времени и пространства. Намечается движение к югу, а значит будет больше тепла человеческих отношений и связей, больше сердечности. Но Маша замечает, что Полярная сова не допустит, чтобы к ее границам приближались ближе, чем на 50 сантиметров, она будет всех убивать. Как бы подчеркивая, что поскольку страх есть, нужно сохранять дистанцию.

Маша выбирает сову – животное с большими глазами. Они позволяют предвосхищать, видеть далеко, заметить опасность. Возникает дихотомия: если далеко от всех, то безопасно, но холодно, если близко, то тепло, но опасно и нужно защищаться (например, очками). Ее уже привлекает тепло, но она еще не чувствует себя достаточно защищенной. Закон, связь с другим – это для нее пока не гарантия безопасности.

В девятой сессии Маша выбирает роль Белого лиса. Она привычно указывает девочке из группы, что та будет ее хозяйкой, но получает отказ. Это вызывает шок. Но кто-то должен захотеть, решиться приручить лиса. Такого нельзя требовать, никого нельзя назначить, можно только попросить. А попросить – значит не командовать, но признать зависимость, вклад, ценность другого, потому что приручение – большая работа. Маша сталкивается с тем, что Объект-безопасности и Объект-приручения предполагают разные типы отношений с ними, и пытается осознать, что может создавать эту связь.

Маша сохраняет позицию отказа от признания работы потери. Она говорит, что будет красть ценные вещи и приносить хозяйке-девушке. Она пытается соблазнить, подкупить будущую хозяйку, но та не соглашается – так нельзя обрести привязанность. Терапевт предлагает быть ее хозяйкой. Маша неохотно принимает. Маша говорит, что родители лиса мертвы, они убиты, Белый лис сам пришел к девушке. Маша переживает, что столкнулась с отвержением. Она говорит, что лис снова убежит в лес.

Лис стал диким, так как нет родителей, и часть его хочет остаться дикой, чтобы не быть грустным из-за отсутствия родителей. Ведь быть прирученной значит столкнуться с грустью, свойственной

депрессивной позиции, «поскольку грусть всегда соседствует с любовью». Маша говорит, что будет сражаться со всеми, она уязвлена и готова мстить всему миру. Но существует большое различие между тем, чтобы убивать всех (убрать сам конфликт), и сражаться. Если никого нет, не с кем сражаться. Как в описании фильма, на второй встрече один выигрывает, все остальные умирают. И у этого есть последствия: в психическом плане, когда мы всех убиваем, все приходят убить нас. Таков мир возмездия.

Во время игры Маша поначалу спорила со всеми, каждый раз хотела выбрать место, занятое другими, но потом приняла предложение жить с человеком. Трудно дикому лису найти дом, трудно учиться не воровать, а просить. Терапевт в роли девушки-хозяйки приготовила запасы еды для своего питомца. Ведь становиться прирученным значит учиться не воровать и иметь свой дом. В контрпереносе терапевт чувствовала себя полностью поглощенной заботой о лисе. Она предлагала все новые лакомства, а лис все брал и ничего не просил. Но кто начинает приручаться, начинает ощущать голод, а следом – потребность в плече, конверте, тепле, чувствовать свои потребности, свои нужды, начинает просить и благодарить за заботу. Однако у лиса все еще сильна дикая часть: лис не просит, не чувствует нужду, не испытывает благодарности, не говорит спасибо и при первой же возможности сбегает в лес.

На десятой встрече Маша рассказывает, что бабушка испекла печенье к новогодней встрече и Маша боится, что оно испортится. В ее внутреннем плане появляется новое движение: она хочет сохранить хорошее, защитить хорошее, а не просто спастись, защититься от возможного нападения. В игре она выбирает роль птицы Феникса, у которого огненные глаза и нет никаких внутренних органов. Поразительно, насколько сильна ее настороженность и насколько важным остается для девочки зорко следить, чтобы не было опасности. Несмотря на возникшую тенденцию сохранения хорошего объекта, расслабляться, по мнению Маши, нельзя. Это происходит, потому что у ее персонажа есть только форма, только поверхность. Маша говорит, что хочет сражаться просто так, она настаивает, что нет смысла, есть только действие. Обычно, когда говорят, что что-то не имеет смысла, за этим кроется то, что чего-то слишком много, что-то переполняет. Смысл отщепляется, выкидывается. Но если смысла нет, нет формирования связей и понимания, то в данном случае нет и органов, т.е. нет того, что сможет переваривать пищу. Тогда либо пища сразу выкидывается, либо потом эвакуируется в туалет. Ни в том, ни в другом случае невозможно насытиться. Плата за это - отсутствие органов, пустоту внутри.

Следующая сессия начинается новый год и новый этап

психодраматической динамики – тему дома, который принадлежит самой Маше, а не тот, что она делит с другим в качестве питомца. Такова тема работы, направленной на строительство своего «я». Маша выбрала героя Пикачу. Это шарообразное Существо, оно хочет, чтобы о нем заботились. Ему нужна помощь в удовлетворении базовых потребностей: в крове, еде, сне. Этот персонаж, как и прежние, способен атаковать врагов (электричеством, возникающим в его собственном теле), однако в отличие от статичных предыдущих персонажей, Пикачу может превратиться в новый вид покемонов, если подружится с тренером, то есть создаст эмоциональную связь со значимым объектом. Тогда он становится «храбрым и преданным покемоном». Впервые Маша говорит о трансформирующей силе эмоциональной связи личного отношения с другим человеком. Более того, именно фигура тренера – того, кто может чему-то научить. Она готова учиться. Во время игры вся энергия Маши была направлена на строительство домика. Сначала его стены без конца заваливались, но потом ей удалось создать прочное сооружение, она залезла туда и большую часть времени находилась в своем домике. Она сама смогла построить свой уютный, прочный дом, хотя при разработке роли делегировала эту функцию возможному хозяину. Кроме того, на этот раз отказ другой участницы группы от роли тренера не вызвал у Маши переживаний дезинтеграции и отвержения.

И далее на протяжении нескольких встреч игровые действия Маши вращались вокруг построения дома. Знаковой стала тринадцатая встреча. Маша выбрала роль Котенка. Она старательно строила дом и практически не выходила оттуда. Однако, когда Маша отошла за деталью в другую часть комнаты, домик развалился. Вернувшись, Маша долго всматривалась в окружающих, говоря, что его разрушили специально. Но услышав спокойные уверения, что к домику никто не подходил, она построила его заново и уютно устроилась там. Таким образом, в данной ситуации разрушение внешнего объекта не вызвало персекуторных тенденций, не переживалось как намеренное разрушение, направленное против ее личности. Для ее «я» это не стало ситуацией угрозы дезинтеграции, и Маша смогла воссоздать то, что оказалось разрушенным.

Заключение

В ходе работы психодраматической группы мы наблюдаем появление элементов депрессивной позиции: принятие состояния нехватки, смягчение контроля над объектом, принятие связей зависимости, сострадания и репарации. Происходит переход от героев Майнкрафта, погруженных в нецелевое поведение

и отыгрывающих агрессию, к персонажу Скелета – твердого, жесткого, не нуждающегося в другом, а затем к ролям прирученных животных, открывающих для себя, что значит связь с другим человеком, но принадлежащих ему и живущих в его доме, и, наконец, построению собственного жилища. Постепенно наряду с шизо-парноидными элементами появляется все больше аспектов, связанных с депрессивной позицией, пусть даже этот процесс проявления депрессивной позиции остается очень хрупким.

Литература

Айхингер, Холл 2003 – *Айхингер А., Холл В.* Детская психодрама в индивидуальной и семейной терапии, в детском саду и школе. М.: Генезис, 2003. 256 с.

Abram 1996 – *Abram J.* The language of Winnicott. A dictionary of Winnicott's use of words. London: Karnac books, 1996. 378 p.

Athanassiou-Popesco 2006 – *Athanassiou-Popesco C.* Representation et miroir. Essay psychanalytique sur la naissance de la representation et son rapport avec l'image observe dans le mirror. Paris: Edition Popesco, 2006. 142 p.

Athanassiou-Popesco 2015 – *Athanassiou-Popesco C.* L'aquisition de la troisieme dimension psychique. Paris: Edition Popesco, 2015. 228 p.

References

Abram, J. (1996), *The language of Winnicott. A dictionary of Winnicott's use of words*, Karnac books, London, UK, 378 p.

Aichinger, A. and Holl, V. (2003), *Detskaya psikhodrama v individual'noi i semeinoi terapii, v detskom sadu i shkole* [Child psychodrama in individual and family therapy in the kindergarten and at school], Genезis, Moscow, Russia, 256 p.

Athanassiou-Popesco, C. (2006), *Representation et miroir. Essay psychanalytique sur la naissance de la representation et son rapport avec l'image observe dans le mirror*, Edition Popesco, Paris, France, 142 p.

Athanassiou-Popesco, C. (2015), *L'aquisition de la troisieme dimension psychique*, Edition Popesco, Paris, France, 228 p.

Информация об авторах

Клеопатра Атанассиу-Попеско, Шенонсо, Франция; *cleopopesco@gmail.com*

Наталия Ю. Федунина, кандидат психологических наук, Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москомспорта, Москва, Россия; 129272, Россия, Москва, ул. Советской Армии, 6; *Natalia_fedunina@mail.ru*

Фариза Ц. Мусаева, Центр развития речи А и Б, Москва, Россия; 127473, Россия, Москва, ул. Самотечная, 17А; *fm50@list.ru*

Information about the authors

Cléopâtre Athanassiou-Popesco, Chenonceaux, France; *cleopopesco@gmail.com*

Natalia Yu. Fedunina, Cand. of Sci. (Psychology), Center for sports technologies and training of sports teams of Moskomspor, Moscow, Russia; bld. 6, Sovetskaya Armii str., Moscow, Russia, 129272; *Natalia_fedunina@mail.ru*

Fariza Ts. Musaeva, Speech Center A and B, Moscow, Russia; bld. 17A, Samotechnnaya street, Moscow, Russia, 127473; *fm50@list.ru*

Особенности социализации подростков-сирот

Надежда В. Мазурова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mazarina-2@yandex.ru*

Анна А. Фролова

*Психологический центр,
Саппоро, Япония, sato-anya@mail.ru*

Аннотация. В статье отражены результаты сравнительного эмпирического исследования, посвященного изучению особенностей социализации семейных подростков и их ровесников, воспитывающихся вне семьи. В ходе исследования изучались параметры социальной адаптации, автономность, локус контроля в сфере достижений и межличностных отношений, потребность поддерживать социальные связи, отношение к незащищенным слоям населения и готовность к созданию собственной семьи. Были выявлены существенные различия в процессе социализации подростков-сирот и их сверстников, воспитывающихся в семье. В частности, у подростков-сирот наблюдается низкий уровень социальной адаптации, автономности, активности. На процесс их социализации меньшее влияние оказывает школа и большее влияние имеет подростковая группа. Они демонстрируют низкий интерес к получению образования; низкую потребность в настоящих друзьях и неуверенность в том, что они сами могут быть настоящими друзьями. У сирот преобладает экстернальный локус контроля. Они предполагают, что романтические отношения могут отрицательно отразиться на их жизни, при этом одобряют сексуальные отношения среди сверстников. Таким образом, картина мира и социальных отношений в представлении подростков-сирот значительно отличается от картины мира в представлении семейных детей.

Ключевые слова: подростковый возраст, социализация, социальная адаптация

Для цитирования: Мазурова Н.В., Фролова А.А. Особенности социализации подростков-сирот // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 102–116. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-102-116

Features of the socialization of teenage orphans

Nadezhda V. Mazurova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mazariny-2@yandex.ru*

Anna A. Frolova

*Psychological Centre,
Sapporo, Hokkaido, Japan, sato-anya@mail.ru*

Abstract. The results of a comparative empirical study on the characteristics of the socialization of family adolescents and their peers brought up outside the family are presented in the article. The study examined the parameters of social adaptation, autonomy, the locus of control in the field of achievements and interpersonal relationships, the need to maintain social ties, attitude towards vulnerable groups and readiness to create your own family. There are significant differences in the process of socialization of adolescents-orphans and their peers who are brought up in a family. In particular, teenage orphans have a low level of social adaptation, autonomy, and activity. School has little impact on the socialization process, and the teenage group has a strong impact. Orphans show low interest in education; a low need for real friends and a lack of confidence that they themselves can be real friends. Orphans are dominated by the external locus of control. They assume that romantic relationships can negatively affect their lives, while at the same time they approve of sexual relations among peers. Thus, the image of the world and social relations in the view of teenage orphans differs significantly from the image of the world of family children.

Keywords: adolescence, socialization, social adaptation

For citation: Mazurova, N.V. and Frolova, A.A. (2020), "Features of the socialization of teenage orphans", *RSUH/RGGU Bulletin. «Psychology. Pedagogics. Education» Series*, no. 4, pp. 102–116, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-102-116

Введение

Проблема адаптации человека к постоянно меняющимся условиям окружающей среды была и остается актуальной как в теоретическом, так и в прикладном плане. В периоды, когда общество переживает изменения в политическом, экономическом, социальном и культурном укладах, вопросы социализации и адаптации к этим новым условиям становятся наиболее острыми. Возрастание эмоционального напряжения, социальная и личностная нестабильность, характерная для таких периодов, заставляют искать новые формы психологической помощи населению и, в

первую очередь, – социальным группам, которые по тем или иным критериям могут быть отнесены к неблагополучным. Одной из таких групп являются дети-сироты и дети, воспитывающиеся вне семьи. Психические и личностные особенности детей-сирот, специфическая социальная ситуация их развития заставляют ученых и практиков искать такие формы психологической работы, которые позволили бы создать условия, необходимые для позитивного личностного развития и социализации этой группы детей.

Многие авторы отмечали своеобразие психического и социального развития подростков, воспитывающихся вне семьи (Лангмейер Й., Матейчек З., Прихожан А.М., Толстых Н.Н., Дубровина И.В., Лисина М.И., Бардышевская М.К., Галигузова Л.Н. и др.). Воспитанники детских домов и интернатов оказываются недостаточно подготовленными к самостоятельной жизни в обществе, поскольку семья как первый и наиболее важный институт социализации отсутствует в системе развития сирот.

Многие дети поступают в детские дома, будучи уже дезадаптированными в раннем возрасте [Бардышевская 2019, с. 58]; их личностное развитие протекает в специфической социальной среде, которая в большинстве случаев изначально дефицитна, негативно нагружена [Дубровина 1995, с. 10]. Тем не менее, утрата семьи, даже если она была неблагополучной, – серьезная травма, приносящая ребенку боль, обиду на родителей и на жизнь, чувство отверженности [Бикулова 2013, с. 88]. Замещение семьи детским домом приводит к резкому изменению социального статуса ребенка, усилению внешнего контроля, принудительному характеру общения со сверстниками [Жильцова 2014, с. 15]. В детских домах подростки находятся на полном государственном обеспечении в изолированных от реальной жизни условиях. Персонал не имеет права привлекать детей к уборке помещений, помощи в приготовлении пищи, починке одежды, походам в магазин. В школу детей отвозит специальный автобус. Трудовое воспитание сводится к приобретению простейших навыков самообслуживания. Для воспитанников детского дома характерна выраженная иждивенческая позиция, у них снижена осознанность и ответственность за свои действия [Осадчая 2019, с. 285]. Вместо произвольного поведения формируется ориентация на внешний контроль, а самостоятельность замещается аффективным реагированием, перекалыванием ответственности на других, лишь позднее формируются навыки самоконтроля и социально приемлемого поведения [Байбородова 1997, с. 64].

В отдельных сферах жизни подростки – воспитанники детских домов – имеют избыточный опыт, несоответствующий возрасту. Например, их очень раннее вовлечение в сексуальные отношения, знакомство с алкоголем и наркотиками [Дементьева 2000, с. 39].

Достигнув подросткового возраста, ребенок из семьи пытается менять заведенный в ней порядок, заявлять о своей самостоятельности, принимать решения по своему усмотрению. В интернатном учреждении это невозможно. Сироты не подозревают, что можно попытаться что-то изменить. Это формирует модель «выученной беспомощности». В то время как подростки из семьи демонстрируют свойственные этому возрасту стремление к общению со сверстниками и профессиональному самоопределению, дети из детских домов концентрируются в основном на себе, что можно рассматривать как гиперкомпенсацию недостающей любви и положительных эмоций [Собчик 2008, с. 108].

У подростков-сирот нарушены все основные параметры процесса социализации, характерные для данного возрастного периода. Имеются искажения в самооценке, мотивационной, ценностно-смысловой, волевой сферах, в социальных контактах, эмоциональном реагировании в различных ситуациях.

В Федеральном банке данных РФ на 2019 год зарегистрировано 47 800 детей-сирот. Существуют социологические исследования, согласно которым только около 10% сирот успешно адаптируются к условиям современного мира. Остальные пополняют собой асоциальные группы либо испытывают в процессе адаптации серьезное эмоциональное напряжение, приводящее к формированию клинических признаков депрессии, аффективных расстройств, а порой и к суицидальному поведению. Выпускники детских домов сталкиваются на своем жизненном пути с огромным количеством социальных проблем, порожденных их неподготовленностью к самостоятельной жизни.

Все перечисленные особенности детей-сирот определяют их специфические потребности в психологической помощи и требуют разработки специальных психолого-педагогических программ по подготовке к самостоятельной жизни в обществе. Для определения направлений и содержания программы психологической помощи подросткам, воспитывающимся вне семьи, важно изучить все особенности процесса социализации этой категории детского населения в нашей стране.

Цель исследования: изучить особенности социализации подростков, воспитывающихся вне семьи, для последующей разработки направлений психологической помощи этой категории детского населения.

Выборка. Исследование проводилось на базе ГКУ Троицкий детский дом (с. Троицкое, о. Сахалин) в 2019 г. В исследовании приняли участие 60 старших подростков в возрасте 15-17 лет (29 мальчиков и 31 девочка), которые были разделены на две группы: 1 группа – 30 подростков-сирот, воспитанников детского

дома (15 мальчиков и 15 девочек); 2 группа – 30 подростков, воспитывающиеся в условиях семьи (14 мальчиков и 16 девочек).

Методики исследования:

- «Уровень субъективного контроля – локус контроля» Дж. Роттера;
- «Уровень подготовленности детей-сирот к преодолению трудностей» Л.В. Байбородовой;
- «Изучение роли семьи в социализации подростка» Д.В. Ярцева.
- «Отношения подростков к социально незащищенным слоям общества» Т.А. Гурко.

Анализ результатов

В ходе эмпирического исследования были получены следующие результаты. У большинства подростков обеих групп выявлен экстернальный локус контроля, но у подростков-сирот (1 группа) он более выражен – 80%, чем у подростков, воспитывающихся в семье. Сироты в большей степени не склонны контролировать события своей жизни, считая, что происходящее вокруг – это результат случая или влияния других людей (см. табл. 1). Интересно, что в области неудач для подростков обеих групп характерны низкие показатели интернальности. Это позволяет предположить, что независимо от типа воспитания у подростков существует тенденция приписывать ответственность за какие-то отрицательные события своей жизни другим людям или считать их результатом невезения. Такое же единодушие наблюдается в области достижений: половина подростков-сирот и 73,3% подростков из семей демонстрируют высокие показатели интернальности. Эти респонденты все свои достижения считают собственными заслугами. В отношении семьи у большинства подростков обеих групп наблюдается экстернальность. Подростки полагают, что происходящее в семье либо отсутствие семьи является результатом намеренных или ошибочных действий других людей. Подростки-сироты, например, винят в отсутствии у них семей своих биологических родителей или родственников, которые не захотели брать их к себе на воспитание. В области производственных отношений у подростков обеих групп в равной степени наблюдаются высокие и низкие показатели интернальности. Половина из них считает личные действия и усилия важным фактором в организации своей трудовой и учебной деятельности. Другая половина в школьной неуспешности винит одноклассников, учителей, программу обучения, невезение.

В области межличностных отношений у 40% подростков-сирот и у 66,7% семейных подростков выявлены высокие показатели интернальности, указывающие на то, что они могут контролировать

свои неформальные отношения, вызывать к себе симпатию и уважение. В отношении здоровья в обеих группах наблюдаются низкие показатели интернальности. Только 43,3% подростков-сирот и 30% подростков из семей считают, что главной причиной здоровья или болезней является их образ жизни. Большинство подростков предполагают, что их состояние здоровья является результатом случая, «плохой генетики» или действий других людей. Соответственно, и выздоровление зависит, например, от врачей.

Таблица 1

Уровень субъективного контроля подростков (%)

Шкалы интернальности	Сироты		Подростки из семей	
	Интерн.	Экстерн.	Интерн.	Экстерн.
Общая интернальность	20	80	46,7	53,3
В области достижений	50	50	73,3	26,7
В области неудач	23,3	76,7	23,3	76,7
В семейных отношениях	3,3	96,7	13,3	86,7
В области трудовых отношений	56,7	43,3	40	60
В межличностных отношениях	40	60	66,7	33,3
В отношении здоровья	43,3	56,7	30	70

При схожести результатов существуют и различия между двумя группами. Нужно отметить, что у подростков-сирот в большей степени преобладает экстернальность, а у подростков, воспитывающихся в семьях, практически в одинаковом процентном соотношении представлен и экстернальный, и интернальный локус контроля. Сравнительный анализ уровня субъективного контроля с использованием U-критерия Манна-Уитни показал, что у подростков-сирот в области достижений значимо более низкие показатели, чем у их сверстников, воспитывающихся в семьях ($U = 253,0$ $p = 0,003$), а также преобладает экстернальный локус контроля в области межличностных отношений ($U = 236,0$ $p = 0,001$).

Следующая методика была направлена на выявление уровня подготовленности подростков к преодолению трудностей. Результаты представлены в Таблице 2. Для большинства подростков обеих групп характерен средний уровень социальной адаптированности. Высокий уровень по этой шкале обнаружен лишь у одного под-

ростка-сироты и у трех подростков, воспитывающихся в семьях. Низкие показатели демонстрировали 40% подростков-сирот и 30% подростков из семей. Фактически – это группа подростков с высоким риском социальной дезадаптации.

Таблица 2

Уровень подготовленности подростков
к преодолению трудностей (%)

Шкалы	Уровни					
	Низкий		Средний		Высокий	
	Сироты	Из семей	Сироты	Из семей	Сироты	Из семей
Социальная адаптированность	40	30	56,7	60	3,3	10
Автономность	10	6,7	70	43,3	20	50
Социальная активность	13,3	0	70	26,7	16,7	73,3
Нравственность	10	26,7	53,3	43,3	36,7	30

По шкале «социальная автономность» 70% подростков-сирот демонстрируют средний уровень и 20% – высокий уровень. Для 43% подростков, воспитывающихся в семьях, характерен средний, а для 50% – высокий уровень. Они проявляют устойчивость в отношениях, не слишком зависят от мнения окружающих. Кроме того, 70% подростков-сирот и 26,7% семейных подростков свойственен средний уровень социальной активности. Среди семейных детей не было выявлено низкого уровня социальной активности. У подростков-сирот этот уровень наблюдался в 13,3% случаев. Высокий уровень нравственных представлений характерен для 36,7% подростков-сирот и 30% семейных подростков. Низкий уровень и недостаточность гуманистических ценностей оказался у 10% подростков-сирот и 23,7% семейных подростков.

Сравнительный анализ уровня подготовленности подростков к преодолению трудностей с использованием U-критерия Манна-Уитни показал, что у подростков-сирот уровень социальной адаптации ниже: значимость различий наблюдается на уровне тенденции ($U = 334,0$, $p = 0,084$). Они более зависимы ($U = 283,5$, $p = 0,012$), у них значительно ниже уровень социальной активности ($U = 428,0$, $p = 0,000$).

Далее нами было проведено исследование роли семьи в социализации подростков. Первые 4 вопроса методики относятся к сфере влияния «семья». Процентное соотношение положительных ответов на эти вопросы подростков обеих групп представлены на рисунке 1. Подросткам, воспитывающимся в семьях, больше нравится общаться со своей семьей, чем подросткам-сиротам. Это объяснимо, поскольку у многих сирот нет возможности поддерживать отношения с родственниками, хотя они готовы поделиться с ними своими трудностями и переживаниями. Они не так уверенно чувствуют себя в семье, как их сверстники из семей. Необходимость получить совет от родителей или близких родственников испытывают практически одинаковое количество подростков.

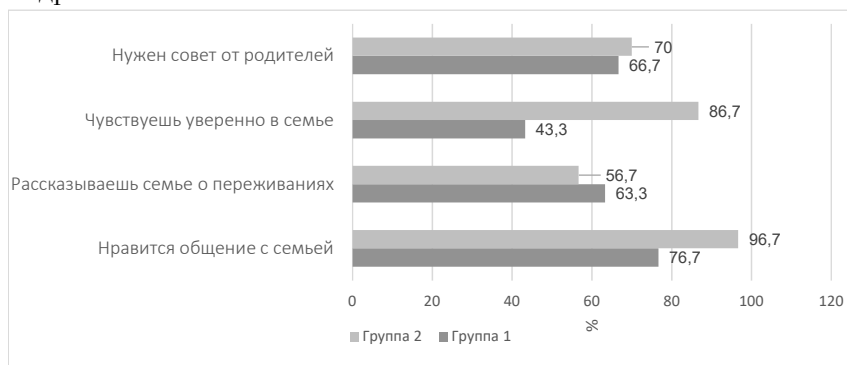

Рис. 1. Ответы подростков по сфере влияния «семья».

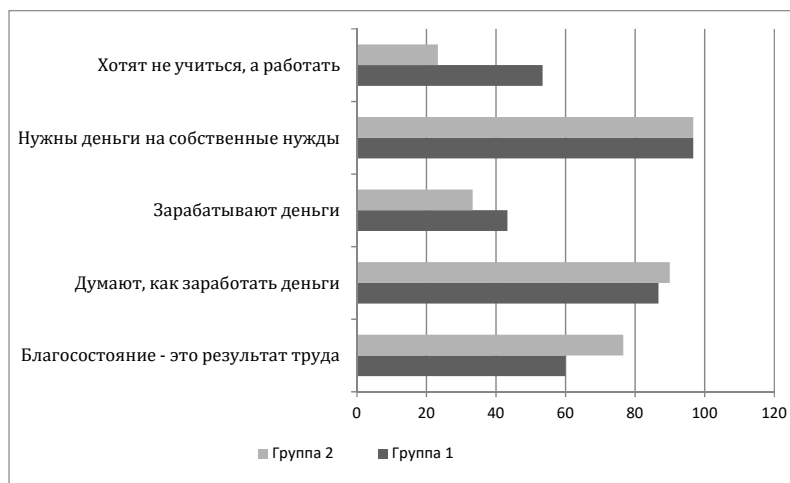

Рис. 2. Ответы по сфере «социально-экономическое влияние».

Процентное соотношение ответов на вопросы, относящиеся к сфере «социально-экономическое влияние», представлено на рисунке 2. Результаты дают возможность утверждать, что подростки-сироты в большей степени материально заинтересованы и для них большее значение имеет материальное благополучие. Так, 43,3% сирот уже зарабатывают деньги, а 53,4% хотят иметь право не учиться, а работать. Государство предоставляет этим детям только самое необходимое, а на свои интересы и увлечения они вынуждены зарабатывать деньги самостоятельно. Подростки, воспитывающиеся в семьях, для удовлетворения своих материальных нужд, как правило, обращаются к родителям. Но при этом большинство подростков, воспитывающихся в семьях, считают, что благосостояние – это результата упорного труда.

Следующая пятерка вопросов дает информацию об особенности влияния школы на процесс социализации подростков. Ответы на эти вопросы представлены на рисунке 3. Можно заметить существенное различие между ответами подростков-сирот и подростков, воспитывающихся в семьях.

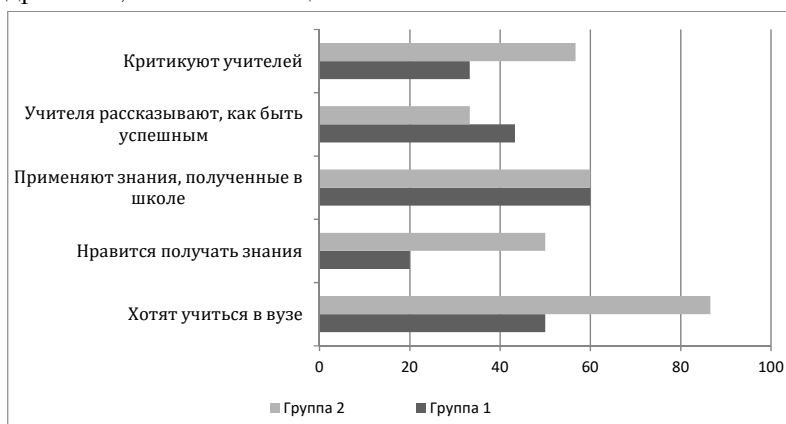

Рис. 3. Положительные ответы на вопросы, относящиеся к сфере влияния «школа».

Большинство семейных подростков (86,6%) планируют учиться дальше в различных высших учебных заведениях. Подобное желание изъявляет лишь половина подростков-сирот (50%). Кроме того, 50% подростков, живущих в семьях, нравится получать знания по школьным предметам. Среди подростков-сирот таких учащихся только 20%. При этом 60% подростков обеих групп применяют полученные знания на практике. Третья часть семейных подростков (33,3) и 43,4% подростков-сирот отмечают, что учителя регулярно им рассказывают о том, как быть успешным в жизни и как избегать

неприятностей. На наш взгляд, заслуживает внимание результат, относящийся к критике учителей. Большинству подростков, воспитывающихся в семьях (56,7%), нравится критиковать своих учителей. Среди подростков-сирот таких гораздо меньше (33,3%).

Следующие пять вопросов относились к сфере «референтная группа». Процентное соотношение положительных ответов представлено на рисунке 4. Нужно отметить, что группа сверстников в равной степени привлекательна для всех подростков (80% и 70% соответственно). Большую часть свободного времени они проводят в компании друзей, что является вполне предсказуемым, поскольку именно в этом возрасте ведущая деятельность человека заключается в эмоционально-личностном общении со сверстниками.

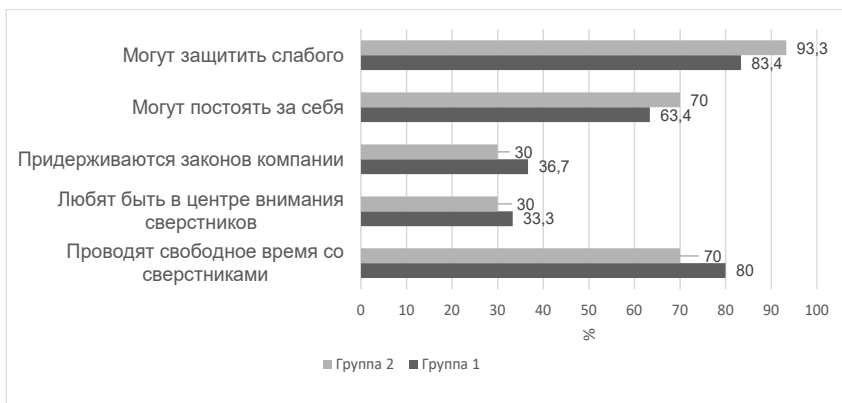

Рис. 4. Ответы подростков по сфере влияния «референтная группа».

Несмотря на активное стремление быть частью компании своих сверстников, лишь третья часть подростков обеих групп любят находиться в центре внимания. Это можно объяснить тем, что в подростковом возрасте наблюдается определенное снижение самооценки и уверенности в себе (подросткам не нравится свой внешний вид: они неуклюжи, части тела непропорциональны и т.д.), именно поэтому большинство из них не любят чрезмерное внимание к себе. Следует отметить, что даже если подростки хотят быть в компании своих сверстников, не все они предпочитают следовать законам, которые приняты в ней (придерживаются законов группы только 36,7% подростков-сирот и 30% подростков, воспитывающихся в семьях). Это один из показателей протекания пубертатного кризиса – оппозиционность, бунтарство в сфере отношений. Что касается того, могут ли подростки постоять за себя, то утвердительно ответили 63,4% подростков-сирот и 70% семейных подростков. Также хочется отметить тот факт, что 83,4%

подростков-сирот и 93,3% семейных подростков могут защитить слабого человека.

Анализ последней пятерки вопросов, исследующих интимно-личностное общение, представлен на рисунке 5. Согласно этим результатам можно заключить, что практически все подростки, воспитывающиеся в семье (93,3%), считают необходимым наличие настоящего друга, а среди подростков-сирот таких гораздо меньше (66,7%). Настоящими друзьями считают себя 50% сирот и 73,4% подростков из семей.

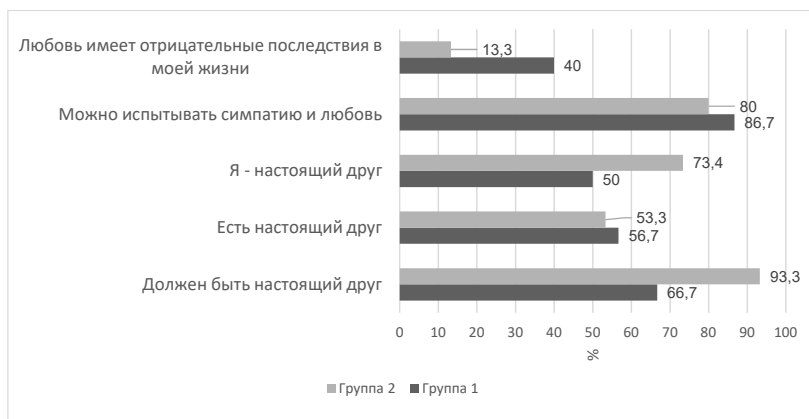

Рис. 5. Ответы по сфере влияния «интимно-личностное общение».

Существенное различие прослеживается в отношении того, играет ли любовь в жизни подростков негативную роль: 40% подростков-сирот указывают, что «пострадали из-за любви», среди их сверстников из семей таких только 13,3%. По остальным вопросам разница между группами практически не ощутима. У половины подростков из обеих групп есть настоящий друг, 86,7% подростков-сирот и 80% семейных подростков считают, что в их возрасте можно испытывать чувство глубокой симпатии и любви.

Сравнительный анализ результатов исследования с использованием U-критерия Манна-Уитни показал, что подросткам-сиротам в меньшей степени нравится общаться с членами семьи ($U=362,0$, $p=0,028$); они не чувствуют себя уверенно в семейном кругу ($U=315,5$, $p=0,013$); чаще проявляют желание зарабатывать деньги ($U=325,5$, $p=0,050$); меньше настроены на продолжение обучения в вузе ($U=282,0$, $p=0,002$); чувствуют меньшую потребность в настоящем друге ($U=323,0$, $p=0,007$), а также значительно чаще отмечают отрицательные последствия любви в своей жизни ($U=428,0$, $p=0,020$).

Результаты изучения сферы, оказывающей доминирующее влияние на процесс социализации подростков, представлены в Таблице 3. На подростков-сирот наибольшее влияние оказывают социально-экономическая деятельность (80%), интимно-личностное общение (73,3%) и референтная группа (70%). На социализацию подростков, воспитывающихся в семьях, больше всего оказывают влияние интимно-личностное общение (80%), школа (76,6%), социально-экономическая деятельность (76,6%) и семья (73,3%). Таким образом, школа в меньшей степени оказывает влияние на подростков-сирот ($U = 302,5$, $p = 0,021$). Что касается других сфер влияния, то различий выявлено не было.

Таблица 3

Сферы влияния на процесс социализации подростка (%)

№ пп	Сферы	Результат	
		Сироты	Семейные подростки
1	Семья	56,7	73,3
2	Школа	43,3	76,6
3	Референтная группа	70	66,7
4	Интимно-личностное общение	73,3	80
5	Социально-экономическая деятельность	80	76,6

По «Отношению подростков к социально незащищенным слоям общества» были получены следующие результаты. 90% подростков-сирот испытывают жалость к старым больным людям и инвалидам, 83,3% – к нищим, и 76,7% – к маленьким детям. Что касается их сверстников, воспитывающихся в семьях, то они все (100%) чувствуют жалость по отношению к старым людям, 86,7% – к инвалидам, 70% – к маленьким детям и нищим. Половина подростков-сирот одобряют сексуальные отношения среди сверстников. Подобную позицию поддерживают только 26,7% сверстников, воспитывающихся в семьях (см. Табл. 4). Сравнительный анализ отношения к социально незащищенным слоям общества показал следующее: подростки из семей в большей степени способны проявлять жалость и сочувствие к старым беспомощным людям ($U = 405,0$, $p = 0,078$); подростки-сироты значительно чаще одобряют сексуальные отношения своих сверстников ($U = 345,0$, $p = 0,065$).

Таблица 4

Отношение подростков к социально незащищенным
слоям общества (%)

Испытывают чувство жалости к	Сироты		Семейные подростки	
	Да	Нет	Да	Нет
инвалиду	90	10	86,7	13,3
старому беспомощному человеку	90	10	100	0
маленькому ребенку	76,7	23,3	70	30
нищему	83,3	16,7	70	30
одобряют сексуальные отношения сверстников	50	50	26,7	73,3

Заключение

На основании результатов проведенного исследования были обнаружены различия в процессе социализации подростков-сирот и их сверстников, воспитывающихся в семье. Так, в частности, были выявлены следующие особенности социализации подростков-сирот:

- низкий уровень социальной адаптации, автономности и активности;
- преобладание экстернального локуса контроля в сфере достижений и в сфере межличностных отношений;
- низкая потребность поддерживать связь со своими родственниками и чувство неуверенности в процессе общения с ними;
- низкий интерес к получению образования и высокое стремление к финансовой независимости;
- низкая потребность в настоящем друге и низкая уверенность в том, что они сами могут быть настоящими друзьями;
- ощущение отрицательного влияния романтических отношений на свою жизнь и настроение и большее одобрение сексуальных отношений среди сверстников;
- меньшее влияние школы и большее влияние подростковой группы на процесс их социализации.

Таким образом, картина мира и социальных отношений в представлении подростков-сирот значительно отличается от картины мира в представлении семейных детей.

Литература

- Байбородова 1997 – *Байбородова Л.В.* Преодоление трудностей социализации детей-сирот: учебное пособие. Ярославль: ЯГПУ, 1997. 196 с.
- Бардышевская 2019 – *Бардышевская М.К.* Диагностика психического развития ребенка: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019. 153 с.
- Бикулова, 2013 – *Бикулова И.П.* Особенности социализации детей-сирот // Социальная педагогика. 2013. № 5. С. 87–90.
- Галигузова, Смирнова 2004 – *Галигузова Л.Н., Смирнова Е.О.* Искусство общения с ребенком. От года до шести лет. М.: Аркти, 2004. 160 с.
- Дементьева, 2000 – *Дементьева И.Ф.* Социальное сиротство: генезис и профилактика. М.: НИИ семьи и воспитания, 2000. 47 с.
- Дубровина 1995 – *Дубровина И.В.* О проблемах развития воспитанников детских домов и школ-интернатов: очерки о развитии детей, оставшихся без родительского попечения. М.: ТОО «СИМС», 1995. С. 5–8.
- Жильцова, 2014 – *Жильцова О.Н.* Особенности представлений о жизненных перспективах подростков, оставшихся без попечения родителей: Автореферат дисс. кандидата психологических наук. М. РГГУ, 2014. 25 с.
- Лангмейер, Матейчек 1984 – *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага.: Авиценум, 1984. 335 с.
- Осадчая 2009 – *Осадчая Г.И.* Опыт и проблемы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства, в современных условиях. М.: Издательство РГСУ, 2009. 452 с.
- Прихожан 2007 – *Прихожан А.М.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007. 400 с.
- Собчик 2008 – *Собчик Л.Н.* Психолог о подростках в школе и семье. М: Образование плюс, 2008. С. 36–56.
- Толстых 2019 – *Толстых Н.Н.* Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 406 с.

Referents

- Baiborodova, L.V. (1997), *Preodoleniye trudnostej socializacii detej-sirot: uchebnoye posobiye* [Overcoming the difficulties of socialization of orphaned children], YaGPU, Yaroslavl`, Russia, 196 p.
- Bardyshvskaja, M.K. (2019), *Diagnostika psicheskogo razvitiya rebenka: uchebnoye posobiye dlya bakalavriata, spetsialiteta, i magistratury* [Diagnostics of a child's mental development], Izdatel'stvo Yurait, Moscow, Russia, 153 p.
- Bikulova, I.P. "Features of socialization of orphaned children", *Social'naya pedagogika*, no. 5, pp. 87–90.

Dement'eva, I.F. (2000), *Social'noe sirotstvo: genezis i profilaktika* [Social orphanhood: Genesis and prevention], NII sem'i i vospitaniya, Moscow, Russia, 47 p.

Dubrovina, I.V. (1995), *O problemah razvitiya vospitannikov detskih domov i shol-internatov: ocherki o razvirii detej, ostavshikhsja bez roditel'skogo popecheniya* [About the problems of development of children in orphanages and boarding schools], TOO "SIMS", Moscow, Russia, p. 58.

Galiguzova, L.N. and Smirnova, E.O. (2004), *Isskustvo obshhenija s rebenkom. Ot goda do shesti let* [The art of communicating with a child. From one year to six years], Arkti, Moscow, Russia, 160 p.

Langmejer, J. and Matejcek, Z. (1984), *Psihologicheseskaja deprivacia v detskom vozraste* [Psychological deprivation in childhood], Avicenum, Prague, Czech Republic, 335 p.

Osadchaya, G.I. (2009), *Opyt i problemy zhizneustrojstva detej-sirot i detej, ostavshikhsja bez popechitel'stva, v sovremennykh uslovijah* [Experience and problems of living arrangement of children-orphan and children left without guardianship, in the modern world], Izdatel'stvo RGSU, Moscow, Russia, 452 p.

Prihozhan, A.M. (2007), *Psihologiya sirotstva* [The psychology of orphanhood], Piter, Saint-Petersburg, Russia, 400 p.

Sobchik, L.N. (2008), *Psiholog o podrostkah v shkole i sem'je* [Psychologist about teenagers in school and family], Izdatel'stvo Obrazovaniye pius, Moscow, Russia, pp. 36-56.

Tolstyh, N.N. (2019), *Psihologiya podrostkovogo vozrasta: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Psychology of adolescence], Izdatel'stvo Yurait, Moscow, Russia, 406 p.

Zhil'czova, O.N. (2014), Features of ideas about the life prospects of teenagers left without parental care, Abstract of Ph.D. dissertation, RGGU, Moscow, Russia, 25 p.

Информация об авторах

Надежда В. Мазурова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; mazariny-2@yandex.ru

Анна А. Фролова, магистр, Психологический центр, Саппоро, Хоккайдо, Япония; 005-0012, Япония, Хоккайдо, Саппоро, Минанику, Макоманай 2-12; sato-anya@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Mazurova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mazariny-2@yandex.ru

Anna A. Frolova, Master (Psychology), Psychological Centre, Sapporo, Hokkaido, Japan; bld. 2-12 Makomanai, Minaniku, Sapporo, Hokkaido, Japan, 005-0012; sato-anya@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-117-139

Психологические особенности подростков,
склонных к девиантному поведению:
на примере российских и узбекских подростков

Марина М. Мишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mishinamm@yandex.ru*

Ксения А. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kseniaprimavera@mail.ru*

Аннотация. Исследование психологических особенностей подростков (на примере российских и узбекских подростков), склонных к девиантному поведению, из разных культур позволяет выявить проявление определённых ценностных установок, а также определить тенденции их развития. Девиантное поведение подростков следует рассматривать как социальный меж-культурный феномен, включающий психологические особенности. Формирование девиаций в социокультурном поведении подростка, с одной стороны, может приводить к деструктивному поведению, а с другой, позволяет подросткам реализовать инновационный потенциал и выйти на новый уровень собственного развития. В результате исследования: интересными, на взгляд авторов, являются выявленные высокие показатели по шкале лжи узбекских подростков, которые репрезентируют несклонность респондентов к социально желательным ответам, что отражает специфику их реального мышления и поведения. Они имеют повышенный стандарт нравственных оценок, а также особый способ восприятия социальных норм. У российских подростков преобладают эмоционально-фокусированные копинг-стратегии в решении конфликтных ситуаций, а у узбекских подростков преобладает стратегия избегания неудач. Практическая значимость: разработка психолого-педагогической программы для работы с подростками, склонными к девиантному поведению, будет способствовать повышению качества общения с ними, и как следствие – улучшению психологического климата в семьях и школьных коллективах, снижению уровня ксенофобных устано-

вок, повышению уровня осознанности своей роли и компетентности родителей и педагогов в вопросах понимания генезиса девиантного поведения и способов его предупреждения.

Ключевые слова: девиантное поведение, культурный контекст, подростки, традиционное и транзитивное общество, социокультурный аспект

Для цитирования: Воробьева К.А., Мишина М.М. Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению (на примере российских и узбекских подростков) // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. №4. С. 1176–139. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-117-139

Psychological characteristics of teenagers prone to deviant behavior.

On the example of Russian and Uzbek teenagers

Marina M. Mishina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mishinamm@yandex.ru*

Ksenia A. Vorobyeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kseniaprimavera@mail.ru*

Abstract. The study of the deviant behavior of adolescents from different cultures allows us to identify cultural differences in their psychological characteristics, as well as to determine the development tendencies of adolescents with deviant behavior. Deviant behavior of adolescents should be viewed as a social intercultural phenomenon. The formation of deviations in the sociocultural behavior of a teenager, on the one hand, can lead to destructive behavior, on the other hand, it allows teenagers to realize their innovative potential and reach a new level of their own development. Results of the research: in the opinion of the authors, the revealed high indicators on the scale of lies of Uzbek adolescents, which represent the reluctance of respondents to socially desirable answers, are interesting. This reflects the specifics of their real thinking and behavior. They have a heightened standard of moral judgment, as well as a special way of perceiving social norms. Emotionally focused coping strategies prevail among Russian adolescents in resolving conflict situations, while among Uzbek adolescents the strategy of avoidance prevails. Practical significance: The development of a psychological and pedagogical program for

working with adolescents, prone to deviant behavior, will help to improve the quality of communication with them, and as a result – to improve the psychological climate in families and school collectives, reduce the level of xenophobic attitudes, increase the level of awareness and competence of parents and teachers in understanding the genesis of deviant behavior and ways to prevent it.

Keywords: deviant behavior, cultural context, adolescents, traditional and transitive society, socio-cultural aspect

For citation: Mishina, M.M. and Vorobyeva, K.A. (2020), “Psychological characteristics of teenagers prone to deviant behavior. On the example of Russian and Uzbek teenagers”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 117–139, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-117-139

Введение

В современном мире возрастает актуальность кросс-культурных исследований личностных особенностей молодежи, склонной к девиантному поведению. Процессы глобализации, происходящие в новом постиндустриальном транзитивном обществе, влекут за собой многочисленные политические, экономические, социально-культурные изменения. Активное внедрение современных технологий в повседневную жизнь оказывает серьезное воздействие на нормы поведения, общения, учебной и профессиональной деятельности человека [Марцинковская, Дубовская 2011]. Культура является важнейшим фактором подростковой социализации, определяющим ее содержание, средства и способы поведения молодых людей.

Для рассмотрения генезиса девиантного поведения мы выбрали возрастную социокультурную группу подростков, по определенным причинам: во-первых, подростковый возраст – это период развития, характеризующийся усилением девиантного и антисоциального поведения [Moffitt 2006]; во-вторых, в подростковый период система ценностных ориентаций находится в стадии формирования, и именно в этот период ценностные ориентации становятся устойчивыми свойствами личности [Мальгин 2008]; в-третьих, неустойчивость эмоционально-волевой сферы, повышенная тревожность и различные отклонения в поведении, неадекватная самооценка, изменение высших психических функций, форм и способов взаимодействия с окружающими, вовлеченность в систему Интернет как культурное орудие – все это характеризует новую социальную ситуацию развития современных подростков в транзитивном обществе [Марцинковская 2011]. Подросткам свойственна чувствительность, которая делает их уязвимее и беспомощнее перед различными стрессорами [Во-

робьева 2020]. Под влиянием социальной среды подросткам приходится быстро адаптироваться к новым социальным ролям, постоянно выбирать способы реагирования на возникающие трудные жизненные ситуации. Вызовы транзитивного информационного общества и различного рода риски, в том числе онлайн-риски, могут провоцировать проявления девиантного поведения как защитной реакции и способа справляться со стрессом, сильными эмоциями, которыми подросток еще не научился управлять [Яковлев и др. 2019].

Девиантное поведение подростков – это, с одной стороны, отражение процессов, происходящих в обществе, а с другой стороны, изменения, связанные с системой отношений с ближайшим окружением подростка (с друзьями, в семье, с одноклассниками) и в референтной группе. Исследование девиантного поведения подростков разных национальностей позволит нам выявить культурные различия в психологических особенностях подростков, склонных к девиантному поведению, а также определить тенденции развития девиантного поведения как социального межкультурного феномена [Федулова 2010].

Девиантное поведение изучается довольно давно, однако его исследование не теряет своей актуальности и в наше стремительно меняющееся время. Причиной склонности к девиациям может послужить нарушение адекватных связей подростка с основными социальными институтами – семьей, школой, СМИ и интернетом. Социальные институты вносят серьезный вклад в формирование личности подростков, что, в свою очередь, предопределяет процесс социализации и то, насколько успешно они научатся взаимодействовать со средой, как будут выстраивать свое взаимодействие с другими людьми, какие пути выхода из стрессовых ситуаций будут выбирать [Глушкова 2007].

Исследование девиаций в социокультурном поведении подростков предполагает анализ соотношения таких понятий, как «культура» и «девиантное поведение», поскольку именно в этом соотношении и возможно проследить специфику и особенности молодежной культуры на современном этапе.

Традиционно исследователи выделяют следующие факторы, детерминирующие отклоняющееся поведение подростков (А. Бандура и Р. Уолтерс, Л. Берковиц, И.Б. Бойко, Р. Бэрон, С.Н. Ениколопов, О.А. Карабанова, В.С. Собкин, Г.У. Солдатова и А.И. Чекалина).

1. Индивидуально-психологические факторы – черты характера, обусловленные как социально, так и психологически.

2. Социально-психологические факторы – специфика взаимоотношений с ближайшим окружением, нарушения социализации.

3. Социальные факторы – негативное воздействие социальных, культурных, экономических и экологических факторов.

4. Социально-педагогические факторы – травмирующие события и явления в семье и в школе, общий низкий уровень культуры.

5. Моббинг и боссинг – специфика педагогического и психологического террора в кругу сверстников, в школе, в семье.

Чаще всего появление девиантного поведения вызвано не одним, а группой детерминант, комплексно влияющих на становление личности в подростковом возрасте. По этой причине работа с поведенческими девиациями требует системного подхода как в проведении профилактических мероприятий, так и психолого-педагогической коррекции личностных качеств и деструктивных форм поведения, в предоставлении своевременных консультаций родителям подростков и реализации социальной реабилитации детей и подростков группы риска.

Девиации в социокультурном поведении представляют собой социальный процесс, обусловленный наличием в культуре отклоняющихся ценностей. В социокультурном поведении подростков они являются характеристикой масштабности распространения девиантных ценностей и норм [Зиннуров 2012]. Формирование девиаций в социокультурном поведении подростка, с одной стороны, может приводить к деструктивности, с другой, позволяет реализовать инновационный потенциал и выйти на следующий уровень как собственного развития, так и общества в целом.

Подростки из Москвы живут в многонациональной столице, где за одной партой учатся дети разных культур. Психологический климат в семье, традиции, воспитание и привычки семей разных национальностей могут сильно отличаться друг от друга, что, в свою очередь, способно спровоцировать различные конфликты и ксенофобские установки у детей и подростков. Именно поэтому так важно исследовать, анализировать и сравнивать психологические особенности подростков разных культур, например, России и Узбекистана. Результаты таких исследований могут послужить основой для оказания целенаправленной продуктивной помощи детям и родителям, а также с целью построения эффективной педагогической деятельности.

Практическая значимость. Технический прогресс и стремительные перемены в социально-культурной среде, новая социальная ситуация развития подростков из разных культур, особенности цифрового поколения требуют от педагогов и родителей высокой степени компетентности в вопросах воспитания, обучения и общения для гармонизации и преодоления межпоколенного

непонимания при взаимодействии. Разработка практической программы работы с подростками, склонными к девиантному поведению, будет способствовать повышению качества общения с ними, и как следствие – улучшению психологического климата в семьях и школьных коллективах, снижению уровня ксенофобных установок, повышению уровня осознанности и компетентности родителей и педагогов в вопросах понимания генезиса девиантного поведения и способов его предупреждения.

Объект исследования: склонность к девиантному поведению в подростковом возрасте

Предмет исследования: психологические особенности подростков из России и Узбекистана с нормотипичным и девиантным поведением.

Гипотезы

Общая гипотеза. У подростков из России и Узбекистана существуют значимые различия по некоторым психологическим показателям.

Частные гипотезы:

- узбекские подростки более склонны к физической агрессии, проявлению гнева и враждебности, чем российские, что связано со спецификой родовой структуры семьи и общества в целом, где приоритетной социокультурной ценностью является защита рода;

- у российских подростков будут преобладать эмоционально-фокусированные копинг-стратегии, а у узбекских – стратегия избегания, так как в традиционном обществе индивид не принимает самостоятельных решений, а ответственность за разрешение проблем лежит на общине;

- узбекские подростки более склонны давать социально-одобряемые варианты ответов, чем российские, так как представители традиционного общества не рефлексировывают события, им требуется согласование своего решения с принятыми социокультурными установками и ценностями рода, общины;

- показатели шкалы лжи и установки на социально желательные ответы обратным образом связаны с показателями шкал физической агрессии, гнева, враждебности, склонности к насилию и делинквентному поведению, так как родовые понятия интериоризированы в личности, и, совершив акт агрессии или враждебности, представители традиционного общества стараются скрыть проявления своего девиантного поведения.

Описание выборки

Описание критериев распределения подростков по группам: девиантных и нормативных:

- педагогический критерий: прогулы, агрессия, конфликты с одноклассниками, участие в буллинге, неблагополучные семьи;

- психологический критерий: результаты психодиагностики по опроснику «Склонности к отклоняющемуся поведению» (Орел А.Н.);

- объективный критерий: постановка на внутришкольный учет и на учет в полиции за административные правонарушения.

Выборка из Узбекистана. В исследовании приняли участие 56 подростков (43% девушек и 57% юношей) в возрасте от 14 до 18 лет. В данную выборку вошли 24 девушки и 32 юноши образовательного учреждения Узбекистана: 25 человек (45% выборки) с нормотипичным поведением (11 юношей и 14 девушек) и 31 человек (55% выборки) со склонностью к девиантному поведению (21 юноша и 10 девушек).

Выборка из России. В исследовании приняли участие 67 подростков (70% девушек и 30% юношей) в возрасте от 14 до 18 лет. В данную выборку вошли 30 подростков (45% выборки), проявляющие склонность к девиантному поведению (20 девушек и 10 юношей) и 36 подростков с нормотипичным поведением (55% выборки), из них 27 девушек 9 юношей.

Процедура проведения исследования в Узбекистане

Исследование проводилось в городе Кумкурган, Сурхандарьинская область (около 800 км от Ташкента). Инструктаж по предстоящей работе осуществлял школьный психолог, который в общем виде объяснил цель исследования психологических особенностей. Все узбекские подростки хорошо владели русским языком. Для укрепления мотивации подросткам предлагалось по их желанию получить интерпретацию своих результатов. Также им была предоставлена возможность пройти все методики анонимно.

Процедура проведения исследования в Москве

Работа с подростками проводилась школьным психологом в форме очных встреч. Каждый респондент получал подробный инструктаж по предстоящей работе, в котором в общем виде объяснялись цели проведения методик. Для укрепления мотивации психолог предлагал подросткам по их желанию получить интерпретацию своих результатов. Также им была предоставлена возможность пройти все методики анонимно.

Процедура проведения исследования в Москве и в Узбекистане была идентична.

Методики исследования

1. Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), А.Н. Орел;
2. Диагностика агрессии и враждебности (опросник А. Басса и М. Перри);
3. Личностный опросник Г. Айзенка;

4. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» в адаптации Т.А. Крюковой (Н.С. Эндлер, Д.А. Паркер).

Статистический анализ полученных данных осуществлялся с помощью статистической программы SPSS Statistics 17.0. Различия между группами оценивали при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни. Для оценки корреляционных связей между показателями применяли коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Различия считали достоверными при уровне значимости $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

Анализ средних значений и различий критерия U Манна-Уитни

Для определения наличия и различных форм поведенческих девиаций у подростков была проведена методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел). Для анализа были посчитаны средние значения и проведены расчеты с помощью критерия U Манна-Уитни по всем шкалам «СОП». Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Показатели склонности к различным формам отклоняющегося поведения и установки на социально-желательные ответы у российской и узбекской выборок (по критерию U Манна-Уитни)

Выборка	Шкала установки на социально-желательные ответы	Шкала склонности к преодолению норм и правил	Шкала склонности к аддиктивному поведению	Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению
Российские подростки (n=67)	38,70	79,95	82,89	66,55
Узбекские подростки (n=56)	88,38	39,75	36,29	55,54
U Манна-Уитни	343	630	436	1514,5
Z	-7,769**	-6,283**	-7,271**	-1,720

Примечания: ** Значимость различий на уровне $p < 0.01$

После проведения анализа данных с помощью критерия U Манна-Уитни мы обратили внимание на сильно завышенный показатель установки на социально-желательные ответы у подростков из Узбекистана (см. Табл. 1). Завышенный показатель по шкале установки на социально-желательные ответы у подростков из Узбекистана может объясняться законами и тра-

дициями национальной политики страны, где инакомыслие решительно пресекалось на государственном уровне достаточно продолжительное время, чтобы выросло поколение молодежи, которое жестко регламентировано как законами, так и культурными традициями [Нажмидинова 2012, Мелибаев 2019]. С другой стороны, повышенные показатели по шкале лжи могут репрезентировать не склонность респондентов к социально-желательным ответам, а специфику их реального мышления и поведения, наличие у них повышенного стандарта нравственных оценок, а также особый способ восприятия социальных норм [Мягков 2006]. При этом значимых различий между группами нормотипичных и проблемных подростков Узбекистана выявлено не было. Это значит, что подростки, чье поведение оценивалось педагогом как проблемное, отвечали примерно так же, как и подростки, ведущие себя социально приемлемо. Данные результаты еще раз подтверждают выводы, сделанные выше.

Показатели по шкалам различных форм отклоняющегося поведения у подростков из российской выборки по всем шкалам, кроме установки на социально-желательные ответы и принятия женской роли, оказались значительно выше, чем показатели у узбекских подростков. Высокая степень принятия женской роли у девушек из Узбекистана свидетельствует о наличии у них ожиданий, установок и поведенческих стереотипов, связанных с традиционным предназначением женщины в классической модели семьи.

Таблица 2

Показатели склонности к различным формам отклоняющегося поведения и принятие женской социальной роли у российских и узбекских подростков (по критерию U Манна-Уитни)

Выборка	Шкала склонности к агрессии и насилию	Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	Шкала склонности к делинквентному поведению	Шкала принятия женской социальной роли
Российские подростки (n=67)	74,71	79,76	78,73	31,44
Узбекские подростки (n=56)	45,93	39,98	41,19	44,94
U Манна-Уитни	976	643	710	349,5
Z	-4,488**	-6,211**	-5,859**	-2,621*

Примечания: ** Значимость различий на уровне $p < 0.01$. * Значимость различий на уровне $p < 0.05$

Анализ данных российской выборки с помощью критерия У Манна-Уитни выявил различия между группами нормотипичных и проблемных подростков по всем показателям. Это может быть связано с тем, что группе нормотипичных подростков в российской выборке не свойственны склонности к девиантному поведению. Обе группы дали достаточно искренние ответы, о чем свидетельствуют значения шкалы установки на социально-желаемые ответы, которые находятся на среднем уровне. Можно предположить, что в России совсем другая политическая обстановка и менталитет, позволяющий относительно свободно выражать свое мнение. Однако эти различия являются статистически значимыми и указывают на то, что нормотипичные подростки в большей степени стремились дать социально-желательные ответы. Возможно, данный результат связан с процедурой проведения исследования и понятным желанием подростков показать себя с лучшей стороны.

Различия показателей шкалы принятие женской социальной роли менее очевидны: российские девушки нормотипичной группы находятся на адекватном уровне принятия женской социальной роли. В отличие от группы российских девиантных девушек, где показатель слегка снижен, что говорит как о непринятии женской социальной роли, так и о готовности к реализации мужских поведенческих стереотипов. Подобный результат достаточно очевиден. Стремительное развитие гражданского общества в современном мире влечет за собой неизбежное изменение ролей мужчин и женщин: женщины все более участвуют в принятии решений различного уровня, разворачивается всесторонняя защита гендерного равенства, учитываются его этнические и социокультурные аспекты [Кабайкина, Сущенко 2017].

Средний показатель по шкале принятия женской социальной роли у узбекских девушек выше, чем у российских девушек. Для Узбекистана характерна традиционная модель семьи, в которой отец – кормилец, а мать – домохозяйка, где отсутствует равноправие, где мужчина и женщина наделены определенными функциями, а смешение их ролей недопустимо. Именно такие семейные ценности и установки воспитываются у детей с раннего детства.

Далее будут описаны результаты анализа по российской выборке, так как среди нормотипичной и девиантной групп узбекских подростков не было выявлено значимых различий.

Для наглядности распределение средних значений между группами подростков российской выборки по методике «Склонности к отклоняющемуся поведению» будет представлено на рисунке 1.

В результате анализа средних показателей по шкалам методики «СОП» в группе российских девиантных подростков выявлены

завышенные показатели по таким шкалам, как склонность к преодолению норм и правил, склонность к аддиктивному поведению, склонность к агрессии и насилию и склонность к делинквентному поведению. В группе российских нормотипичных подростков завышенные показатели по методике «СОП» не были выявлены. Завышенные показатели некоторых видов поведенческих девиаций в группе российских девиантных подростков могут объясняться закономерным увеличением проявлений девиантного поведения в подростковом периоде, что является специфической нормой этого этапа возрастного развития, а также отсутствием необходимых навыков решения конфликтных ситуаций и использованием неадаптивных копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях.

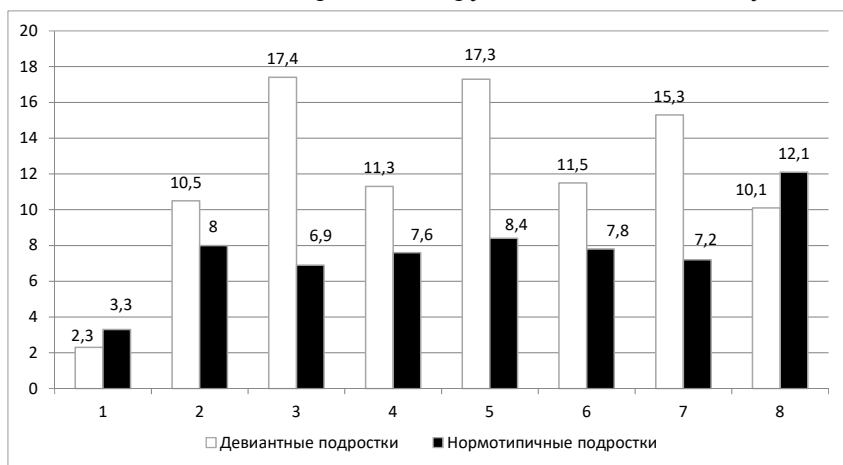

Рис. 1. Различия по показателю склонности к отклоняющемуся поведению (средние значения) в группе девиантных и группе нормотипичных по российской выборке

Примечания: 1 – установки на социально-желательные ответы, 2 – склонность к преодолению норм и правил, 3 – склонность к аддиктивному поведению, 4 – склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, 5 – склонность к агрессии и насилию, 6 – волевой контроль эмоциональных реакций, 7 – склонность к делинквентному поведению, 8 – принятие женской социальной роли.

Средние значения, которые соответствуют нормальному или среднему уровню выраженности, в группе российских девиантных подростков были получены по шкалам установки на социально-желаемые ответы и склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. В группе российских нормотипичных подростков на уровне нормы получены результаты по

шкалам установки на социально-желаемые ответы, склонность к преодолению норм и правил, по шкале волевой контроль эмоциональных реакций, а также по шкале принятие женской социальной роли. Это может свидетельствовать об открытости и искренности респондентов в момент процедуры исследования. Отсутствие склонности к различным формам девиантного поведения говорит о гармоничности развития личности и поведения подростков, а также достаточного развития у них адаптивных способностей.

Средние значения, которые являются сниженными, в группе российских девиантных подростков были получены по шкалам волевой контроль эмоциональных реакций и принятие женской социальной роли. В группе российских нормотипичных подростков пониженные значения выявлены по шкалам склонность к аддиктивному поведению, склонности к саморазрушающему и самоповреждающему поведению, склонности к агрессии и насилию, а также шкале склонности к делинквентному поведению.

Результаты сравнения групп по полу для наглядности представлены на рисунке 2.

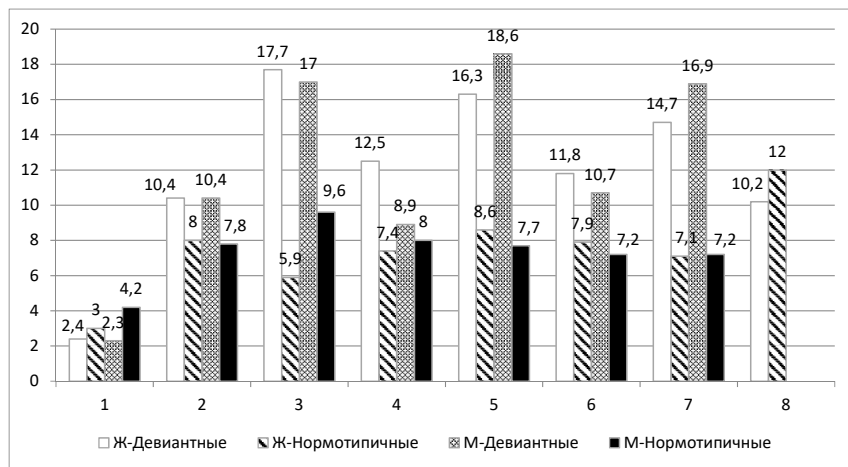

Рис. 2. Половые различия склонности к отклоняющемуся поведению (средние значения) по российской выборке

Примечания: 1 – установки на социально-желательные ответы, 2 – склонность к преодолению норм и правил, 3 – склонность к аддиктивному поведению, 4 – склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, 5 – склонность к агрессии и насилию, 6 – волевой контроль эмоциональных реакций, 7 – склонность к делинквентному поведению, 8 – принятие женской социальной роли

В результате анализа различия полученных данных по полу среди российских юношей нам удалось выявить следующее: повышенные показатели среди девиантных юношей наблюдаются по шкалам склонность к преодолению норм и правил, склонность к аддиктивному поведению, склонность к агрессии и насилию, склонность к делинквентному поведению; в группе российских нормотипичных юношей были повышены показатели по шкале социально-желаемые ответы. Это может быть вызвано как тенденцией среди нормотипичных подростков давать менее искренние ответы, так и желанием представить себя в наилучшем свете по причине низкого доверия к исследованию. Показатели девиантных подростков могут быть связаны с неблагоприятными детско-родительскими отношениями, потребностью в защите себя и своих чувств, а также с неспособностью строить доверительные отношения с окружающими людьми.

Средние, умеренно выраженные показатели среди юношей в девиантной группе были получены по шкале установки на социально-желаемые ответы. В нормотипичной группе показатели на уровне нормы получены по шкале склонность к преодолению норм и правил и шкале волевого контроля эмоциональных реакций. Это можно объяснить готовностью девиантных юношей давать искренние ответы во время исследования и желанием скрыть истинное стремление к неконформистскому поведению. Пониженные показатели среди юношей, склонных к девиантному поведению, наблюдается по шкале склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению и шкале волевого контроля эмоциональных реакций. У нормотипичных юношей понижены показатели по шкалам склонность к аддиктивному поведению, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, шкале склонности к агрессии и насилию и шкале склонности к делинквентному поведению. Основанием подобного результата могут служить сформированные навыки к совладанию с актуальной жизненной ситуацией, психологическое благополучие и гармоничные взаимоотношения с окружающими.

В группе девиантных девушек повышенные показатели были выявлены по шкале склонность к преодолению норм и правил, шкале склонности к аддиктивному поведению, шкале склонности к агрессии и насилию, шкале склонности к делинквентному поведению и шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. В группе нормотипичных девушек повышенные показатели выявлены не были. Возможной причиной наличия склонности к отклоняющемуся поведению у девушек могут являться деструктивные детско-родительские отношения, отсутствие умений справляться со стрессом, а также низкая цен-

ность собственной жизни, склонность к риску и желание привлечь к себе внимание окружающих.

Показатели на уровне нормы среди девушек были получены по шкале установки на социально-желаемые ответы. В группе нормотипичных девушек показатели, входящие в норму, соответствуют шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, шкале установки на контроль эмоциональных реакций и шкале принятие женской социальной роли. Это может объясняться готовностью давать искренние ответы в ходе исследования, представлением о ценности собственной жизни и психологическим благополучием нормотипичных подростков.

Сниженные показатели средних значений в группе девиантных девушек были получены по шкале принятие женской социальной роли. В нормотипичной группе по шкале склонность к преодолению норм и правил, шкале склонности к аддиктивному поведению, шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, шкале склонности к агрессии и насилию и шкале делинквентного поведения показатели находятся в пределах нормы. Непринятие своей женской роли у девиантных девушек может быть связано с отсутствием близких отношений с матерью и отсутствием принимаемого примера реальной женщины в жизни девиантных подростков, и - как следствие – трансформация женской роли, стремление к равноправию с мужчинами, реализации себя не только в семь, но и в профессиональной деятельности.

Для исследования уровня нейротизма и экстраверсии был использован Личностный опросник Г. Айзенка. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели экстраверсии, нейротизма, лжи по критерию U Манна-Уитни по российской и узбекской выборке («Личностный опросник Г. Айзенка»)

Выборка	Экстраверсия	Нейротизм	Шкала лжи
Российские подростки (n=67)	68,23	65,8	42,91
Узбекские подростки (n=56)	53,57	56,43	83,41
U Манна-Уитни	1404	1564	621
Z	-2,292*	-1,464	-6,372**

Примечания: ** Значимость различий на уровне $p < 0.01$. * Значимость различий на уровне $p < 0.05$.

Проанализировав данные с помощью критерия U Манна-Уитни, мы снова получили высокие показатели по шкале лжи у

подростков из Узбекистана, которые почти в два раза превышают показатели российской выборки. Такой результат подтверждает предыдущие результаты. Обнаружены различия по шкале экстраверсии: у подростков России она выражена больше, чем у подростков Узбекистана. Значимых различий по шкале нейротизм не обнаружено. Подробнее можно рассмотреть результаты на рисунке 3.

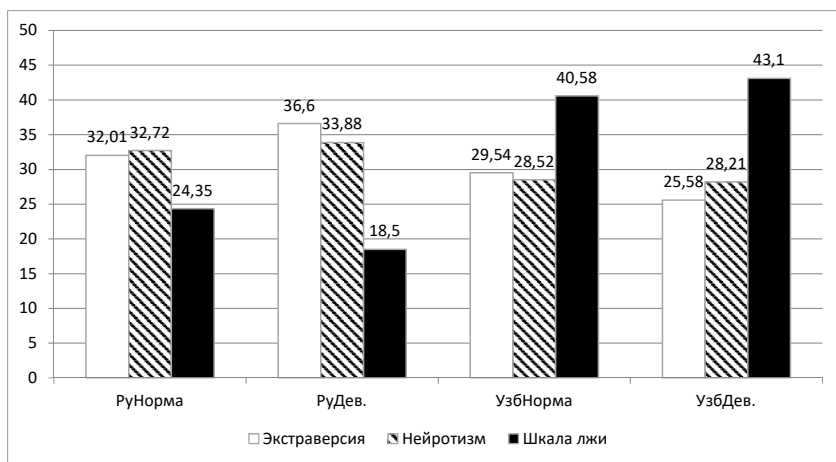

Рис. 3. Показатели экстраверсии, нейротизма и лжи у российских и узбекских нормотипичных и девиантных подростков

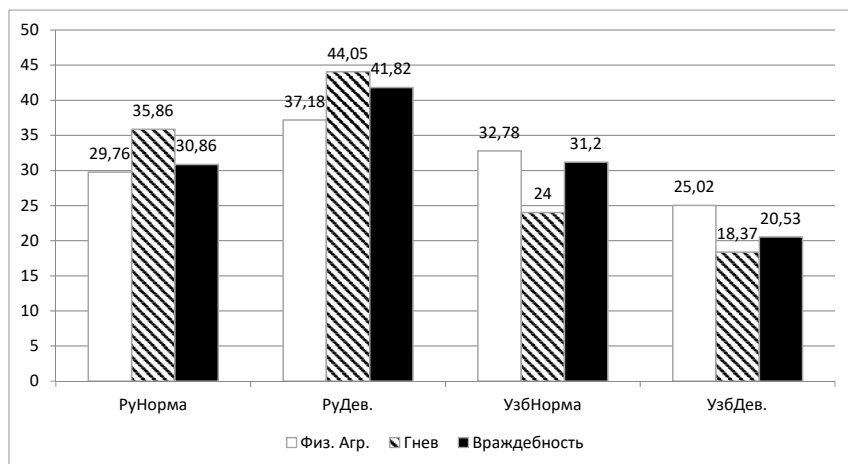

Рис. 4. Средние значения по показателю склонности к физической агрессии, гневу и враждебности у российских и узбекских нормотипичных и девиантных подростков

Самые высокие показатели шкалы лжи у девиантных подростков Узбекистана, им немного уступает группа нормотипичных подростков Узбекистана. Значительно меньше показатели по шкале лжи у российских нормотипичных подростков и наименьшие значения – у девиантных российских подростков.

Выше всего средние значения по шкале экстраверсии у российских девиантных подростков, на втором месте – группа российских нормотипичных, на третьем – группа нормотипичных Узбекистана и меньше всего показатели экстраверсии у девиантных подростков Узбекистана. В такой же последовательности расположены показатели по шкале нейротизма.

Для исследования уровня агрессии, гнева и враждебности была проведена «Методика агрессии и враждебности» (А. Басса и М. Перри). Для подробного ознакомления с данными обратимся к таблице 4, в которой отражены средние значения по всем шкалам методики по группам девиантных и нормотипичных подростков.

Таблица 4

Показатели физической агрессии, гнева, враждебности подростков российской и узбекской выборкам (по критерию U Манна-Уитни)

Выборка	Физическая агрессия	Гнев	Враждебность
Российские подростки n = 67	62,27	76,70	68,37
Узбекские подростки n = 56	60,59	43,58	53,40
U Манна-Уитни	1797	844,5	1394,5
Z	-,262	-5,163**	-2,333*

Примечания: ** Значимость различий на уровне $p < 0.01$ * Значимость различий на уровне $p < 0.05$

После анализа данных с помощью критерия U Манна-Уитни достоверно значимые различия были получены по шкалам гнев и враждебность. При этом мы снова можем наблюдать, что показатели российских подростков выше, чем у подростков из Узбекистана. Далее на рисунке 4 рассмотрим показатели средних значений по группам более подробно.

В группе российских девиантных подростков все значения превышают норму: шкалы: физическая агрессия (инструментальный компонент агрессии), гнев (аффективный компонент агрессии) и враждебность (когнитивный компонент агрессии), в отличие от группы девиантных узбекских подростков, показатели

которых даже ниже, чем у нормотипичных узбекских подростков. На основе полученных данных мы можем предположить, что группе российских девиантных подростков свойственна повышенная готовность к применению физической силы против другого человека, при малейшем возбуждении подростки склонны проявлять сильные негативные чувства, а также прослеживается тенденция к острому переживанию чувства несправедливости, ущемленности и неудовлетворенности потребностей и желаний.

По сравнению с ними в группе российских нормотипичных подростков все показатели находятся в пределах нормы и вышеперечисленных тенденций не наблюдается, что может указывать на способность этих подростков к высокой степени контроля своих чувств и эмоций. Причина этого может лежать в гармоничных отношениях с родителями, которые в достаточной мере удовлетворяют потребности своего ребенка, доверяют ему и считаются с его интересами, что позволяет подростку не только чувствовать себя защищенно и уверенно, но и находить поддержку среди близких в трудной жизненной ситуации.

Для исследования копинг-стратегий была использована методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Т.А. Крюкова). Для наглядности данные о средних значениях по всей выборке внесены в таблицу 5.

Таблица 5

Особенности копинг-стратегий подростков российской и узбекской выборки (по критерию U Манна-Уитни)

Выборка	ПОК	ЭОК	КОИ
Российские подростки (n=67)	68,27	74,21	54,36
Узбекские подростки (n=56)	53,53	46,52	69,92
U Манна-Уитни	1401,5	1009	1376
Z	-2,296*	-4,312**	-2,425*

Примечания: Показатели ПОК – проблемно-ориентированный копинг, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, КОИ – копинг, ориентированный на избегание. ** Значимость различий на уровне $p < 0.01$. * Значимость различий на уровне $p < 0.05$.

Проанализировав данные, полученные с помощью критерия U Манна-Уитни, мы видим, что достоверно значимые различия были получены по шкале проблемно-ориентированный копинг (ПОК), эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК) и шкале копинга, ориентированного на избегание (КОИ). Наиболее статистически

значимые различия были обнаружены в показателях по шкале эмоционально-ориентированного копинга.

Можно заметить, что у российских подростков преобладают проблемно-ориентированный и эмоционально-ориентированный копинги, а у подростков Узбекистана – стратегия избегания. Подробнее различия представлены на рисунке 5.

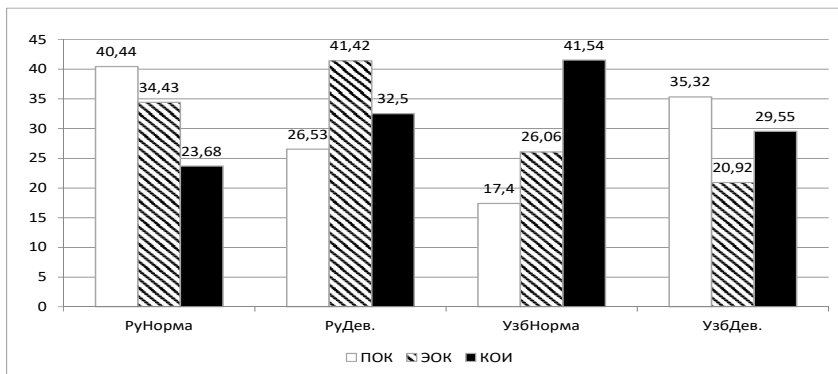

Рис. 5. Средние значения копинг-стратегий подростков российской и узбекской выборки (по критерию U Манна-Уитни)

Примечания: показатели ПОК – проблемно-ориентированный копинг, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, КОИ – копинг, ориентированный на избегание. Группы слева направо: российские нормотипичные, российские девиантные, нормотипичные Узбекистана, девиантные Узбекистана.

В группе российских девиантных подростков чаще всего используется эмоционально-ориентированный копинг. Подростки обращаются за поддержкой к другу или близкому человеку, чтобы он помог отвлечься или разрешить возникшие проблемы. Стратегия избегания стрессовой ситуации используется реже, но ее выраженность также выше среднего. При этом, выбирая стратегию избегания, подростки чаще всего переключаются на хобби, отдых или развлечения. Реже всего девиантные подростки используют стратегию решения задач – ее значение выражено на низком уровне.

В отличие от предыдущей группы у российских нормотипичных подростков преобладает стратегия решения задач, по этой шкале самые высокие показатели, остальные копинг-стратегии выражены в меньшей степени. На втором месте стратегия эмоционального реагирования. На третьем месте стратегия избегания.

В группе девиантных узбекских подростков чаще всего используется проблемно-ориентированный копинг. Мы можем предположить, что им свойственно не откладывать решение

проблемы «на потом», а сконцентрироваться на ее анализе и принятии наиболее оптимального решения. Это может говорить о более высоком уровне эмоциональной регуляции и о способности справиться с внутренней напряженностью, хотя зачастую в сложной ситуации они могут действовать, исходя из своих эмоций и внутренних ощущений. (Однако не следует забывать об общей тенденции подростков Узбекистана давать социально-желательные ответы.) На втором месте – стратегия избегания, на третьем – ориентированность на эмоционально-ориентированный копинг.

Нормотипичным узбекских подросткам свойственно избегать решения проблемной ситуации, для них характерно отвлечение на отдых, любимые занятия, развлечения и общение с близкими людьми. В стрессовой ситуации подросткам крайне сложно совладать с эмоциями, они могут испытывать сильное внутреннее напряжение, беспокойство и растерянность, что может мешать им сосредоточиться на своих ошибках и приводит к неспособности эффективно решить проблему. Стремление сосредоточиться на проблеме и проанализировать ее выражено очень слабо, это может быть связано с неуверенностью в своих силах после неудачных попыток в прошлом, несформированностью навыков эффективного поведения и копинг-стратегий, а также отсутствием поддержки со стороны родителей.

Выводы

Общая гипотеза подтвердилась: между психологическими особенностями подростков из России и Узбекистана существуют значимые различия по ряду показателей:

1. *Узбекские подростки более склонны к физической агрессии, проявлению гнева и враждебности, чем российские подростки.* Показатели по шкалам методики агрессии и враждебности (А. Басс, М. Перри) опровергли эту гипотезу. Однако общая тенденция респондентов из Узбекистана давать социально-желательные ответы не позволяет нам считать данные результаты достоверными, с одной стороны, а с другой – вместо измерения социальной желательности ответы подростков могут фиксировать личностные характеристики респондентов, обусловленные спецификой их традиционной культуры, образа жизни, мышления и поведения, а также нравственных ценностей, стандартов поведения и воспитания.

2. *У российских подростков преобладают эмоционально-фокусированные копинг-стратегии, а у узбекских подростков преобладает стратегия избегания.* Данная гипотеза подтвердилась. Действительно, самые высокие показатели у российской выборки были получены по шкале эмоционально-ориентированного копинга, а у респондентов из Узбекистана преобладают стратегии избегания проблемных ситуаций.

3. *Узбекские подростки более склонны давать социально-одобряемые варианты ответов, чем российские.* Эта гипотеза также подтвердилась. У подростков из Узбекистана, действительно, показатели по шкалам лжи и установки на социально-желательные ответы превышают норму. В отличие от российских подростков, у которых данные показатели находятся в пределах нормы.

4. *Высокие показатели шкалы лжи и установки на социально желательные ответы обратным образом связаны с показателями шкал физической агрессии, гнева, враждебности, склонности к насилию и делинквентному поведению.* Последняя гипотеза подтвердилась частично. У узбекских подростков обнаружены обратные связи показателей шкалы лжи и установки на социально-желательные ответы с показателями физической агрессии, гнева, враждебности, склонности к насилию и девиантному поведению.

Повышенные оценки по шкале лжи репрезентируют не склонность респондентов к социально желательным ответам, а специфику их реального мышления и поведения, повышенный стандарт нравственных оценок, а также особый способ восприятия социальных норм. Свидетельством в пользу этого предположения выступает тот факт, что респонденты с высокими нравственными стандартами обычно набирают большее количество баллов по шкале лжи, чем респонденты из противоположной группы.

Заключение

Девиации и агрессия, занимающие существенное место в жизни подростков, формируются в условиях их социализации, что определяется установками и культурой общества. Изучение процесса социализации подростков требует обязательного учета влияния кросс-культурных факторов на личность. Существенный вклад в становление личности вносят этнические стереотипы и установки родительского воспитания, которые, в свою очередь, тесно связаны со стереотипами данной культуры, установками и семейными традициями.

Анализ причин возникновения девиантного поведения молодого поколения невозможен без учета культурных особенностей окружающей среды как его детерминантов. Исследования в этом направлении позволят разработать программу по профилактике девиантного поведения подростков в многонациональной образовательной среде.

Социокультурная адаптация подростков девиантного типа обеспечивается одновременным протеканием ряда процессов, которые способствуют ее гармонизации на уровнях личности, культуры и общества: процесса развития, обеспечивающего становление индивидуально-личностных характеристик лично-

сти; инкультурации, направленной на усвоение технологий, образцов и требований культуры, чьим результатом является интеллигентность личности как совокупность приобретенных культурных норм, интегрированных с нормами родной культуры; а также социализации, обеспечивающей развитие социально-коммуникативных характеристик личности.

Литература

Воробьева 2020 – *Воробьева К.А.* Актуальные проблемы профилактики девиантного поведения и обеспечение психологической безопасности подростков в образовательном процессе // Материалы III Международной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы современного образования: пути и способы их решения». Дербент: Дербентский филиал МПГУ, 2020. С. 163–170.

Глушкова 2007 – *Глушкова О.В.* Использование возможностей учебного коллектива для профилактики и коррекции девиантного поведения // Психологическая наука и образование. 2007. № 5.

Зиннуров 2012 – *Зиннуров Ф.К.* Об этапах становления педагогической системы профилактики девиантного поведения подростков // Личность, школа и право в условиях модернизации образования: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Национальный книжный центр, 2012. С. 86–88.

Кабайкина, Сущенко 2017 – *Кабайкина О.В., Сущенко О.А.* Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 23(3). С. 140–155.

Малыгин 2008 – *Малыгин С.С.* Новые тенденции в девиантном поведении несовершеннолетних и коррекция предупредительных мер // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 5.

Марцинковская, Дубовская 2011 – *Марцинковская Т.Д., Дубовская Е.М.* Социализация подростков и молодежи в разных институтах социализации и в различных социокультурных условиях. М.: ФИРО, 2011. 11 с.

Мелибаев 2019 – *Мелибаев Н.* 10 главных изменений в Узбекистане за время президентства Шавката Мирзиёева [Электронный ресурс] // informБЮРО. URL: <https://informburo.kz/stati/10-glavnyh-izmeneniy-v-uzbekistane-za-vremya-prezidentstva-shavkata-mirziyoeva.html> (дата обращения 07 июня 2020).

Мягков 2006 – *Мягков А.Ю.* Шкалы лжи: опыт социологической реинтерпретации // Вестник ИГЭУ. 2006. Вып. 1.

Нажмидинова 2012 – *Нажмидинова К.* Национальная нравственная культура в семейном воспитании в Узбекистане [Электронный ресурс] //

CredoNew. 2012. №4. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/r4-2012/18140-nacionalnaya-nravstvennaya-kultura-v-semeynom-vozpitanii-v-uzbekistane.html (дата обращения 07 июня 2020).

Федулова 2010 – *Федулова А.В.* Социокультурные составляющие девиантного поведения несовершеннолетних. М.: ООО «Макс-Пресс», 2010.

Яковлев и др. 2019 – *Яковлев Б.П., Бабушкин Г.Д., Бабушкин Е.Г., Тарасенко И.Б.* Психолого-педагогические факторы возникновения девиаций в поведении современных подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1(76).

Moffitt 2006 – *Moffitt T.E.* Life-course-persistent versus adolescence-limited antisocial behavior // *Developmental psychopathology: Risk, disorder, and adaptation* / Ed. by D. Cicchetti, D.J. Cohen. NY: John Wiley & Sons, Inc., 2006. P. 570–598.

References

Fedulova, A.V. (2010), *Sociokul'turnye sostavlyayushchie deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih* [Socio-cultural components of the deviant behavior of minors], ООО “Maks-Press”, Moscow, Russia.

Glushkova, O.V. (2007), “Using the capabilities of the educational team for the prevention and correction of deviant behavior”, *Psychological science and education*, no. 5.

Kabaykina, O.V. and Sushchenko, O.A. (2017), “Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work”, *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 23(3), pp. 140–155.

Malygin, S.S. (2008), “New tendencies in deviant behavior of minors and correction of preventive measures”, *Issues of juvenile justice*, no. 5.

Martsinkovskaya, T.D. and Dubovskaya, E.M. (2011), *Socializaciya podrostkov i molodezhi v raznykh institutah socializacii i v razlichnykh sociokul'turnykh usloviyah* [Socialization of adolescents and youth in different institutions of socialization and in different socio-cultural conditions], FIRO, Moscow, Russia, 11 p.

Melibayev, N. (2019), “10 main changes in Uzbekistan during the presidency of Shavkat Mirziyoyev”, [Online], available at: <https://informburo.kz/stati/10-glavnyh-izmeneniy-v-uzbekistane-za-vremya-prezidentstva-shavkata-mirziyoeva.html> (Accessed 07 June 2020).

Moffitt, T.E. (2006), “Life-course-persistent versus adolescence-limited antisocial behavior”, in Cicchetti, D. and Cohen, D.J. (ed.), *Developmental psychopathology: Risk, disorder, and adaptation*, John Wiley & Sons, Inc., New York, USA, pp. 570–598.

Myagkov, A.Y. (2006), “Scales of lies: the experience of sociological reinterpretation”, *Bulletin of ISEU*, Iss. 1.

Nazhmidinova, K. (2012), "National moral culture in family education in Uzbekistan", [Online], available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/r4-2012/18140-nacionalnaya-nravstvennaya-kultura-v-semeynom-vospitanii-v-uzbekistane.html (date accessed 07.06.2020).

Vorobyeva, K.A. (2020), "Actual problems of prevention of deviant behavior and ensuring the psychological safety of adolescents in the educational process", *Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Psichologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya: puti i sposoby ih resheniya"* [Materials of the III International scientific-practical conference "Psychological and pedagogical problems of modern education: ways and means of their solution"], Derbent, Russia, February 2020, pp. 163–170.

Yakovlev, B.P., Babushkin, G.D., Babushkin, E.G. and Tarasenko, I.B. (2019), "Psychological and pedagogical factors of the occurrence of deviations in the behavior of modern adolescents", *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, vol. 24, no. 1(76).

Zinnurov, F.K. (2012), "On the stages of formation of the pedagogical system for the prevention of deviant behavior in adolescents", *Lichnost', shkola i pravo v usloviyah modernizatsii obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Personality, school, and law in the context of modernization of education: materials of the international scientific-practical conference: materials of the scientific-practical conference], Moscow, Russia, February, 2012, pp. 86–88.

Информация об авторах

Марина М. Мишина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; mishinamm@yandex.ru

Ксения А. Воробьева, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; [kсениaprimavera@mail.ru](mailto:kсениaпримaвeрa@mail.ru)

Information about the authors

Marina M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow Russia, 125993; mishinamm@yandex.ru

Ksenia A. Vorobyeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow Russia, 125993; kсениaprimavera@mail.ru

Человечность в организации: в контексте принципа культурного опосредования

Александр В. Булгаков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, av_bulgakov@mail.ru*

Аннотация. На основании принципа культурного опосредования в аспектах культура – среда, опосредствование, посредничество – рассмотрена модель «Человечность в межличностных и межгрупповых отношениях в организации», являющаяся глубокой модернизацией модели аллофилия Т. Питтински. К субшкалам шкалы А (симпатия, комфорт, сопричастность, увлеченность, близость) добавлены субшкалы шкалы Д (доминирование, антиэгалитаризм). Определены устойчивые обратные связи между субшкалами А и Д: максимальная – $r = -0,853$ – с субшкалой «Симпатия», и минимальная – $r = -0,456$ – «Комфорт», при этом больший вклад дает субшкала «Антиэгалитаризм». Проведен реальный эксперимент по Л.С. Выготскому, в котором рассмотрены ситуации обучения в период самоизоляции от COVID–19 в гуманитарном и ведомственном вузах. Выявлено, что индекс человечности (ИЧО) в образовательных организациях под воздействием пандемии имеет нелинейную динамику: от резкого падения индекса в первый месяц до плавного роста в последующие 3 месяца (к уровню повседневной жизни). При уравниваемости выборок (всего 66 чел.) по возрасту (20-22 года), полу (90% девушки), программе обучения «Психология служебной деятельности», схожесу по качеству подбору преподавателей, условиям обучения уровень ИЧО в гуманитарном вузе ниже, чем в ведомственном. Доказано, что причина – результат взаимодействия более упорядоченной организационной среды ведомственного вуза с личностными особенностями обучающихся, что снижает неопределенность, парадоксально ведет к повышению ИЧО. Культура опосредствования проявлялась в предъявлении типичности представлений о групповых и межгрупповых взаимодействиях, оценках стереотипности и предвзятости. Определена схожая социальная типичность групп при различии во взаимосвязях

ИЧО со стереотипностью и предвзятостью. Выявлена устойчивая положительная корреляция ИЧО со стереотипностью на уровне 0,01, отрицательная – с предвзятостью на уровне 0,05, что говорит о возможностях ИЧО в прогнозе проявления когнитивных и мотивационных социально-психологических явлений в различных группах испытуемых.

Ключевые слова: межгрупповая адаптация в организации, принцип культурного опосредования, предвзятость, социальная типичность, социальное доминирование, стереотипность, человечность межгрупповых отношений

Для цитирования: Булгаков А.В. Человечность в организации: в контексте принципа культурного опосредования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 140–164. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-140-164

Humanity in the organization: in the context of the principle of cultural mediation

Alexander V. Bulgakov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, av_bulgakov@mail.ru*

Abstract. On the basis of the principle of cultural mediation in aspects of culture – environment, mediation – the model of “Humanity in interpersonal and intergroup relations in the organization”, which is a deep modernization of T. Pittinski’s allophilia model, is considered. The subscales of the A scale (sympathy, comfort, involvement, enthusiasm, closeness) were added to the subscales of the D scale (dominance, anti-egalitarianism). Stable feedbacks were determined between subscales A and D: the maximum - $r = -0.853$ with the “Sympathy” subscale, and the minimum - $r = -0.456$ “Comfort”, while the subscale “Anti-egalitarianism” makes a greater contribution. A real experiment was carried out according to L.S. Vygotsky, in which the situations of study during the period of self-isolation from COVID-19 in humanitarian and departmental universities are considered. It was revealed that the humanity index (HIO) in educational organizations under the influence of the pandemic has a non-linear dynamics: from a sharp drop in the index in the first month to a gradual increase in the next 3 months (to the level of everyday life). With a balanced sample (66 people in total), by age (20-22 years old), gender (90% girls), the training program “Psychology of Service”, similar quality of teachers selection, learning conditions, the HIO level in a humanitarian university is lower than in the departmental. It has been proven that the reason is the result of the interaction of a more ordered organizational environment of a

departmental university with the personal characteristics of students, which reduces uncertainty, paradoxically leads to an increase of HIO. The culture of mediation was manifested in the presentation of the typicality of ideas about group and intergroup interactions, assessments of stereotyping and bias. A similar social typicality of groups was determined, with differences in the interrelationships between HIO and stereotyping and bias. A stable positive correlation of HIO with stereotyping at the level of 0.01, negative with a bias at the level of 0.05 was revealed, which speaks about the possibilities of HIO in predicting the manifestation of cognitive and motivational social-psychological phenomena in various groups of subjects.

Keywords: intergroup adaptation in the organization, the principle of cultural mediation, bias, social typicality, social dominance, stereotyping, humanity of intergroup relations

For citation: Bulgakov, A.V. (2020), "Humanity in the organization: in the context of the principle of cultural mediation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 140–164, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-4-140-164

Введение. Постановка проблемы

Отечественная социальная психология переживает активный этап накопления данных в тех областях знания, где зарубежная социальная наука уже сделала мощные шаги. Сегодня это повторение или модернизация эмпирических исследований классиков 50-90-х гг. прошлого столетия, адаптация методик первого десятилетия 21 в., проводимые в ведущих российских университетах. Безусловно, сравнение данных на разных выборках со значительным историческим сдвигом дает поучительные результаты и является шагом вперед по сравнению с простым переводом тех или иных методик на русский язык, используемым в слабо востребованных диссертационных исследованиях.

Одним из важных положений наследия Л.С. Выготского является принцип знакового опосредования. «Знаковое опосредование является ключевым моментом в культурном развитии человека, которое обозначает способ управления поведением, реализуемый самим индивидом. Все психическое развитие рассматривается как изменение структуры процесса психического за счет включения в нее знака (символа), что ведет к изменению натуральных, непосредственных процессов в культурные, опосредованные» [Выготский 2005]. Культура вполне может быть самостоятельным принципом, позволяющим раскрыть природу и многообразную феноменологию психической жизни не только личности, но и групп, организаций. В.Т. Кудрявцев обозначает эту позицию как принцип культурного опосредования.

В предыдущих наших работах на основе указанного принципа проведен сравнительный анализ результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях [Булгаков 2015]. Принцип культурного опосредования представлен как реципронная взаимосвязь трех аспектов культуры с соответствующими дескрипторами: среда (ценности, единство среды), опосредствование (инструментарий жизнедеятельности, деконтекстуализация медиаторов), посредничество (медиация как процесс и результат).

Целью настоящей статьи является дальнейшая эмпирическая апробация возможностей принципа на примере изучения и актуализации человечности в межличностных и межгрупповых отношениях в организации (далее человечность в организации).

Человечность в организации – конструкт, позволяющий оценить позитивные межличностные и межгрупповые отношения в организации, измеряемые с помощью модернизированной «шкалы А» Т. Питтински [Pittinsky 2005; Булгаков 2020], которая выстроена на основании теоретической модели аллофилия. *Allophilia* – лингвистический конструкт, созданный Т. Питтински из перевода слова «любовь» с латыни и греческого, в противовес понятию «неприязнь». Основным содержанием подхода Т. Питтински является радикальное отрицание дихотомической модели неприязнь-толерантность. Т. Питтински выстраивает конструкт «неприязнь – толерантность – *allophilia*» (Рис. 1), где толерантность – середина между неприязнью и положительными межгрупповыми отношениями. Подчеркивается неустойчивость толерантности: при конфликтах происходит соскальзывание толерантной личности обратно на позиции неприязни. Выход из такой ситуации – продвижение благоприятных, человеческих отношений к членам другой группы, т.е. *allophilia*. Мы предположили, что эвфемизмом в нашей культуре понятию «*allophilia*» является понятие «человечность в межличностных и межгрупповых отношениях».

Следует отметить, что негативные явления в организационных отношениях – традиционный объект социально-психологического изучения. Человечность (эвфемизм *allophilia*) не может быть вырвана из модели Т. Питтински «неприязнь-толерантность-*allophilia*». В организации важно изучение всех элементов. Так неприязнь, ущерб другим в организации является результатом доминирования как ее руководителей, так и отдельных сотрудников.

Сформулирована эмпирическая гипотеза исследования: человечность в группах образовательных организаций динамично меняется под воздействием внешнего фактора – самоизоляции от COVID-19. Человечность в межличностных и межгрупповых

отношениях трансформируется в зависимости 1) от принадлежности групп к гуманитарному или ведомственному вузу, стадии развития образовательной организации, типа организационной культуры в ней; 2) от социально-психологических технологий воздействия на членов группы, актуализирующих социальную типичность групп, стереотипность и предвзятость (ин-групповой фаворитизм); 3) от уровня посредничества в ней.

Методика изучения проблемы. Выборка

Исследование проводилось как практический эксперимент в понимании Л.С. Выготского, представляющий изучение взаимосвязи реально сложившихся уровней понимания человечности в реальных условиях образовательного учреждения. «Сходство с экспериментом сводится к тому, что и в нем мы имеем искусственную комбинацию явлений, в которой действие определенного закона должно проявиться в наиболее чистом виде; это есть как бы ловушка для природы, анализ в действии. ... Будучи направлены не на научные, а на практические цели, они «рассчитаны» на действие определенного психологического или физического закона» [Выготский 1982]. «Ловушка» для изучения понятия «человечность в организации» в контексте принципа культурного опосредования может быть «поставлена» (реализована) следующим образом.

Во-первых, путем использования базы эмпирических данных, получаемых на плановых учебных занятиях ведомственного и федерального университетов в январе-июне 2020 года (перед началом и в ходе самоизоляции от COVID-19), имеющих свои собственные цели, отличные от целей настоящего исследования. Во-вторых, следовало провести дальнейшую апробацию опросника «Индекс человечности в организации (ИЧО)» [Булгаков 2020], дополнив его шкалой доминантности. В-третьих, эмпирически обосновать модель человечности межличностных и межгрупповых отношений в организации как модернизацию модели *allophilia* [Питтинский 2005] в контексте аспектов принципа культурного опосредования. Наличие значительного количества переменных в исследовании говорит о его многослойной, «матрёшечной» структуре, где необходимой навигацией в море данных как раз и будет принцип культурного опосредования.

Человечность во всех организациях определялась на основании результатов модернизированного и адаптированного нами опросника «шкала А» Т. Питтински [Булгаков 2020], вошедшего в методику «Человечность-доминирование в организации (ЧДО)».

Инструкция. Назовите 3 асоциальные группы (это могут быть нищие, пьяницы, проститутки, др.) или социальные группы (возраст, профессия, этнос, др.), которые у Вас вызывают наибольшее эмоциональное напряжение: _____

(1) По шкале от 1 до 6 оцените отношения к Первой названной группе.

		от 1 до 6
1.	В целом у меня позитивное отношение к	
2.	Я уважаю	
3.	Мне нравятся	
4.	Я чувствую себя положительно по отношению к	
5.	Я спокоен в окружении	
6.	Мне комфортно, когда я отдыхаю с	
7.	Я чувствую, что могу быть собой рядом с	
8.	Я чувствую принадлежность к	
9.	Я чувствую общность с	
10.	Я хотел бы быть больше похожим на	
11.	Я действительно заинтересован в понимании точки зрения	
12.	Я мотивирован, чтобы лучше познакомиться с	
13.	Чтобы жизнь результативней, я хотел бы попытаться завести больше друзей, которые являются	
14.	Мне интересно услышать об опыте	
15.	Я удивлен	
16.	Я воодушевлен	
17.	Я в восторге от	

(2) *Оцените Ваши отношения с РУКОВОДСТВОМ организации.* Далее следует тот же перечень вопросов.

(3) *Оцените Ваши отношения с КОЛЛЕГАМИ по организации.* Далее следует тот же перечень вопросов.

(4) В современном обществе существует множество различных групп. Подумайте, как должны быть построены отношения между разными группами людей. Используя следующую шкалу, отметьте, в какой степени вы согласны с приведенными ниже утверждениями:

		Не согласен-согласен
		от 1 до 6
1.	Одни группы людей лучше, чем другие	
2.	Одни группы людей должны иметь больше возможностей в жизни, чем другие	
3.	Одни группы не должны доминировать над другими	
4.	Чтобы преуспеть в жизни, иногда необходимо игнорировать интересы других групп	
5.	Хорошо, когда существует равенство между разными группами людей	
6.	Если бы некоторые группы людей «знали свое место», в обществе было бы меньше проблем.	
7.	Если мы будем относиться к разным группам людей как к равным, в нашем обществе станет меньше проблем	
8.	Группы с низким статусом должны «знать свое место»	
9.	Равенство между группами идет на благо обществу	
10.	Мы должны делать все, что в наших силах, чтобы разные группы имели равные условия жизни	

Обработка и интерпретация результатов (1-3 категории) Шкала А – Человечность в межличностных и межгрупповых отношениях по каждой категории (другая социальная группа, начальник, коллеги) включает пять факторов (субшкал).

1. *Симпатия* в отношении к другим, другой группе (1–4-й вопросы опросника). Определяется как устойчивая эмоциональная предрасположенность к другому, к другой группе. Основу симпатии составляют общие взгляды, интересы, ценности. Кроме того, она может возникнуть как следствие избирательной положительной реакции на внешность, особенности поведения и черты характера другого человека, группы.

2. *Комфорт* в отношениях с другими, с другой группой (5–7-й вопросы). Это оценка удобства в межличностных и межгрупповых отношениях.

3. *Сопричастность* с другими, другой группой (8–10-й вопросы). Определяется как способность чувствовать себя причастным к общему делу, проявлять готовность что-то сделать для общего блага, разделить ответственность за сделанное кем-то другим; стремление сохранить связь с группой, общностью вопреки всему.

4. *Увлеченность* другими, другой группой (11–13-й вопросы). Включает оценку состояния воодушевления, совершение под влиянием этого настроения активных действий по достижению конкретных целей.

5. *Близость* с другими, с другой группой (14–17-й вопросы). Это оценка сходства по основным свойствам и признакам; близость, обусловленная общностью происхождения (генетического, культурно-исторического, экономического, цивилизационного и др.).

(4) *Шкала Д – Общая ориентация на социальное доминирование*

Шкала состоит из 2-х субшкал «Анти-эгалитаризм» и «Доминирование». Ключ: Субшкала «Антиэгалитаризм»: 2, 4, 6, 8, 10 (обратные пункты). Субшкала «Доминирование»: 1, 3, 5, 7, 9 (прямые пункты). Расчеты производятся по средним баллам каждой субшкалы.

Доминирование в организации. Равнозначность понятий «неприятнь» и «доминирование» с помощью автоматизированной системы¹ ассоциативного анализа близости слов через облако ассоциаций возможно определить как достоверную их близость, так и внести в модель Т. Питтински соответствующие изменения. Собственно доминирование в организации измерялось опросником «Общая ориентация на социальное доминирование» [Гулевич и др. 2018]. Опросник построен на выявлении социальной иерархии в организации как естественной, так и «случайной». К первым относятся пол и возраст, которые связаны с циклом жизни человека, ко вторым – принадлежность к социальным группам: этническому, с различным социально-экономическим статусом, имеющим определенные политические или религиозные предпочтения и др. Нас будут интересовать «случайные» группы. Опросник состоит из 2-х субшкал «Антиэгалитаризм» и «Доминирование». Считается, что субшкала доминирования лучше предсказывает явные, а субшкала антиэгалитаризма – скрытые формы предрассудков [Но et al. 2015]. В целом обе субшкалы образуют общую шкалу ориентации на социальное доминирование в организации. Сотрудники, имеющие выраженное социальное доминирование, как правило, одобряют существующую групповую иерархию, они против группового равенства. И наоборот, те, у кого слабо выражено доминирование, поддерживают идею равенства, они против групповой иерархии.

Культура среды определялась через установление стадии развития организации и оценки ее организационной культуры.

¹ URL: <https://socation.org/labs/wordcloud> (дата обращения 25.10.2020)

Стадия развития организации выяснялась на основании экспертной оценки по алгоритму с использованием специальных таблиц [Секиров 2013], изучения интернет-ресурсов. Первым этапом алгоритма был анализ текущего состояния организации для определения, является она растущей или стареющей. Следующий этап – нахождение стадии жизненного цикла. На третьем этапе выявлялись организационные характеристики, которые меняются от этапа к этапу. Оценки получались в результате использования шкалирования – упрощенного варианта количественного метода анализа. Организационная культура устанавливалась в ходе опроса по методике «Диагностика организационной культуры», использовался модернизированный для организаций высшего образования вариант [Булгаков и др. 2018].

Культура опосредствования изучалась в сравнительном анализе двух социально-психологических технологий: «Метафора жизни» и «Моделирование межгрупповой адаптации (МГА)». Технологии были реализованы в ходе освоения дисциплин «Социально-психологический тренинг профессионального общения» (МосУ МВД) и «Психология межгрупповой адаптации» (РГГУ). Здесь на примере выполнения 2-х видов творческих заданий на учебных занятиях в образовательных организациях разного типа показаны возможности принципа культурного опосредования как методологической основы изучения человечности в организации. Занятия проводились в офлайн и онлайн режимах. Каждое творческое задание предоставляло возможность выявить социальную типичность изучаемых групп, оценить стереотипизацию и предвзятость, выяснить с использованием корреляционного анализа их связь с субшкалами человечности и доминирования в организации.

Задание 1. «Моделирование межгрупповой адаптации на примере своей учебной группы: эмпирическое исследование» (РГГУ). В конце изучения теоретического курса «Психология межгрупповой адаптации (МГА)», выполнения практических заданий по социально-психологическому изучению всех членов учебной группы, группы в целом, студентам предложено провести эмпирическое изучение особенностей МГА между группами, сформированными обучаемыми по самостоятельно выбранному критерию. Студенты представили учебную группу в виде организации со своей структурой, функционалом, сферой деятельности, находящейся в своем развитии на стадия жизненного цикла Адизеса [Adizes 2008], определяемому по специальному алгоритму [Секиров 2013]. По всем показателям выбранная модель должна была в значительной степени соответствовать характеристикам РГГУ, чтобы можно было использовать полученные ранее данные,

включая интернет-ресурсы вуза. Далее в этой организации-модели определялись самостоятельно любые взаимодействующие группы. Изучение процесса МГА включало: во-первых, исследование организационной культуры. Во-вторых, изучение мотивации на основе модернизированного опросника «Мотивационный профиль» [Ричи, Мартин 2004]. В-третьих, определение социально-психологической адаптации на основе применения методики изучения социальной идентичности [Шнейдер, Хрусталева 2014]. Предложенные группы классифицировались по уровням на основании понятия «социальная типичность» [Балева 2020]. Оценка социальной типичности групп проводилась по результатам анализа представленных студентами отчетов лабораторной работы. Стереотипизация содержательно анализировалась через оценку описания представителя «чужой» группы в обобщенных терминах поведения проявления определенного качества [Балева 2017; Machunsky, Meiser 2014]. Для чего использовалась адаптированная автоматизированная программа семантического анализа текстов сайтов Адвего, Txt.ru, Istio.com и др. Текстами являлись отчеты о практической работе [Булгаков 2019]. Предвзятость оценивалась в следующей процедуре. Всем членам учебной группы предлагалось отнести самого себя к одной из выявленных подгрупп, т.е. каждый определял «свою» и «другую» группу. Затем всех просили охарактеризовать обе группы с помощью набора положительных и отрицательных качеств, выбрав любое их количество. Использовался список позитивных и негативных качеств [Шнейдер, Хрусталева 2014]. Таким же образом выявлялась прототипическая группа, объединяющая обе рассматриваемые категории. Разность совпадений с прототипическими характеристиками, присвоенными «своей» и «чужой» группе, засчитывалась как показатель предвзятости [Machunsky, Meiser 2014].

Задание 2. «Метафора моей жизни в размышлениях и действии» представляет собой психотехнологию по развитию самосознания, креативности и эмпатии [Вачков 2006]. Технология реализуется через стратегии: а) метафорическое мышление и творческие способности каждого участника в отдельности; б) процесс совместного творчества. Тренинг показал свою жизнестойкость в онлайн режиме. После индивидуального выполнения творческих заданий создаются творческие команды по 3-5 чел. для постановки пьес (в режиме онлайн – радиоспектаклей) по сюжетам придуманных историй. Тренинг завершается групповой дискуссией. Далее изучаются показатели: 1) социальная типичность групп оценивалась по представленным историям, как в задании №1, их анализ позволил выделить категории групп, отличающихся от других групп своими специфическими характеристиками;

2) стереотипность и предвзятость рассчитывались по схемам задания №1.

Культура посредничества в организации определялась в каждой группе на основании методики «Профессиональная рефлексия межгрупповой работы» [Булгаков и др. 2018]. Для анализа использовалась схема *экспертной оценки* [Лебедев 2019, с. 185–188]. Она представлена как 10-балльная шкала с оппозициями: 1) терпимость к ошибкам и нетерпимость к некомпетентности; 2) готовность к экспериментам и строгая дисциплина; 3) психологическая безопасность и безжалостная откровенность; 4) сотрудничество и личная ответственность; 5) плоская структура и сильное лидерство. Подсчет ведется в средних. Результат: уровни межгрупповой работы.

Характеристика эмпирической выборки. В исследовании участвовали студенты института психологии имени Л.С. Выготского РГГУ – 3 учебные группы 4-го курса очного обучения, из них: 2 группы – психология служебной деятельности (ПСД) по 13 и 17 чел.; 1 группа – психология и педагогика девиантного поведения (ППДП) – 15 чел.; курсанты Института психологии служебной деятельности МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя – 1 группа 3 курса очного обучения ПСД – 21 чел. Возрастной состав выборки 20-22 года, 90% девушки. Всего 66 чел.

Задание №1 (РГГУ) выполняли 3 учебные группы (всего 45 чел.), составившие 11 экспериментальных групп (ЭГ) по 4-5 чел.: ПСД-1, всего 13 чел., ЭГ1-ЭГ3; ПСД-2, всего 17 чел., ЭГ4-ЭГ7; ППДП, всего 21 чел., ЭГ8-ЭГ11. Задание №2 (МосУ МВД) выполняла 1 учебная группа (всего 21 чел.), составившие 5 экспериментальных групп: ЭГ12-ЭГ16. Следует отметить, что значительное количество данных получено не только на указанных учебных занятиях, но в ходе предыдущих курсов 2019/20 уч. г.

Эмпирическая работа строилась как сравнительное корреляционное исследование, где зависимой переменной выступали ИЧО и его показатели, независимыми – ситуация пандемии, ОК, стадия развития организации, типичность группы, стереотипность, предвзятость, доминантность. При этом измерение ИЧО проводилось трижды: за 4 месяца до пандемии, в первый месяц и через 3 месяца вынужденной изоляции. Полученные данные помещались в среду SPSS-24 с последующими математико-статистическими анализами.

Анализ результатов

Результаты человечности в межличностных и межгрупповых отношениях. На рисунке отображены максимально обобщенные результаты ИЧО в динамике развертывания внешнего фак-

тора – вынужденная изоляция от COVID-19. Даже такое простое предъявление данных указывает на чувствительность «шкалы А».

Серединная точка измерения значительно отличается от данных до начала пандемии и в конце вынужденной изоляции. Проведенная проверка с использованием F-критерия показывает различие на уровне $p < 0.01$ по всем показателям ИЧО в учебных группах образовательных организаций РГГУ и МосУ МВД. Результаты сравнения ИЧО в средних показателях «шкалы А» подтверждаются анализом d. Наибольшая дисперсия относится к компоненте измерения «отношение к коллеге», что дает почву для размышления о социально-психологическом климате в учебных группах.

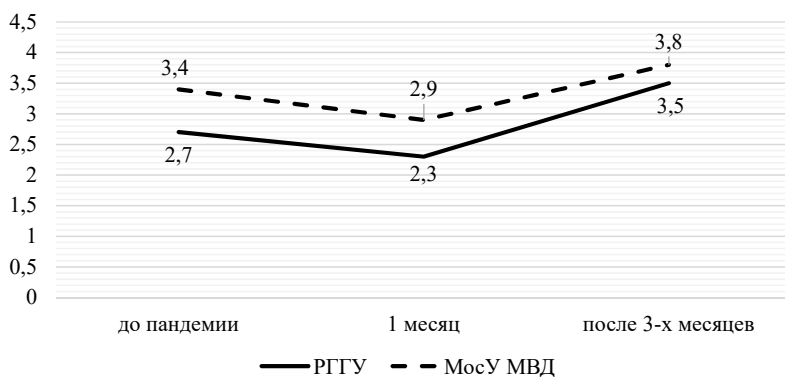

Рис 1. Динамика Индекса человечности в организациях образования РГГУ и МосУ МВД в период до пандемии, первый месяц и после вынужденного режима изоляции, $n=66$ чел., в средних по шкале от 1 до 6 баллов

Результаты определения – близость понятий «доминирование» и «неприязнь». Оценка производилась с помощью ассоциативного анализа близости слов с применением автоматизированной системы². Процедура позволила через облако ассоциаций определить достоверную близость понятий, которые максимально объединяют слова «отвращение», «отторжение», «подчинение». В понимании Фелиси Пратто и Джима Сиданиуса [Гулевич и др. 2018], можно считать понятие «доминирование» аналогом или референтом неприязни в модели *allophilia*. Далее были эмпири-

² URL: <https://sociation.org/labs/wordcloud> (дата обращения 25.10.2020)

чески установлены достоверные взаимосвязи между показателями доминирования и человечностью в организации, которые позволили не только модернизировать модель человечности в организации, но и расширить знание о межгрупповых отношениях в ней.

Результаты опроса показали, что доминирование в учебных группах находится по шкалам доминирования $m=3.87$ $d=1,56$ и анти-эгалитаризм $m=2.31$ $d=1,16$. Проведенный корреляционный анализ подтвердил наше предположение об устойчивой обратной связи между шкалами А и шкалой доминирования. При этом наиболее сильная - между симпатией и доминированием $r=-0,853$, наименее $r=-0,456$ – между доминированием и комфортом. Таким образом эмпирически подтверждено наше предположение о том, что доминирование является референтом понятий неприязнь, отвержение в модели *allophilia* Т. Питтински. Более того, можно предварительно представить шкалу «доминирование-толерантность-человечность», исходя из усредненных показателей ИЧО данного и предыдущих наших исследований [Булгаков 2020]. Доминирование или явная неприязнь определяется ниже 1,7 баллов, толерантность – от 1,8 до 2,2 баллов, человечность – выше 2,3 баллов. С накоплением данных возможно дифференциация по возрасту, полу, профессиональной принадлежности.

Результаты изучения культуры среды образовательных организаций как первого аспекта принципа культурного опосредования. Несмотря на сравнительную молодость (РГГУ работает с 1991 г., МосУ МВД России – с 2002 г.), университеты занимают лидирующие места среди вузов страны. Студенты РГГУ и курсанты МосУ МВД России определили организацию своих вузов как находящихся в своем развитии на стадии жизненного цикла «Юность» (Adolescence) по Адизесу. Алгоритм показал 55-65% совпадений по используемым таблицам, что вполне достаточно для правильности оценки. Организации в разной степени как похожи, так и отличаются. Так определение пройденных вузом межстадийных переходов показало, что произошли смены руководства, усилилось делегирование полномочий, имеет место тенденция смены целей. Таким образом, переменная «Культура как среда» в показателе «Стадии развития организации» уравновешена, организации находятся на стадии жизненного цикла «Юность».

Оценка *организационной культуры (ОК)* показала следующие результаты. Доминирующей ОК в РГГУ является ОК Результат, в МосУ МВД – ОК Порядок, вузы схожи по второй позиции в иерархии субкультур – ОК Отношения. Структуры ОК вузов не являются конкурентными, противоречивыми, их характеристики не указывают на то, что ситуации, возникающие в них, будут развиваться резко и неопределенно, хотя и специфично. Результаты

оценки ОК в средних по 100 бальной шкале: РГГУ – ОК Отношения 26 баллов, ОК Творчество 19 баллов, ОК Результат 33 балла (доминирующая ОК), ОК Порядок 22 балла. Соответственно МосУ МВД 25; 18; 20; 37 баллов (доминирующая ОК).

Далее был проведен корреляционный анализ субшкал шкалы А по трем компонентам (отношение к этнической группе, к начальнику, к коллегам) с показателями субкультур вузов (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи показателей ИЧО в РГГУ и ОК «Результат»

Показатели ИЧО		
Симпатия к Начальнику	Корреляция Пирсона	,517*
	Знач. (двухсторонняя)	,047
	N	11
Комфорт с Начальником	Корреляция Пирсона	,644*
	Знач. (двухсторонняя)	,032
	N	11
Комфорт с Коллегой	Корреляция Пирсона	,558*
	Знач. (двухсторонняя)	,046
	N	11
Увлечённость Коллегой	Корреляция Пирсона	,578*
	Знач. (двухсторонняя)	,047
	N	11

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи показателей ИЧО в МосУ МВД и ОК «Порядок»

Показатели ИЧО		
Сопричастность с Начальником	Корреляция Пирсона	,765**
	Знач. (двухсторонняя)	,047
	N	5

Увлеченность Начальником	Корреляция Пирсона	,709**
	Знач. (двухсторонняя)	,041
	N	5
Сопричастность с Коллегой	Корреляция Пирсона	,781**
	Знач. (двухсторонняя)	,039
	N	5

Выявлено отсутствие значимых корреляций шкалы А (межэтнический компонент) с субкультурами организаций. Доминирующие ОК в РГГУ дали по две значимых корреляции с компонентом начальник (симпатия, комфорт) и с коллегами (комфорт, увлеченность). В МосУ МВД – две с начальником (сопричастность, увлеченность) и одну с коллегой (сопричастность)

Результаты изучения культуры опосредствования как второго аспекта принципа опосредствования. Выявлено распределение групп по критерию социальная типичность. Так при выполнении 1-го задания критериями для изучения в группах МГА стали, например, такие, как рост, курение, место проживания, наличие сестры/брата, профессиональная идентичность, специальность обучения и др. Группы, описанные в отчетах, по критериям: курение, место проживания, наличие сестры/брата, характеризуются низким уровнем социальной типичности (узнаваемости), а группы, определенные критериями рост, специальность, – средним уровнем социальной типичности. Описание реальных социальных групп с высоким уровнем социальной типичности выявлено не было. Задание 2, примеры историй: «О 3-х братьях и счастье (на основе известной притчи)»; «Ананас – энтузиаст, стремящийся вверх»; сказка: «Жизнь – это события, которые могут состоять из шоколада и любви. Главное, чтобы шоколад был не горьким, а любовь – взаимной» и др. Критерием типичности стал уровень креативности описания. *Результат распределения групп социальной типичности.* По уровням в РГГУ (45 чел., 11 экспериментальных групп): 5 групп имеют низкий, 6 групп средний уровни социальной типичности. Соответственно в МосУ МВД (21 чел., 5 экспериментальных групп) – 2 и 3 группы. Высокий уровень не был выявлен ни в одной из учебных групп вузов. *Результаты стереотипности и предвзятости.* В табл. 4 представлены результаты корреляционного анализа между ИЧО и стереотипностью и предвзятостью. По всей выборке стереотипность дала устойчивую положительную корреляцию с ИЧО на уровне 0,01, предвзятость – отрицательную на уровне 0,05.

Корреляционный анализ отдельно по учебным группам вузов значимых взаимосвязей не выявил. Проведено сравнение распределения стереотипности, предвзятости и ИЧО в выборках ЭГ учебных групп вузов, использовался критерий U Манна-Уитни для независимых выборок. Выявлено на уровне значимости 0,05 различие по всем показателям: стереотипность $U=0,38$, предвзятость $U=0,38$ и ИЧО $U=0,27$

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа между ИЧО и стереотипностью и предвзятостью

Корреляции				
		Стереотипность	Предвзятость	ИЧО
Стереотипность	Корреляция Пирсона	1	-,462	,791**
	Знач. (двухсторонняя)		,096	,001
	N	16	16	16
Предвзятость	Корреляция Пирсона	-,462	1	-,623*
	Знач. (двухсторонняя)	,096		,017
	N	16	16	16
ИЧО	Корреляция Пирсона	,791**	-,623*	1
	Знач. (двухсторонняя)	,001	,017	
	N	16	16	16
** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).				
корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).				

Результаты изучения культуры посредничества как третьего аспекта принципа культурного опосредования представлены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты экспертных оценок межгрупповой работы как дескриптора культуры посредничества по 10 бальной шкале опросника И.М. Лебедева

Показатели	РГГУ		МосУ	
	Ср	Ср. откл	Ср	Ср. откл
Терпимость к ошибкам и нетерпимость к некомпетентности	6,72	0,71	6,25	1,03
Готовность к экспериментам и строгая дисциплина	6,18	0,96	6,06	1,07
Психологическая безопасность и безжалостная откровенность	6,54	0,86	6,24	1,01
Сотрудничество и личная ответственность	6	0,91	6,05	1,17
Плоская структура и сильное лидерство	5,36	1,01	5,79	1,53
<i>Общая оценка межгрупповой работы</i>	6,16	0,88	6,08	1,16

Критическое значение U-критерия Манна-Уитни при численности сравниваемых групп РГГУ – 11 и МосУ – 5 групп составляет $90 \leq 9$, следовательно, различия уровня признака в сравниваемых группах статистически значимы ($p < 0,05$). При этом межгрупповая работа в учебной группе РГГУ была оценена на более высоком уровне, чем в МосУ МВД.

Интерпретация и обсуждение результатов

Во-первых, модель «Человечность в организации» показала свою работоспособность в сложных ситуациях пандемии. Выявлено, что ИЧО в группах образовательных организаций под воздействием внешнего фактора – самоизоляции от COVID–19 – имеет нелинейную динамику. Падение индекса в первый месяц пандемии вполне ожидалось. Шкала А чувствительна к резким внешним изменениям среды. Однако различие ИЧО между ведомственным и гуманитарным вузом натолкнуло на размышление о стереотипности представлений о системе социально-психологического сопровождения учебного процесса в вузах. Представлялось, что в МосУ МВД человечность будет ниже, чем в РГГУ. При

уравновешенности выборок по возрасту, полу, программе обучения «Психология служебной деятельности», схожему по формальным критериям подбору преподавателей (педагогический стаж, ученые степени и т.д.), условиям обучения на первое место в объяснении полученных результатов выступили не столько показатели среды, а результаты взаимодействия более упорядоченной (иерархической) организационной среды вуза с личностными особенностями курсантов. В МосУ МВД изначально реализуется программа профессионально-психологического отбора, существуют строгие требования к соматическому здоровью, фактически проводится контроль за учебным процессом, обязательно предоставление рабочего места после окончания обучения в вузе и т.д. Таким образом, нами зафиксировано социально-психологическое явление: жесткость требований по реализации целевых установок организации в сочетании с их доступностью для понимания снижает неопределенность и парадоксально ведет к повышению уровня человечности.

Во-вторых, продолжая модернизацию модели аллофилия Т. Питтински, было использовано понятие «человечность» как эвфимизм, устраняющий долговременный дисбаланс: внимание к предрассудкам, ненависти между группами за счет межгрупповых отношений. При этом нами качественно и количественно доказана возможность замещения понятий «неприятие», «ненависть» понятием «доминирование», что позволило выйти в пространстве социально-психологических проблем организации вне зависимости от ее принадлежности.

В-третьих, в ходе практического эксперимента будущие психологи получили навык социально-психологического анализа с использованием социально-экономических, организационных, лингвистических методов. Они увидели свои организации как бы со стороны, в зеркале гармонии ценностей ОК. Доминирующая в МосУ МВД культура: порядок стабильно обеспечивают выполнение поставленных задач; критерии успеха в организации – надежность, четкость выполнения, затраты на которые как правило не учитываются. Карьера сотрудников долгосрочная, предсказуемая, предполагается их рациональное использование в правоохранительных органах. Доминирующая в РГГУ культура: в целом образовательная организация ориентирована на высокие результаты выполнения поставленной задачи. Руководители в своих решениях тверды и требовательны, проводят свою карьерную линию. Создаются и реализуются условия для конкуренции, для стремления побеждать других. Критерии успешности совместной деятельности: умение выполнять поставленные задачи как традиционными средствами, так и с помощью ресурсов из других

сфер деятельности. Приведенные характеристики ОК сглаживает, уравнивает ОК Отношения, занимающая вторую позицию в профиле ОК вузов. Образ университета как большой семьи, а руководства подразделений как «отцов (матерей)-наставников» не зависимо от возраста всегда в умах и сердцах. И это уже хорошо. Студенты стремятся к межличностным и межгрупповым взаимоотношениям, характеризующимся понятиями дружбы, товарищества и братства.

Отсутствие значимых корреляций между субкультурами организаций и компонентом «другие» шкалы А (межэтнический компонент) говорит о разных областях измерения. ОК – атрибут конкретной организации, другая группа (этническая) у каждого из опрашиваемых своя, она находится как правило вне организации. Положительная связь ОК результат в РГУ с субшкалами «Симпатия» и «Комфорт» (компонент отношения с начальником) и «Комфорт», «Увлеченность» (компонент отношение с коллегами) говорит о позитивной социально-психологической атмосфере в ходе занятий (симпатия, комфорт) и достаточном уровне мотивации к совместной деятельности (увлеченность) в учебном коллективе. ОК порядок в МосУ МВД коррелирует с субшкалой «Сопричастность» в категориях отношения с начальником и коллегами, что объясняется выполнением одного дела – служба в правоохранительных органах. Связь увлеченности в категории отношение с начальником может свидетельствовать об активности в служебной деятельности.

В-четвертых, культура опосредствования проявлялась в предъявлении типичности представлений о групповых и межгрупповых взаимодействиях, оценках стереотипности и предвзятости. Схожесть выборок по критерию социальной типичности говорит не столько о низкой креативности участников (высокого уровня выявлено ни в одном из вузов не было, пропорция между низким и средним уровнем является вполне гармоничной), сколько об общей тенденции современной российской студенческой молодежи использовать оптимальные для решения задач социального взаимодействия способы. В то же время выявленное различие между вузами во взаимосвязях ИЧО со стереотипностью и предвзятостью, подтвержденное устойчивой положительной корреляцией стереотипности на уровне 0,01, с предвзятостью отрицательной на уровне 0,05, говорит о возможностях ИЧО в прогнозе проявления когнитивных и мотивационных социально-психологических явлений в различных группах испытуемых. А изменение человечности в межгрупповых отношениях опосредовано (через изменение социальной типичности) ведет к изменению предвзятости. Главное – уметь выявить и запустить

этот циркулирующий и самоорганизующийся социально-психологический механизм при обязательном понимании вектора направления движения групп в организации, да и всего вуза в целом.

В-пятых, культура посредничества проявилась в различии оценки уровней межгрупповой работы в учебных группах РГГУ и МосУ МВД (У-критерия Манна-Уитни). В РГГУ она была оценена на более высоком уровне. В обеих группах был выполнен ряд методологически обоснованных процедур: обмен представлениями о состоянии групп и организации, анализ ситуации, её конструктивная проблематизация. Реализованы социально-психологические эффекты межгруппового взаимодействия: форума, резиденциальности, обмена, эффект методики. Представляется, что именно последний дал такой результат.

Ограничение исследования

Методика человечность-доминирование в организации требует дальнейшего уточнения на больших по объему и разнообразных по составу выборках.

Заключение

1. Реальный эксперимент доказал обоснованность модели «человечность-доминирование», являющейся не только модернизацией модели аллофилии Т. Питтински, но убедительно продемонстрировавшей ее большую устойчивость и работоспособность по сравнению с исчерпавшей себя в современных условиях моделью «неприязнь-толерантность». Целевая группа сравнения, или «другая группа», перестала быть исключительно этнической группой: предложены варианты оценки отношений к асоциальным, маргинализированным группам таким, как нищие, бездомные, проститутки и др., а также к социальным группам – профессиональным, возрастным и др. Введены дополнительно еще две категории анализа – отношение к руководителю (начальнику, лидеру) и отношение к коллегам по группе, что позволило расширить пространство человечности в координатах социальной дистанции и тем увеличить значение ИЧО. Использование шкалы доминирование конгруэнтно разрешило проблему смещения акцента на исключительно положительное в межгрупповых и межличностных отношениях, характерного для «шкалы А» Т. Питтински.

2. Проведенное исследование показало, что ИЧО в образовательных организациях под воздействием пандемии имеет нелинейную динамику: от резкого падения индекса в первый месяц до плавного роста в последующие 3 месяца по отношению

к уровню повседневной жизни. При уравновешенности выборов по возрасту, полу, программе обучения «Психология служебной деятельности», схожему по качеству подбору преподавателей и условиям обучения уровень ИЧО в гуманитарном вузе ниже, чем в ведомственном. Выявлены устойчивые обратные связи между субшкалами А и Д: максимальная – $r=-0,853$ с субшкалой «Симпатия» и минимальная – $r=-0,456$ «Комфорт»; при этом больший вклад дает субшкала «Антиэгалитаризм», которая выступает как совокупность индивидуальных и групповых социальных представлений о естественном неравенстве людей. Причем, как правило, антиэгалитарные высказывания в организации редки, но они остаются потенциальной основой для конкретных деструктивных конфликтных действий и девиантного поведения.

3. Исследование человечности в контексте принципа культурного опосредования подтвердило его работоспособность в изменяющихся условиях социума, где среда (ситуация) является важной детерминантой влияния на личность, группу, а посредничество в форме субъективной интерпретации ситуации значимо меняет поведение человека. Отсюда задача исследователей и практиков дать оценку опосредствованию через определение дизайна сил, воздействующих как внутри, так и вне личности, группы, организации. Несмотря на сложность построенного на основе принципа культурного опосредования методического аппарата, его применение позволяет охватить изучаемое явление на всех уровнях конструкта личность-группа-организация, а простота и лаконичность элементов шкал ЧДО делают диагностический инструмент доступным как для администрирования, так и для понимания.

4. Дальнейшими направлениями изучения результатов применения моделей ЧДО и ИЧО являются, во-первых, мероприятия по количественному увеличению выборов, расширению их разнообразия по социальным группам. Во-вторых, изучение наличия/отсутствия связи шкал А и Д с другими атрибутами межгрупповых и межличностных отношений. В-третьих, повышение прогностических показателей шкал в увязке с показателями эффективности совместной деятельности профессиональных групп организации.

Литература

Балева 2017 – *Балева М.В.* Когнитивно-стилевые и контекстные факторы ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации при восприятии искусственных социальных групп // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 67–84.

- Балева 2020 – *Балева М.В.* Роль когнитивных факторов в восприятии искусственных социальных групп с разным уровнем социальной типичности // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 2. С. 90–107.
- Булгаков 2015 – *Булгаков А.В.* Принцип культурного опосредования как основа сравнительного анализа результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 10(153). С. 37–59.
- Булгаков и др. 2018 – *Булгаков А.В., Иванова М.С., Павлютенкова О.А.* Вовлеченность в профсоюзное движение: междисциплинарный подход: монография / Под общ. ред. А.В. Булгакова. М.: Диона, 2018. 208 с.
- Булгаков 2019 – *Булгаков А.В.* Семантический анализ как экспресс-методика оценки представлений о риске в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 4. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/979> (дата обращения 11 авг. 2020).
- Булгаков 2020 – *Булгаков А.В.* Индекс человечности в организации: обоснование, измерение, применение [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 8–37. URL: <http://orgpsujournal.hse.ru>. (дата обращения 11 авг. 2020).
- Вачков 2006 – *Вачков И.В.* Метафорический тренинг. 2-е изд. М.: «Ось-89», 2006. 144 с.
- Выготский 1982 – *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
- Выготский 2005 – *Выготский Л.С.* Психология развития личности. М.: Эксмо, 2005. 182 с.
- Гулевич и др. 2018 – *Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е.* Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odobrenie-grupповой-ierarhii-russkoyazychnaya-versiya-shkaly-dlya-izmereniya-orientatsii-na-sotsialnoe-dominirovanie> (дата обращения 11 авг. 2020).
- Лебедев 2019 – *Лебедев И.М.* Социально-психологические условия внедрения цифровизации в строительстве: Дис. ... кандидата психологических наук. Моск. гос. обл. ун-т, 2019. 240 с.
- Ричи, Мартин 2004 – *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.
- Секиров 2013 – *Секиров Р.И.* Алгоритм определения стадии жизненного цикла организации // Экономика, Статистика и Информатика. 2013. № 2. С. 63–66.

Шнейдер, Хрусталева 2014 – Шнейдер Л.Б., Хрусталева В.В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ. 2014. № 3. С. 83–96.

Adizes 2008 – Adizes I. *Managing corporate lifecycles: tutorial*. SPb.: Piter, 2008.

Ho et al. 2015 – Ho A.K., Sidanius J., Kteily N., Sheehy-Skeffington J., Pratto F., Henkel K.E., Stewart A.L. The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO7Scale // *Journal of Personality and Social Psychology*. no. 109. P. 1003–1028.

Machunsky, Meiser 2014 – Machunsky M., Meiser T. Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception // *Social Psychology*. 2014. Vol. 45. no. 1. P. 15–30.

Pittinsky 2005 – Pittinsky T.L. *Allophilia and intergroup leadership*. Manuscript submitted for publication. 2005.

References

Adizes, I. (2008), *Managing corporate lifecycles: tutorial*, Piter, St. Petersburg, Russia.

Baleva, M.V. (2017), “Cognitive-style and contextual factors of in-group bias and out-group stereotyping in the perception of artificial social groups”, *Social psychology and society*, vol. 8, no. 2, pp. 67–84.

Baleva, M.V. (2020), “The role of cognitive factors in the perception of artificial social groups with different levels of social typicality”, *Experimental psychology*, vol. 13, no. 2, pp. 90–107.

Bulgakov, A.V. (2020), “Index of humanity in the organization: justification, measurement, application”, *Organizational psychology* [Electronic], vol. 10, no. 3, pp. 8–37, available at: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (Accessed 11 Aug. 2020).

Bulgakov, A.V. (2015), “The principle of cultural mediation as the basis for comparative analysis of the results of studies of intergroup adaptation in organizations”, *Vestnik RGGU, “Psychology. Pedagogy. Education” Series*, no. 10(153), pp. 37–59.

Bulgakov, A.V. (2019), “Semantic analysis as an express method for assessing risk perceptions in professional activity”, *Bulletin of the Moscow State Regional University* [Electronic], no. 4, available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/979> (Accessed 08 Aug. 2020).

Bulgakov, A.V., Ivanova, M.S. and Pavlyutenkova, O.A. (2018), *Vovlechennost' v profsoyuznoe dvizhenie: mezhdisciplinarnyj podhod: monografiya* [Involvement

in the trade union movement: an interdisciplinary approach: monograph], in Bulgakov, A.V. (ed.), Diona, Moscow, Russia, 208 p.

Gulevich, O.A., Agadullina, E.R. and Khukhlaev, O.E. (2018), "Approval of the group hierarchy: the Russian-language version of the scale for measuring orientation towards social dominance", *Psychology. HSE Journal* [Electronic], no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/odobrenie-grupповoy-ierarhii-russkoyazychnaya-versiya-shkaly-dlya-izmereniya-orientatsii-na-sotsialnoe-dominirovanie> (Accessed 08 Aug. 2020).

Ho, A.K., Sidanius, J., Kteily, N., Sheehy-Skeffington, J., Pratto, F., Henkel, K.E. and Stewart, A.L. (2015), "The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO7Scale", *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 109, pp. 1003–1028.

Lebedev, I.M. (2019), Socio-psychological conditions for the implementation of digitalization in construction, Ph.D. Thesis, Mosk. state region un-t, Moscow, Russia, 240 p.

Machunsky, M. and Meiser, T. (2014), "Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception", *Social Psychology*, vol. 45, no. 1, pp. 15–30.

Pittinsky, T.L. (2005), Allophilia and intergroup leadership. Manuscript submitted for publication.

Ritchie, S. and Martin, P. (2004), *Upravlenie motivaciej* [Motivation Management], UNITI-DANA, Moscow, Russia, 399 p.

Schneider, L.B. and Khrustaleva, V.V. (2014), "Associative test as the basis for constructing a methodology for studying social identity", *Bulletin of the RMAT*, no. 3, pp. 83–96.

Sekirov, R.I. (2013), "Algorithm for determining the stage of the organization's life cycle", *Economics, Statistics and Informatics*, no. 2, pp. 63–66.

Vachkov, I.V. (2006), *Metaforicheskij trening* [Metaphorical training], 2nd ed., "Os-89", Moscow, Russia, 144 p.

Vygotsky, L.S. (1982), "Historical meaning of the psychological crisis", in Luria, A.R. and Yaroshevsky, M.G. (ed.), *Sobranie sochinenij: v 6-ti tomah. Tom 1. Voprosy teorii i istorii psihologii* [Collected works: In 6 volumes. Vol. 1. Questions of theory and history of psychology], Pedagogy, Moscow, Russia, 488 p.

Vygotsky, L.S. (2005), *Psihologiya razvitiya lichnosti* [Psychology of personality development], Eksmo, Moscow, Russia, 182 p.

Информация об авторе

Александр В. Булгаков, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; av_bulgakov@mail.ru

Information about author

Alexander V. Bulgakov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *av_bulgakov@mail.ru*

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
И.В. Попова

Компьютерная верстка
В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать 24.11.2020.
Формат 60x90/16.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ.л. 10,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1015

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru